

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Ф ИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ПСЕВДОМОРФОЗ, СУПЕРПОЗИЦИЯ МОДЕЛЕЙ
КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
БИОТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ
И ЭТИКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ТРАНСУМАНИЗМ КАК НОВОЕ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОВРЕМЕННОСТИ

2021/ № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Купц Т. — д-р философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Митио М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония)

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала

Сафонов А. Л. — д-р филос. наук, доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2021. — № 2. — 108 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Murmansk Arctic State University

L. A. Demina – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Kutafin Moscow State Law University

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Tver State Technical University

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Dr. of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

D. Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

T. Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V. L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Lomonosov Moscow State University

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V. A. Pesotsky – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Region State University, Scientific Consultant

A. L. Safonov – Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

M. Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 – 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2021. – № 2. – 108 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Сафонов А. Л. Философия и умозрительная картина реальности (анализ категории *Бытие* и её роли в познании мира).....6

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Золкин А. Л. Псевдоморфоз, суперпозиция моделей культуры и цивилизационный синтез. . .23
Кононов С. В. Концептуализация социальной безопасности региона
российско-китайского приграничья в исследованиях китайских авторов 31
Лонский Я. А. Трансгуманизм как новое религиозно-политическое движение современности . .42
Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Политическая репрезентация в горизонте
двух парадигм политического: «олицетворение» и «автоматизм правил» 51
Теплых Н. В. Патриотизм и святость как социальные доминанты традиций «русского мира» . .64
Титова Е. И. Влияние национальной культуры хозяйствования на экономическую
ментальность русского человека 70
Шааб А. (Алия), Шааб А. (Алисия). Философско-правовые аспекты реализации
концепции устойчивого развития 76

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Пожарский С. Д., Юмкина Е. А. Диалектика акме и кате в философии Гераклита 82

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Виноградов А. И., Яшин А. Н. Философский анализ феномена биотехнологий в контексте
религиозных и этико-правовых ценностей 93

РЕЦЕНЗИИ

Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Научная деятельность как система категорий. Рецензия
на книгу: Лебедев С. А. Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с. . .101

CONTENTS

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

- A. Safonov.** Philosophy and the Speculative Picture of Reality (Analysis of the Category of *Being* and Its Role in the Cognition of the World) 6

SOCIAL PHILOSOPHY

- A. Zolkin.** Pseudomorphism, Superposition of Cultural Models and Civilizational Synthesis 23
S. Kononov. Conceptualization of the Social Security of the Russian-Chinese Borderland Region in the Studies of Chinese Authors 31
Ya. Lonsky. Transhumanism as a New Religious and Political Movement of Our Time..... 42
K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako. Political Representation in the Horizon of Two Paradigms of the Political: "Personification" and "Automatism of Rules"..... 51
N. Teplykh. Patriotism and Holiness as Social Dominants of the Traditions of the "Russian World"..... 64
E. Titova. The Influence of the National Culture of Management on the Economic Mentality of the Russian Person..... 70
A. (Alia) Shaab, A. (Alicia) Shaab. Philosophical and Legal Aspects of the Implementation of the Concept of Sustainable Development 76

HISTORY OF PHILOSOPHY

- S. Pozharsky, E. Yumkina.** Dialectics of Acme and Kate in the Philosophy of Heraclitus 82

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- A. Vinogradov, A. Yashin.** Philosophical Analysis of the Phenomenon of Biotechnology in the Context of Religious, Ethical and Legal Values 93

REVIEWS

- N. Gubanov, N. Gubanov.** Scientific Activity as a System of Categories 101

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-6-22

ФИЛОСОФИЯ И УМОЗРИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА РЕАЛЬНОСТИ (АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ *БЫТИЕ* И ЕЁ РОЛИ В ПОЗНАНИИ МИРА)

Сафонов А. Л.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести анализ структуры и содержания категории *Бытие* и на этой основе сформировать новый взгляд на окружающий мир, позволяющий дать новый импульс развитию как фундаментальных, так и социально-гуманитарных наук.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляют дискурсивные методы сравнительного анализа, позволяющие с помощью философской рефлексии выделить существенные признаки в различных теориях, описывающих *Бытие*. Использовался также метод синтеза, с помощью которого создан новый взгляд на данную категорию.

Результаты. Проведённый анализ показал, что *Бытие* является умозрительной категорией, отражающей единство всего сущего. Эта категория появляется в результате обобщения представлений различных форм индивидуального и группового сознания. Её содержание определяется свойствами психики человека и некоего первоначала, первоосновы, субстанции, породившего как человека, так и весь воспринимаемый им мир.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснована роль философии в формировании категории бытие и тем самым в создании общей картины мира на основе обобщения представлений различных форм индивидуального и группового сознания.

Ключевые слова: Бытие, представления о Бытии, картина мира, групповые формы сознания, общественное сознание, философские основания картины мира

PHILOSOPHY AND SPECULATIVE PICTURE OF REALITY (ANALYSIS OF BEING CATEGORY AND ITS ROLE IN THE WORLD COGNITION)

A. Safonov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Moscow Region, Mytishi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the structure and content of the category of Being and, on this basis, to offer a creation of a new view of the world around, giving a new impetus to the development of fundamental and humanitarian science.

Methodology. The work uses discursive methods of comparative analysis, which accompanied by philosophical reflection, enable indicating the essential features in various theories describing Being. The synthesis method was used, which helped form a new look at the category.

Results. The analysis showed that Being is a speculative category that reflects the unity of all things. This category is the result of the generalized ideas of various forms of individual and group consciousness.

© CC BY Сафонов А. Л., 2021.

Its content is determined by the human psyche and the primordial matter, the fundamental principle, the substance that gave rise to a man and the entire world perceived by him.

Research implications. The role of philosophy in forming Being category is substantiated and, thereby, in creating the general picture of the world on the basis of generalizing various forms of individual and group consciousness.

Keywords: Being, perception of Being, picture of the world, group forms of consciousness, social consciousness, philosophical foundations of the picture of the world

Введение

Мир для единичного индивидуума в процессе его обыденного Бытия выступает как данность. Процессы повседневной жизни создают у него представления о том, что окружающие социальная и природная среды действительно существуют. В тоже время различные религии, мифологические конструкции и философские концепции не так однозначно оценивают реальность мира. Это происходит вследствие того, что человек живет в группах. Он может принадлежать к различным классам, слоям, коллективам и другим подобным общностям. Такой способ его жизни предполагает создание обобщённых взглядов на мир. Они возникают в результате индивидуального и коллективного изучения реальности и приводят к появлению различных групповых умозрительных представлений о действительности. Наличие такого феномена, как групповые взгляды на окружающую среду, приводит к тому, что мир в мыслительных конструкциях может быть представлен как реально существующей действительностью, так и иллюзией, а также их различными комбинациями [31].

Одним из инструментов создания групповой картины мира является философия. Она появилась в глубокой древности и выработала свои специфические методы и систему категорий для описания универсума. В ней одной из базовых категорий, позволяющих создавать обобщённый взгляд на мир, является категория *Бытие*. Это предельно общее понятие сформировалось в процессе развития философии и по-разному рассматривалось мыслителями в разные периоды развития человечества. От его содержания во многом зависит со-

стояние различных форм общественного сознания. Вследствие этого для понимания процессов развития фундаментальных и гуманитарных наук, а также современных тенденций трансформации мифологического и обыденного мышления, необходимо провести анализ структуры и содержания данной категории.

Для решения этой задачи применялись дискурсивные методы сравнительного анализа онтологических теорий в исторической ретроспективе. На их основе, с помощью философской рефлексии, были определены специфические и общие черты понятия бытия, которые формировались в рамках различных концепций.

Категория *Бытие* является базовой в системе познания окружающей физической, природной и социальной среды и самого человека. От её содержания, в частности, зависит развитие фундаментальных и гуманитарных наук. Вследствие этого, кроме методов сравнительного анализа, использовался метод синтеза, который позволил создать новый взгляд на данную категорию, чтобы придать новый импульс развитию знаний и представлений о мире.

Представления о Бытии в античности

Категория бытия впервые появилась в глубокой древности. В частности, в европейской традиции она возникла в Древней Греции. Это понятие становится основой такой дисциплины как философия, которая «...рождается в Греции как мысль о бытии, причем как мысль авторская, с позиции индивидуума, и в этом качестве философия противостоит мифу с его основанием в коллективном бессознательном»

[14, с. 7]. В этот период понятие «бытие» начинает формироваться как основная категория философии, описывающая тот мир, в котором мы существуем.

На первых этапах развития человечества мир воспринимался на основе образно-эмоциональных коллективных мифологических представлений. Только с появлением первых философских концепций картина Универсума начала меняться. В них мир и его единство начинают рассматриваться исходя из «естественных» оснований. В качестве «начала начал всего» первые философы предлагали считать воду, безликий айперон, воздух и подобные субстанции, которые в их представлениях являлись первоосновой мира. Таким образом, «...естественная аналогия появилась в греческой мысли только благодаря научной революции, произошедшей в 6 в. до н. э. в Милете, когда Фалес, Анаксимандр и Анаксимен создали первую в истории человечества натуралистическую картину мира, заменившую сложный теологический аппарат мифопоэтических космогоний одним волшебным словом φύσις ‘природа’» [16, с. 60].

Гераклит был одним из первых, кто отошёл от поиска различного рода естественных, природных оснований, из которых возникает мир и которые определяют его общую картину. Он неясно излагал свои мысли, поэтому был прозван «тёмным». Его учение дошло до нас в различных фрагментах и в пересказах различных авторов. Вследствие этого «...изложение его философии — это всегда интерпретация» [6, с. 8]. Он выступил против механистического понимания мира. «Гераклит был убеждённым противником этого нового, натуралистического и механистического взгляда на мир, так как видел в нём угрозу религии и морали. В своей полемике с милетцами он впервые применил космологический аргумент в пользу существования Мудрого существа (το Σοφόν) или божественного Разума (Γνώμη), управляющего всей Вселенной. Если бы мир возник из спонтанного вихря, а не по божественному плану, утверждает Гераклит, мы

бы имели перед глазами сейчас не "распрекраснейший космос (мирострой)", а "кучу мусора», рассыпанного как попало" [16, с. 61]. Единство мира, согласно его учению, обеспечивает безличный, вечный и несотворенный Logos. Он является законом, в соответствии с которым мир постоянно изменяется.

Представители различных философских школ по-разному понимают учение Гераклита. Так, в частности, ряд философов считает, что в его понимании противоположности, определяющие развитие мира, находятся в состоянии взаимосвязи друг с другом. «Сторонники натуралистической интерпретации Гераклита... — пишет А. В. Лебедев, — понимают единство противоположностей как их "связь" (connection, connectedness)» [16, с. 111]. Другие философы считают, что противоположности у Гераклита находятся в единстве и на определённых уровнях сливаются друг с другом. Их взаимосвязь и раздельное существование он «... отрицает своим учением о coincidentia oppositorum. В поддержку их позиции можно отметить то, что в аутентичных фрагментах мы находим другую формулировку: противоположности "тождественны" (τὸῦτόν) или суть "одно" (ἓν)» [16, с. 111]. В качестве примера можно привести такое высказывание Гераклита: «Они не понимают, как враждующее между собой находится в согласии, единое: наоборотный лад (гармония), как /лад/ лука и лиры» [16, с. 154]. Философ говорит: «Должно знать, что война всеобща, что вражда — справедливость (Дике), и что всё рождается через вражду и за счёт другого» [15, с. 155], «враждебно полезно, ... и всё возникает в силу вражды», «...Гомер, по словам Гераклита, молясь о том, чтобы вражда пропала из мира богов и людей, сам того не сознавая, насылает проклятие на рождение всех существ, которые рождаются благодаря войне и взаимной неприязни...» [16, с. 156]. Таким образом, Гераклит считает, что противоположности и их борьба определяют состояние Космоса, который предстаёт у него как поле битвы.

Несмотря на различные толкования, разные исследователи делают вывод, что во взглядах Гераклита «...отчётливо угадывается представление о некоем предельном единстве, которое скрывается за всем многообразием явлений» [6, с. 9]. На это, например, указывают такие высказывания Гераклита, как: «...внемля не моему, но этому логосу, должно согласиться: мудрость в том, чтобы знать всё как одно» [16, с. 103]. Логос существовал и существует всегда, «...хотя это логос существует вечно, люди оказываются непонимающими его и прежде, чем вслушаться в него, и вслушавшись однажды» [16, с. 103].

Вселенная, согласно Гераклиту, является единой для всех сущностей. Он говорит то, что «этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечноживой огонь, мерно вспыхивающий и мерно угасающий» [16, с. 114]. Его Вселенная одновременно предстаёт перед нами как единое целое, так и как совокупность явлений и объектов. «Гераклит говорит, что универсум делим–неделим...» [16, с. 114]. Огонь же, согласно высказываниям Гераклита, неотделим от космоса, является источником его изменений мира. Его Космос «...основан не на законах механики, а на целесообразности и гармонии, и является творением божественного Разума» [16, с. 61]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что огонь преобразует мир в соответствии с Логосом. Он является организующей силой данного процесса, законом, в соответствии с которым Космос приобретает структуру. Единство мира проявляется в его постоянной изменчивости.

Таким образом, Гераклит сформулировал представления об идеальном начале мира, несводимые к натуралистическим и механистическим взглядам. Его взгляды на единство всего сущего позволили в дальнейшем сформулировать понятие «бытие».

Первым известным теоретическим рассуждением о «бытии» в европейской традиции считается концепция Парменида. Этот вывод опирается на его высказывание: «Ибо мыслить – то же, что быть.

Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать» [21, с. 296]. «Ибо то, чего нет, ты не мог бы ни познать (это несуществуемо). Ни высказать» [21, с. 287]. Он разделил пути Истины и мнений и, снимая границы между предметом мышления и самим этим феноменом, «...провозгласил, что на пути Истины мыслить следует лишь то, что соткано из определений самой мысли» [12, с. 12].

Парменид был одним из тех, кто создал основы такой синтетической дисциплины, как философия. Г. Гегель говорит о нём «...мы должны признать, что с Парменидом началась философия в собственном смысле этого слова. Один человек здесь освобождает себя от всех представлений и мнений, отказывает им в какой бы то ни было доле истинности и говорит: лишь необходимость, бытие, представляет собой истинное» [9, с. 265].

Бытие у Парменида доступно лишь тем, кто отвергает чувственное, эмоционально-образное и бытовое восприятие мира. Оно «...умопостигаемо, его созерцание требует дисциплины и доступно лишь тем, кто отрёкся от соблазна следовать за чувствами» [12, с. 12]. С помощью чувственного восприятия люди воспринимают некую сумму предметов, которую они считают реальным Бытием. Однако истинное Бытие не подвластно чувствам. Оно Единое, неподвижно и однородно, является первоосновой космоса и «открывается только интуиции и уму» [21, с. 70]. Таким образом Парменид стоял у истоков формирования умозрительной философской картины мира, в которой категория *Бытие* в последствии заняла одно из центральных мест.

Согласно представлениям Платона, существует Единое, которое является началом всего и равно «ничто», создаёт мир идей Нус (Ум). Из этого мира возникает Душа, которая соединяет идеи с неповторимым и неразрушимым субстратом, который может обретать любые формы. Этот субстрат, «...называемый Платоном Восприемницей, или Кормилицей» [26, с. 298], не существует сам по себе, а прояв-

ляется только в связанном виде с идеями. Он отождествляется с полным Небытием, проявляющимся в случае его взаимодействия с миром идей, и «...является источником множественности, единичности, изменчивости, смерти и рождения, зла и несвободы» [23, с. 71]. Платон говорит: «Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее» [23]. Таким образом, всё, что нас окружает, находится постоянно в процессе своего становления и появляется в результате воплощения в нём вечной и неизменной идеи, соответствующей каждой индивидуальной вещи. Истинным же Бытием, согласно воззрениям Платона, является некая совокупность «идей», которые являются вечными и неизменными сущностями. В результате взаимодействия Бытия и Небытия возникает тот мир, в котором мы живём и который представляет собой «...нечто, находящееся посередине между ними» [25, с. 297].

Такой схеме мироздания соответствует гносеология Платона, которая изложена в его работе «Государство». Он считает, что незнание соответствует небытию, т. к. оно не познаваемо. Знание появляется, «... когда речь идет о познании бытия. Мнение возникает по поводу того, что является то существующим, то не существующим» [28, с. 101].

Таким образом, Платоном в ходе его размышлений о строении мироздания, был предложен умозрительный взгляд на окружающую нас действительность как на промежуточный мир, находящийся между истинным бытием и небытием.

Аристотель в процессе своих рассуждений сводит рассмотрение Бытия к рассуждениям о видах сущности. Он «утверждал, что бытие: а) не есть род и не может участвовать в родовидовой иерархии; б) не является предикатом; вообще не относится ни к какому типу абстракции» [22, с. 71]. Стагирит выделяет несколько видов сущего. Первый вид сущего является сущим как таковым. Другой представляет

собой первейшее небесное сущее, которое в ряде работ стало интерпретироваться как божество. Третий из них возникает в результате действий человека [4]. Кроме этого, для описания Бытия он «...привлеч парные категории морфе (формы) и хюле (материи), усии (сущности), и файеномена (феномена, явления), возможности и действительности, общего и единичного» [22, с. 71]. Более реальными сущностями являются те, в которых присутствует больше «формы», т. е. возникшие в результате большего преобразования материи. Аристотель не объясняет, что объединяет эти виды сущего. Тем не менее он говорит «бытие ни для чего не есть сущность, но сущность есть бытие для всего сущего» [6, с. 65]. Это означает, что Бытие отлично от сущности и всё входит в состав Бытия посредством сущности. Следовательно, можно предположить, что единым все виды сущего делает первый вид сущего, Бытие как таковое, представляющее собой чистое Бытие, которое существует само по себе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Аристотель считал, что существует единство мира, которое отражается в ментальной категории *Бытие*.

Таким образом, в античной философии возникает категория *Бытие*, отражающая единство всего сущего. У Гераклита это единство возникает в результате действия единого закона его развития Логоса. Такой взгляд на конструкцию мироздания создал предпосылки для появления данной категории. Парменид отделил обыденно-бытовое восприятие мира отдельным индивидуумом от умозрительной картинки действительности и первым ввёл в философию понятие Бытия. Неподвижное и однородное Бытие в его концепции противостоит своему чувственному и вследствие этого изменчивому образу в сознании индивидуума. Платон рассматривал истинное Бытие как наличие идей, представляющих собой истинные сущности, не подверженные изменениям. Единство сущего в его концепции возникает вследствие соединения вечных идей с неизменным субстратом, в результате которого появляется наш

мир. Аристотель считал, что целостность универсума обеспечивается таким видом сущего, которое существует само по себе.

У всех этих взглядов на категорию Бытия, несмотря на большие их различия, существует одна общая черта. Это понятие в античной философии возникает как базовое, предельно общее, характеризующее единство мира несмотря на его разнообразные проявления. Оно появляется в результате размышлений об устройстве мироздания и является умозрительной категорией. Бытие рассматривается с точки зрения индивидуума, который создаёт картину трансцендентного окружающего мира, частью которого он является, с помощью своего сознания. Это позволяет ему выйти за пределы имманентных взглядов обыденной жизни. Человек в представлениях античных философов остаётся частью Универсума. Он познаёт его с точки зрения элемента мироздания, окружённого бесконечной Вселенной.

Взгляды на бытие в Средневековье

Средневековая философия опиралась на дальнейшее развитие идей Платона и Аристотеля. Одним из ярких представителей этого направления был Блаженный Августин (Aurelius Augustinus Hippoensis), который в своих теологических размышлениях использовал идеи неоплатонизма. Он считал, что Бытие, неизменное и существующее само по себе, является Богом. Всё сущее сотворено им из ничего. «...До творения твоего ничего не было, кроме тебя, и ...всё существующее зависит от твоего бытия» [3, с. 585]. Бытие всего остального, включая человека, существует только в результате акта творения. Оно не существует само по себе, не имеет собственного существования, т. к. «...только неизменное, создавшее само себя, существует и даёт бытие и жизнь всему остальному» [13, с. 85].

В противоположность Блаженному Августину Фома Аквинский в своих философских построениях в большей степени опирался на метафизические конструкции

Аристотеля. Опираясь на классификацию видов сущностей Стагирита, он «...говорит о трёх субстанциальных формах бытия – Боге, бестелесных субстанциях (ангелах, душах) и телесных» [22, с. 71]. Две последние сущности потенциальны, т.к. они не самодостаточны и возникают в результате акта творения Бога. Только в нём сущность и существование совпадают. Во всех остальных проявлениях бытия более низкого порядка они различны. Так же, как и Аристотель, Фома Аквинский считал, что благодаря соединению формы и материи, которая состоит из одинаковых частиц, различающихся только положением в пространстве, духовные формы (души, ангелы) имеют различающиеся сущность и существование, а в человеке, в дополнение к этому, различаются материя и форма.

Иоанн Дунс Скот, рассматривая Бытие, утверждал, что его смысл одинаков и на уровне Бога, и на уровне сотворённого им мира. Бытие человека подобно бытию Бога, т. к. его смысл одинаков и у Бога, и у человека. Таким образом, «...сущность человека – это уже не просто реализация бытия Божьего, как это у Аквината, а человек сам обладает бытием, сходным по смыслу с бытием Господа» [13, с. 86]. В то же время он говорит о том, что Бытие, сущность и существование совпадают только в Боге. В других случаях они различны.

Дунс Скот считает, что только из конечного Бытия можно вывести бесконечное, которое не является необходимым и при-суще только бесконечному бытию Бога. Из бесконечного конечное Бытие не выводится. Человек, согласно его взглядам, «не просто сущее, а понимающее сущее» [13, с. 86]. Он может обобщить сущее, однако при этом теряет значительное количество его конкретного наполнения.

Позднее Средневековье характеризуется противостоянием двух направлений философии: номинализма и реализма. Сторонники номинализма, в отличие от реалистов, считали, что существуют единичные предметы, а общие понятия (универсалии) существуют только в представлениях человека.

Так, номиналист Уильям Оккам, взгляды которого являются типичными для позднего Средневековья, считает, «что понятия бытия, сущности, существования не должны иметь самостоятельного значения, ибо всё от Бога» [13, с. 87]. Связь конечного и бесконечного у него обусловлена только актом божественного творения. В результате этого понятие Бытия у него перестаёт иметь какой-либо смысл. Такое заключение ещё раз указывает на то, что категория *Бытие* является умозрительной конструкцией. Исходя из этого, человек должен не обсуждать этих понятий, а обратиться к вере, которая позволяет постичь то, что невозможно понять с помощью разума. Таким образом, У. Оккам отходит от метафизических построений своих предшественников и полностью концентрируется на теологической проблематике.

Надо отметить то, что номинализм, отрицая реальное существование универсалий, заложил новый тип восприятия мира, характерный для современной науки и философии. В тот период он «...разрушает фундаментальные предпосылки онтологии, просуществовавшей на европейском континенте более полутора тысячелетий, онтологии, в центре которой были понятия бытия и сущности (субстанции), постигаемых с помощью умозрения» [7]. Это особенно проявляется у эмпирического направления Нового времени (Д. Юм, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ф. Бекон и др.), в котором субъект, обладающий разумом, познаёт отдельный от него мир объектов.

Тем не менее рассуждения средневековых теологов и философов во многом повторяют рассуждения античных авторов, в первую очередь Платона и Аристотеля. Вследствие этого категория *Бытие* формируется так же, как и в античный период, и остаётся предельно общим понятием, описывающим единство мира.

Взгляды на бытие в Новое время

В Новое время наиболее полно представления о Бытии были разработаны Р. Декартом и Б. Спинозой.

В XVII в. Р. Декарт, один из основоположников философии Нового времени, совершает «онтологический переворот». Он переопределил сущее, по-новому сформулировал категории «бытие» и «мышление» и иным способом объяснил их взаимосвязь. Если раньше мышление и материя считались качеством, свойственным определённым сущностям, то, согласно Р. Декарту, они становятся субстанцией, которая совпадает с природой. В результате этой категория «бытие», которая относилась к метафизике, становится категорией, относящейся к «мышлению». В то же время «собственно онтологию задают такие категории, как "субъект" и "объект"» [17, с. 115]. Человек воспринимается Р. Декартом как сущее, обладающее способностью мыслить. Вследствие этого человек начинает осмысливать свою субъектность, противостоящую объектности окружающего мира. В процессе понимания самого себя он начинает постигать «...суть тех сил, которые как бы соучаствуют с человеком в его практической и познавательной деятельности» [18, с. 48]. Это происходит в процессе осмысления себя и реальности. Исходя из этого, Бытие, согласно взглядам Р. Декарта, начинает мыслиться как категория, которая «...даётся в мысли» [17, с. 112].

Б. Спиноза представляет Бытие как неограниченное множество вещей, имеющее бесконечное количество способов существования. Существование этих вещей согласовано между собой, «при всём своем разнообразии составляет нечто единое, а именно единую и всеобъемлющую метаперспективу – субстанцию, Бога, Природу» [29, с. 45], – которая характеризуется постоянной изменчивостью. Изменение одной компоненты приводит к согласованному изменению бесконечной совокупности других её частей. Таким образом, он приходит к пониманию Бытия как бесконечной субстанции, которая является *causa sui*, т. е. причиной

самой себя. Она вечна во времени и не ограничена в пространстве. Она является единственной, т. к. наличие ещё одной субстанции ограничивало бы её бесконечность.

Субстанция обладает бесконечным числом атрибутов. Из них человеку известны только два – протяжённость и мышление, которые независимы и не могут влиять друг на друга. Единичная вещь обладает мышлением вследствие того, что оно является атрибутом субстанции. Субстанция одновременно является и Богом, и Духом и природой («Deus sive Natura»). Таким образом, Бог Б. Спинозы не является личностным существом. В таком случае причинность возникает вследствие вечной и неразрывной цепи взаимного влияния единичных вещей друг на друга. Вследствие этого Б. Спиноза делает вывод, что всё в мире детерминировано. Случайность мыслится нами только вследствие того, что мы рассматриваем одни вещи вне связи с другими.

Таким образом, в Новое время начинает формироваться несколько иной взгляд на категорию *Бытие*. В Античность и Средневековье Бытие рассматривалось как умозрительное построение, создающее представление о единстве всего сущего. В Новое время предельно общее понятие *Бытие* становится свойством мышления, которое, в свою очередь, является атрибутом субстанции. Тем не менее категория Бытие хотя и меняет смысл и содержание, остаётся мыслительной конструкцией, отражающей единство мира.

Немецкая классическая философия

Наиболее яркими представителями немецкой классической философии, разрабатывающими представления о Бытии и мышлении, являются И. Кант и Г. Гегель.

И. Кант рассматривал внешний мир как некую сумму психических форм внутреннего сознания индивидуума, которые создавались с помощью априорных категорий. «Объективно-внешнее предстало внутренним содержанием сознания, ото-

ждеством его схемами» [18, с. 52]. Его философия предполагала, что мышление человека создаёт на основе чувственного восприятия образы предметов, которые мыслятся в единстве со всеми другими мыслимыми объектами. Индивидуум видит целостный и единый окружающий мир, состоящий из различных феноменов и явлений. Он «...представляет собой абсолютное единство мышления самого себя и всего остального мыслимого им сущего, которое существует для него в виде определённого воспринимаемого им объекта только благодаря этому единству» [24]. Рассудок сам представляет и определяет вещи на основе априорных категорий, которые мыслятся в единстве с другими подобными объектами. Ноумен, вещь в себе, т. е. подлинное Бытие, существует сам по себе, независимо от того, как он представляется человеку. То Бытие, каким оно является человеку, не существует в действительности. Оно представляет собой «логический предикат, выражающий существование вещи и относящийся к её действительности» [24]. Действительное Бытие у него иллюзорно, окружающий мир предстаёт перед индивидуумом таким, каким он ему кажется.

Надо отметить, что И. Кант в этом случае следует традиции средневековой философии, в которой «существовали взгляды на то, что бытие не есть реальный предикат или сущностное определение какой-либо вещи» [24]. Это классическое положение всей средневековой философии, в том или ином виде мы его находим у Ансельма, Фомы Аквинского, Суареса, Дунса Скота и др. Таким образом, И. Кант понимает Бытие не как нечто реальное, существующее отдельно от индивидуума, а как некий мыслительный конструкт, создаваемый индивидуумом.

Тем не менее при таком понимании Бытия возникает противоречие. Картина Бытия у него формируется рассудком, которому задаёт целеполагание и создаёт ориентиры разум. Эта картина создаётся, опираясь на априорные категории, присущие человеку. В таком случае человек,

чтобы быть носителем априорных категорий, должен быть реальным объектом. Он должен быть вещью, отдельной от других вещей мира, воспринимаемых индивидуумом. В то же время индивидуум является одним из предметов мира, принадлежит мыслимому Бытию и является объектом мышления, т. е. объектом, который мыслится человеком.

Понятие Бытия у Гегеля возникает из тех задач, решения которых он предлагает в своей философской системе. Одну из задач он ставит в своей работе «Феноменология духа», которая по своей сути является введением в его философию. Она заключается в преодолении противопоставления субъекта и объекта, характерного для обыденного сознания. Снятие этой противоположности возможно в том случае, когда сознание даёт возможность человеку наблюдать и мир, и самого себя с позиции «мирового духа» и пришедшей к своему концу мировой истории. Для того, чтобы достичь такого состояния, когда появляется полное тождество мышления и Бытия, индивидуальное сознание должно пройти те этапы развития, которые человечество прошло в ходе своего исторического развития.

Его диалектический метод, который он использует для описания процесса развития абсолютной идеи, предполагает поиск и снятие противоречий между понятиями, наполнение их содержанием, а также формирование на этой основе новых понятий. Такой метод, приводящий к синтезу новых понятий на основе уже имеющихся, предполагает наличие первичных понятий, из синтеза которых возникают все остальные. Такой формой мышления у Г. Гегеля выступает чистое Бытие, представляющее собой некую абстракцию, возникающую вследствие удаления содержания из понятия всего конкретного. Чистое Бытие у него – это такое Бытие, у которого нет никаких утверждений, которыми можно его характеризовать, т. е. предикатов. Таким образом, оно становится у него равным такому же понятию, как Ничто, о котором нельзя сказать ничего конкретного и кото-

рое не обладает предикатами. Он говорит: «Бытие, во-первых, определено вообще по отношению к иному» [10, с. 136].

Бытие у Г. Гегеля является тем понятием, которое выступает абсолютным началом, первым в логической цепи, на основе которого возникают другие понятия. Он говорит: «...бытие есть та абстрактная неопределённость и непосредственность, в которой оно должно служить началом» [10, с. 136]. Такое понимание Бытия у него связано с тем, что его метод основан на поиске противоречий и снятии их, а также на наполнении понятий содержанием.

Таким образом, конкретные понятия у него возникают из начала начал чистого Бытия, т. е. из Ничто. Чистое Бытие, исходя из его метода, переходит в свою противоположность – Ничто. Чистое Бытие и Ничто являются одним и тем же. В то же время одно из них противоположно другому. Это противоречие снимается процессом становления, или «бывания» (*das Werden*), который выражает внутреннее единство противоположностей и который отражает взаимное исчезновение чистого Бытия и Ничто друг в друге. В результате этого Ничто уже мыслится и, являясь предметом мышления, становится мыслимым Бытием.

Наличное Бытие у Гегеля возникает как единство Бытия и Ничто, появившееся в процессе становления. Таким образом, чистое Бытие у него является начальной точкой развития остальных понятий по мере наполнения их конкретным содержанием.

И. Кант рассматривает познание с точки зрения противостояния субъекта познания его объекту. Г. Гегель преодолевает подобное противоречие. Мышление у него неотделимо от объекта познания. Тем не менее, анализ их представлений показывает, что смысл категории *Бытие* в их философских концепциях не изменяется. Она продолжает оставаться мыслительной конструкцией, формирующей теоретические представления о единстве мира.

Бытие в современной философии

Г. Риккерт, один из основных представителей баденской школы неокантианства, определяет Бытие из тождества данной категории с мышлением. Сущее, согласно его взглядам, представляет собой то, что есть, а «бытие – это всё то, о чём в том или ином смысле можно сказать, что оно существует» [27, с. 141]. Следовательно, Бытие является неким утверждением, высказанным о том, что имеется в наличии, т. е. предикатом. Соответственно, Бытие включает в себя как идеальные конструкции, так и материальные предметы.

Г. Риккерт считает, то, что познаётся, должно существовать, т. е. «предметом познания не может стать то, что уже не познано как сущее» [27, с. 142]. В то же время он считает, что процесс познания определяется рассудочным мышлением, которому свойственно формулировать различного рода высказывания об объекте исследования, т. е. предикаты. Бытие у него выступает «в качестве всеобщего первичного предиката познания, или в качестве так называемого “пра-предиката”» [27, с. 142].

В этом случае категория *Бытие* выступает в качестве мыслительной конструкции, категории, которая возникает в процессе познания. Она появляется в процессе приписывания различных качеств разным объектам познания. Таким образом, Бытие является предикатом, который приписывается сущему, т. е. всему тому, что есть. Если мы рассматриваем человека как субъекта познания, он начинает существовать отдельно от познаваемого им мира. Это приводит к определённому противоречию, заключающемуся в том, что человек является частью Универсума и одновременно с этим он «сторонний наблюдатель» сущего отдельно от него.

Э. Гуссерль, основоположник феноменологии, предложил другую модель, описывающую Бытие. Она основывается на исследовании чистого сознания и его структуры, абстрагируясь от феноменов самого сознания и от предметов, которые их сформировали. Таким образом,

всякий предмет в своём Бытии определяется сознанием, изучение которого необходимо для понимания сущности вещей. «Движение к самим вещам оборачивается движением к сознанию, в котором вещи схватываемы первоначально» [11, с. 74]. Вследствие этого у Э. Гуссерля «...мир, а также человеческое бытие конституируются в трансцендентальной субъективности» [1]. Подобная конструкция окружающего мира позволяет сделать вывод, что «...он определил бытие как простое указание бесконечного ряда операций, которые можно произвести» [25]. Естественно, Жан-Поль Сартр имел в виду мыслительные операции над образами предметов, из которых формируется общая картина мира.

Э. Гуссерль уходит от рассмотрения понятия Бытия. Тем не менее, на основе анализа его взглядов, можно сделать вывод о том, что он рассматривает данную категорию как атрибут сознания индивидуума, которое формируется его разумом.

Несколько иных взглядов на Бытие придерживался представитель экзистенциализма М. Хайдеггер, на творчество которого большое влияние оказали труды Э. Гуссерля. Он говорит, что: «Бытие сущего само не "есть" сущее» [30, с. 11]. Таким образом, он разделял эти понятия. Бытие у него «...есть всякий раз бытие сущего» [30, с. 12]. Такое разделение этих двух понятий позволило М. Хайдеггеру рассмотреть их отдельно друг от друга и наполнить их различным смыслом. Сущее у него «...есть всё, о чем мы говорим, что имеем в виду, к чему имеем такое-то и такое-то отношение, сущее и то, что и как мы сами суть» [30, с. 11]. Бытие он рассматривает, исходя из его сущностной связи с Бытием человека. Для достижения этой цели он вводит понятие *Dasein*, которое в его интерпретации обозначает способность человека воспринимать Бытие. Оно у М. Хайдеггера в работе «Бытие и время» проявляется в виде экзистенции и обладает своей экзистенциальной структурой. Элементы этой структуры называются экзистенциалами. Их наличие определяет появление категорий и понятий у человека. Таким образом, он

следует герменевтической традиции определения глубинных структур сознания индивидуума, определяющего его мышление. Он говорит: «Бытие лежит в том, что оно есть и есть так, в реальности, наличии, состоянии, значении, присутствии, в "имеется"» [30, с. 11]. Таким образом, вслед за Э. Гуссерлем он отходит от неокантианской картины мира, создаваемой с помощью теоретического мышления, и опирается на дотеоретические практические размышления. Его «фундаментальную онтологию можно в целом охарактеризовать как онтологию, основывающуюся на практических предложениях методологической установки» [27, с. 145].

Соответственно, можно сделать вывод, что М. Хайдеггер, рассуждая о Бытии «имеет в виду специфически возможные способы его помыслия, не Бытие "само по себе", а скорее "мышление о бытии"» [15, с. 109]. Таким образом, он, следуя герменевтической традиции, рассматривает Бытие как мыслительную конструкцию, опирающуюся на глубинные структуры сознания индивидуума.

Основой феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра, последователя сразу двух направлений в философии – герменевтики и экзистенциализма, является попытка преодоления различия бытия и сознания, а также противопоставления различия объекта и субъекта. Он рассматривает сознание как явление, равное Бытию. «Сознание, – согласно его учению, – не есть специфический модус познания, названный интимным чувством или самопознанием, это изменение трансформированного бытия субъекта» [25].

Исходя из этого, он рассматривает Бытие как «бытие-в-себе», представляющее инертный мир предметов, и «бытие-для-себя», являющееся Бытием человека, определяемого его сознанием. Наличие категории *Ничто* он объясняет сущностью человека. Она вытекает из его способностей давать определения и задавать вопросы, которые подразумевают наличие или отсутствие какой-нибудь вещи или её атрибута. Ничто в данном случае является как отсутствие предмета или его ка-

чества. Т. е. данная категория определяется сущностью сознания индивидуума.

Как считает Ж.-П. Сартр, никакого мира ноуменов, мыслительной конструкции, характерной для философии Канта и его последователей, не существует. Феномен не раскрывает бытия. Он указывает сам на себя и на ряд действительных и возможных явлений. Феномен «не имеет иной поддержки, кроме собственного бытия, и не может быть тонкой плёнкой ничто, которое отделяет бытие-субъект от бытия-абсолюта» [25]. Тем не менее он считает, что феноменология даёт возможность показать взаимосвязь между понятиями *Бытие* и *феномен*. «По его мнению, сущность есть смысл, и "феномен" единичного объекта, определяемый его качествами, и является совокупностью качеств» [5, с. 63]. Согласно мнению Ж.-П. Сартра, Бытие «просто условие всякого раскрытия: оно есть бытие-для-обнаружения, но не раскрытое бытие» [25]. Бытие объекта в данном случае не эквивалентно «сущности». Переход от «феномена» единичного предмета к его Бытию приводит к появлению такого «феномена», который требует Бытия в качестве основания для его раскрытия. Исходя из такого понимания данной категории, Ж.-П. Сартр формирует свой взгляд на человека, который является причиной самого себя. Вследствие этого он обладает свободой, его сознание определяет «бытие-для-себя», проект которого каждый индивидуум создаёт для себя сам.

Исходя из анализа концепций Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, можно сделать вывод, что в герменевтической и экзистенциальной философии понимание Бытия формируется на основе предположения о том, что существует единичный индивидуум с глубинными, преднаучными структурами психики, которые позволяют формировать категории и понятия и на их основе видеть общую картину мира. Человек в его размышлениях предстаёт в виде абстрактного индивидуума со своими общими для всех существ такого рода взглядами и эмоциями, включающи-

ми в себя временность, историчность, страх смерти и экзистенциальную тревогу.

В этом случае надо отметить, что восприятие мира у разных людей, несмотря на общие черты, детерминированные их принадлежностью к виду *Homo Sapiens*, имеет существенные различия. Кроме этого, подобная позиция не учитывает того факта, что человек является частью окружающего мира. В герменевтической и экзистенциальной философии он является неким сторонним наблюдателем, отстранённо изучающим мир, существующий отдельно от него. В этом случае между герменевтическими и неокантианскими моделями не существует различий. Различие состоит только в том, что в неокантианских моделях мир познаётся с помощью теоретического разума, а в герменевтической традиции он познаётся на основе предмыслительных глубинных структур психики человека, предшествующих различным видам индивидуального и группового мышления, таким как мифология, магия, обыденное и научное сознание и т. д. Э. Гуссерль, чтобы избежать появления взглядов такого рода на Бытие, вообще не рассматривает этого понятия в своих рассуждениях. В то же время другие представители неокантианского и герменевтического направлений в философии начинают анализировать Бытие и создавать о нём представления с точки зрения субъекта, который является элементом Универсума и одновременно с этим парадоксально существует отдельно от него.

Н. Гартман создал онтологию в полемике с представителями марбургской школы неокантианства, которые считали, что основным направлением в философии должна быть теория познания. Бытие, согласно воззрениям данной школы, является мыслительной конструкцией. Так, в частности, один из наиболее ярких представителей этого направления П. Наторп утверждал, что «никакого другого бытия, кроме бытия, представленного в мысли, не существует», «...опытная определённая сама должна быть определённой мышления...» [19, с. 110].

В полемике с представителями марбургской школы Н. Гартман пришёл к выводу,

что основной сферой исследований философии является Бытие. Субъект познания у него является частью этого бытия. Он говорит, что познание есть «превращение сущего в объект, его объекция в субъект» [8, с. 107].

Ш. Нахтсхайма пришёл к такому выводу после выделения двух видов категорий – теоретико-познавательных и онтологических. Он говорил: «Проблема познания в связи с этим получает двойное осмысление: во-первых, процесс познания определяется как отношение бытия и получает онтологическое измерение; во-вторых, вопрос значимости познания в его отношении к субъекту познания имеет гносеологическое измерение и толкуется с точки зрения относительности» [20, с. 154].

Свою онтологию он начал с определения сущего, которое проявляется во многих видах и формах. Общим признаком, объединяющим все формы проявления сущего, является то, что они есть. Этот признак и лежит в основе понятия Бытия, которое объединяет всё существующее и делает его единым. Понятие *время* у Н. Гартмана является той категорией, которая позволяет отделить реальное от идеального. Если реальное существует во времени, то идеальное является вневременным феноменом.

Н. Гартман выделил 4 основных «уровня бытия – физически-материальный, органически-живой, душевный и духовный, отметив, что каждый более высокий уровень возникает на основе предшествующего, частично определяется его законами, но при этом сохраняет свою автономность и способен оказывать на него обратное воздействие» [2, с. 402]. Каждый следующий уровень Бытия, согласно его представлениям, имеет определённые черты предыдущего, но при этом имеет от него качественные отличия.

Таким образом, Бытие у Н. Гартмана начинает приобретать черты объективно существующей реальности. Несмотря на это, сущность данной категории не меняется. Оно является умозрительной конструкцией, описывающей единство мира и проявляющейся в уровнях описания Бытия.

Заклучение

1. Категория *Бытие* появилась в античной философии и представляла собой предельно общее понятие, объединяющее различные феномены и явления в единое целое и создающее единую картину окружающей среды. Она дала возможность индивидууму с помощью своего сознания выйти за пределы имманентных взглядов обыденной жизни и позволила создать картину трансцендентного мира, частью которого он является. Человек в представлениях античных философов, формируя категорию *Бытие*, остаётся частью Универсума. Он познаёт его с точки зрения элемента мироздания, окружённого бесконечной Вселенной.

2. Рассуждения средневековых теологов и философов во многом повторяют рассуждения античных авторов, в первую очередь Платона и Аристотеля. Вследствие этого смысл и содержание категории *Бытие* не испытывает радикальной трансформации. Она остаётся предельно общим понятием, описывающим единство мира. В то же время номинализм, отрицающий реальное существование универсалий, начинает создавать новое восприятие мира, характерное для классической науки и философии. В его рамках стала формироваться система взглядов на мир, где субъект, обладающий разумом, познаёт объекты, которые существуют отдельно от него.

3. В период Нового времени начинает формироваться несколько иной взгляд на категорию *Бытие*. Если в период Античности и Средневековья *Бытие* рассматривалось как умозрительное построение, создающее представление о единстве всего сущего, то в Новое время оно становится свойством мышления. Тем не менее категория *Бытие*, хотя и меняет смысл и содержание, остаётся мыслительной конструкцией, отражающей единство мира.

4. В немецкой классической философии сосуществуют различные точки зрения на понятие *Бытие*. Если И. Кант рассматривает процесс создания картины мира с точки зрения противостояния субъекта

познания его объекту, то у Г. Гегеля мышление неотделимо от объекта познания. Тем не менее категория *Бытие* в их философских концепциях так же, как и в предыдущие периоды, остаётся умозрительной, формирующей теоретические представления о единстве Универсума.

5. Современная философия рассматривает Бытие с точки зрения человека, являющегося сторонним наблюдателем и наблюдающего за проявлениями сущего в различных формах. В одних концепциях этот индивидуум обладает способностью создавать определённые логические конструкции, которые позволяют ему формулировать понятие *Бытие*. В других направлениях философии абстрактный человек имеет общие для всех представителей вида Homo Sapiens взгляды и эмоции, включающие в себя временность, историчность, страх смерти и экзистенциальную тревогу. Опираясь на них, он создает категорию Бытие. Тем не менее практически во всех современных концепциях это понятие формулируется сознанием отстранённого от мира индивидуума, обобщающего всё наблюдаемое со стороны сущее, все явления, феномены и процессы Универсума. В этом проявляется свойственная современной философии определённая некорректность осмысления категории Бытия субъектом, который не входит в объём этого предельно общего понятия.

6. Бытие на первых этапах развития философии в античный период и отчасти в Средневековье (реализм) мыслилось как предельно общее понятие, объединяющее все проявления сущего в единый Универсум. Тем не менее с начала формирования такого направления, как номинализм, эта категория начала формироваться с точки зрения стороннего наблюдателя, отстранённого от мира и противостоящего совокупности объектов, явлений и процессов, формирующих Универсум. Понятие *Бытие* стало наполняться содержанием с точки зрения абстрактного индивидуума. При этом во внимание не принималось то, что реальный субъект познания является частью того Бытия, которое он изучает.

В современной философии такое понимание данного предельно общего понятия дошло до своего логического завершения. Категория *Бытие* стала анализироваться с точки зрения своего элемента, который стал большим по объёму, чем сам объект анализа. Часть в концепциях такого рода стала преобладать над целым. Индивидуум, создающий понятие *Бытие*, стал больше по содержанию, чем весь Универсум. В этом и заключается основное противоречие в современном толковании категории *Бытие*.

Для того чтобы преодолеть данное противоречие и наполнить новым содержанием данное предельно общее понятие, которое придаст новый импульс развитию групповых форм сознания, необходимо его переосмыслить, опираясь на следующие принципы:

1) категория *Бытие* формируется, исходя из обобщения наших представлений об окружающей среде. Картина Бытия есть производное от философского обобщения различных форм индивидуального и группового сознания, т. е. мифологии, науки, магии, обыденных и бытовых представлений и т. д.

2) Бытие является общей картиной единства всего сущего, которое возникает из некоего первоначала, которое порождает

всё. Концепции Бытия в философии многообразны, но все они основываются на определённом соответствии умозрительных взглядов на Универсум и реалий окружающего мира. Объём и содержание этой категории формируются на основе глубинных свойств психики человека, сформировавших различные виды индивидуального и группового сознания. Мы не можем создать умозрительную картину мира полностью произвольно. Соответственно, состав категории *Бытие* ограничивается как структурой сознания представителей вида *Homo Sapiens*, так и атрибутами некоего первоначала, первоосновы, субстанции, породившей как индивидуума, так и весь воспринимаемый им мир. В таких условиях роль философии заключается в создании картины Бытия на основе обобщения представлений разных личных и коллективных форм сознания, полученных в результате взаимодействия индивидуумов с окружающим миром.

Переосмысление категории *Бытие* на этих принципах в рамках философии даст возможность преодолеть кризис, который наблюдается в науке и других видах групповых взглядов на Универсум.

Статья поступила в редакцию 25.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Ч. Э. Феноменология. Э. Гуссерль и М. Хайдеггер [Электронный ресурс] // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Вып. 7: материалы научной конференции. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/alieva-che/fenomenologiya-egusserl-imhaydegger> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Амелъченко С. Н. Универсалии «Бытие», «Сущее», «Должное» в концептуальном моделировании культуры // Проблемы истории, философии, культуры. 2008. № 19. С. 385–402.
3. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. 936 с.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. 830 с.
5. Воропаев Д. Н. Роль введения в «Бытие и ничто» в формировании основных понятий в философии Ж.-П. Сартра // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (72). С. 62–65.
6. Гагинский А. М. Предпосылки учения о трансценденциях в античности: доаристотелевский период // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. № 2. С. 3–16.
7. Гайденок П. П. Бытие и разум [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1997. № 7. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=167&Itemid=55 (дата обращения 20.12.2020).
8. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб, 1993. 350 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Науки логики: в 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1950. 503 с.
11. Докучаев И. И. Бытие и истина (ноэтические и ноэматические характеристики феномена бытия) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 1. № 53–54. С. 71–78.

12. Жаров С. Н. О соотношении бытия и реальности в естественнонаучном познании // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2011. № 2 (6). С. 11–28.
13. Исаев А. А. Бытие и существование человеческого и божественного в средневековой философии // Манускрипт. 2016. № 8 (70) С. 85–88.
14. Исаков А. Н. Бог и бытие: христианство и философия // EINA1: проблемы теологии и философии. 2012. Т. 1. № 1–2. С. 7–20.
15. Красиков В. И. «Бытие и время»: экзистенциализм versus антропология // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 108–116.
16. Лебедев А. В. Логос Гераклита: Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
17. Либерман Д. А. Был ли Декарт дуалистом в онтологии? // Философские науки. 2011. № 11. С. 108–116.
18. Лобастов Г. В. Картезианство: природа и бытие // Рационализм Декарта и современность. Третьи всероссийские декартовские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 420 годовщине со дня рождения Р. Декарта. Под общ. ред. А. И. Пирогова. М.: Изд-во НИУ МИЭТ, 2016. С. 47–60.
19. Наторп П. Кант и Марбургская школа. Новые идеи в философии. СПб., 1913. 66 с.
20. Дмитриева Н. От системной философии к систематической: Николай Гартман // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. № 1. С. 151–165.
21. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. . 576 с.
22. Пивоваров Д. В. Взаимосвязь категорий бытия и небытия, существования и сущности // Эпистемы. 2012. С. 68–86.
23. Платон. Тимей. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
24. Протопопов И., Ноговицын О. Вопрос о бытии в философии Канта [Электронный ресурс] // Философские и теологические исследования. 2019. Т 4. № 2. URL:<https://esse-journal.ru/ivan-protoporov-oleg-nogovitsin-vopros-o-bytii-v-filosofii-kanta> (дата обращения 11.10.2020).
25. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с. URL: <https://fil.wikireading.ru/46351> (дата обращения: 15.02.2021).
26. Сблинин Я. А. О царстве эйдосов // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 4. С. 296–305.
27. Соболева М. Е. Бытие как предикат: критическая онтология Генриха Риккерта // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 140–146.
28. Трофимова Ю. А. Учение Платона о бытии и устойчивость // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 99–102.
29. Фаритов В. Т. Учение Бенедикта Спинозы и философия бытийно-смыслового перспективизма (между трансцендентией и трансгрессией) // Вестник ТГУ. 2013. № 367. С. 45–48.
30. Хайдеггер М. Бытие и сущее. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
31. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Y. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Alieva Ch. E. [Fenomenology. E. Husserl and M. Heidegger]. In: *Sovremennaya filosofiya kak fenomen kul'tury: issledovatel'skie traditsii i novatsii: materialy nauchnoi konferentsii* [Contemporary philosophy as a cultural phenomenon: research traditions and innovations. Iss. 7. Materials of the Scientific Conference]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/alieva-che/fenomenologiya-egusserl-i-mhaydegger> (accessed: 12.20.2020).
2. Amel'chenko S. N. [Universals "Existence", "Being", "Should" in the conceptual modeling of culture]. In: *Problemy istorii, filosofii, kul'tury* [Problems of history, philosophy, culture], 2008, no. 19, pp. 385–402.
3. *Antologiya mirovoi filosofii. T. 1. Ch. 1.* [Anthology of World Philosophy: in 4. vol., Vol. 1, Ch. 1]. Moscow, Mysl. Publ. 936 p.
4. Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t.t.* [Aristotle. Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 830 p.
5. Voropaev D. N. [The role of the introduction to "Being and Nothing" in the formation of basic concepts in the philosophy of J. P. Sartre]. In: *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], no. 10 (72), pp. 62–65.
6. Guginskiy A. M. [Preconditions for the doctrine of transcendentals in antiquity: the pre-Aristotelian period]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Episode 7: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 3–16.

7. Gaidenko P.P. [Being and Mind]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions]. 1997, no. 7. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=167&Itemid=55 (accessed: 12.20.2020)
8. Gartman N. *K osnovopolozheniyu ontologii* [Towards the foundation of ontology]. St. Peterburg, Nauka Publ., 2003. 640 p.
9. Hegel' G. V. F. *Leksii po istorii filosofii, Kn. 1* [Lectures on the history of philosophy. Vol. 1]. St. Petersburg, 1993. Book 1. 350 p.
10. Hegel' G. V. F. *Nauki logiki. V 3-kh t. T. 1* [Sciences of logic. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1950, 503 p.
11. Dokuchaev I. I. [Being and truth (Being and truth (noetic and noematic characteristics of the phenomenon of being)]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2010, vol. XII. iss. 1, no. 53–54, pp. 71–78.
12. Zharov S. N. [On the relationship of being and reality in natural science knowledge]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Voronezh State University Bulletin. Series: Philosophy], 2011, no. 2 (6), pp. 11–28.
13. Isaev A. A. [The being and existence of the human and the divine in medieval philosophy]. In: *Manuskript* [Manuscript]. 2016, no 8 (70), pp. 85–88.
14. Isakov A. N. [God and Being: Christianity and Philosophy]. In: *EINAI: problemy teologii i filosofii* [EINAI: Problems of Theology and Philosophy], 2012, vol. 1, no. 1–2, pp. 7–20.
15. Krasikov V. I. [Being and Time: Existentialism versus Anthropology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2013, no. 4 (24), pp. 108–116.
16. Lebedev A. V. *Logos Geraklita: Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov)* [Logos of Heraclitus: Reconstruction of thought and word (with new critical edition of the fragments)]. St. Peterburg, Nauka Publ., 2014, 533 p.
17. Liberman D. A. [Was Descartes a dualist in ontology?]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2011, no. 11, pp. 108–116.
18. Lobastov G. V. [Cartesianism: nature and being]. In: *Ratsionalizm Dekarta i sovremennost'. Tre'i vserossiiskie dekartovskie chteniya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 420 godovshchine so dnya rozhdeniya R. Dekarta* [Rationalism of Descartes and modernity. Third All-Russian Cartesian Readings: materials of the scientific-practical conference dedicated to the 420th anniversary of the birth of R. Descartes]. Moscow, MIET Publ., 2016. pp. 47–60.
19. Natorp P. *Kant i Marburgskaya shkola. Novye idei v filosofii* [Kant and the Marburg School. New ideas in philosophy]. St. Petersburg, 1913. 66 p.
20. Dmitrieva N. A. [From systems philosophy to systematic: Nikolai Hartman]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3. Filosofiya*. [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 3. Philosophy], 2014, no. 1, pp. 151–165.
21. Parmenid. [On nature]. In: *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. I. Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. P. I. From epic theocosmogony to the emergence of atomism]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p.
22. Pivovarov D. V. [The relationship between the categories of being and non-being, existence and essence]. In: *Epistemy* [Epistemes], 2012, pp. 68–86.
23. Platon. *Timei. Sob. soch. v 4 t. T. 3*. [Timaeus. Coll. w. in 4 vol. vol. 3], Moscow, Mysl Publ., 1994. 654 p.
24. Protopopov I., Nogovitsyn O. [The question of being in Kant's philosophy]. In: *Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [Philosophical and theological research], 2019, vol. 4, no. 2. Available at: <https://esse-journal.ru/ivan-protopopov-oleg-nogovitsyn-vopros-o-bytii-v-filosofii-kanta> (accessed: 11.10.2020),
25. Sartre J.-P. *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothing. Experience of phenomenological ontology]. Moscow: Republic Publ., 2000. 639 p.
26. Slinin Ya. A. [On the kingdom of eidoses]. In: *Logiko-filosofskie shtudii* [Logic-philosophical studies]. 2019, vol. 17, no. 4, pp. 296–305.
27. Soboleva M. E. [Being as a predicate: a critical ontology of Heinrich Rickert]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2013, no. 12, pp. 140–146.
28. Trofimova Yu. A. [Plato]. In: *Manuskript* [Manuskript], 2018, no. 9 (95), pp. 99–102.
29. Faritov V. T. [The teachings of Benedict Spinoza and the philosophy of being-semantic perspectivism (between transcendence and transgression)]. In: *Vestnik TGU* [Tomsk State University Bulletin], 2013, no. 367, pp. 45–48.
30. Haidegger M. *Bytie i sushchee* [Being and existing]. Kharkiv, Folio Publ., 2003. 503 p.
31. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: zumsiu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Safonov – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Engineering), Prof., Department of the Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: zumsiu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сафонов А. Л. Философия и умозрительная картина реальности (анализ категории *Бытие* и её роли в познании мира) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 6–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-6-22

FOR CITATION

Safonov A. L. Philosophy and the Speculative Picture of Reality (Analysis of the Category of *Being* and Its Role in the Cognition of the World). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 6–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-6-22

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 008

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30

ПСЕВДОМОРФОЗ, СУПЕРПОЗИЦИЯ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ

Золкин А. Л.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть соотношение псевдоморфоза, суперпозиции культурных моделей и цивилизационного синтеза.

Процедура и методы. С целью более эффективного исследования данной проблемы автор использовал следующие методологические средства: общенаучные и частнонаучные методы – дедукции и индукции, восхождения от абстрактного к конкретному, анализа, синтеза, обобщения, социально-философского анализа, герменевтический метод.

Результаты. Проведённый анализ показал, что российская цивилизация интерпретируется как специфическая социосистема, историческое развитие которой демонстрирует композитные свойства. Цивилизационный дискурс понимается как основная стратегия осмысления особенностей исторического развития России. Обосновывается необходимость формирования системно-эволюционной модели развития российской цивилизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, уточнено соотношение псевдоморфоза, суперпозиции культурных моделей и цивилизационного синтеза.

Ключевые слова: цивилизация, культура, социосистема, псевдоморфоз, синтез, композитная система, культурная эволюция, базовые культурные ценности, личность

PSEUDOMORPHOSIS, SUPERPOSITION OF CULTURAL MODELS AND CIVILIZATIONAL SYNTHESIS

A. Zolkin

Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot

12 Academician Volgin ul, Moscow 117997, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the relationship between pseudomorphosis, superposition of cultural models and civilizational synthesis.

Methodology. In order to more effectively study this problem, the author used the following methodological means: general scientific and specific scientific methods - deduction and induction, ascent from the abstract to the concrete, analysis, synthesis, generalization, socio-philosophical analysis, hermeneutic method.

Results. The analysis showed that Russian civilization is interpreted as a specific socio-system, the historical development of which demonstrates composite properties. Civilizational discourse is understood as the main strategy for comprehending the features of the historical development of Russia. The necessity of forming a system-evolutionary model of the Russian civilization development is substantiated.

Research implications. The material on the topic under study is summarized, the correlation of pseudomorphosis, superposition of cultural models and civilizational synthesis is clarified.

Keywords: civilization, culture, sociosystem, pseudomorphosis, synthesis, composite system, cultural evolution, basic cultural values, personality

Введение

Лейтмотив философского дискурса о специфике российской цивилизации задаётся двухвековым спором условных западников и славянофилов, имеющим ярко выраженный аксиологический контекст выбора «правильного-неправильного» пути исторического развития страны. Наша задача заключается в поиске выхода из тупиков аксиологической модели цивилизационного дискурса с целью перехода к системной концепции цивилизаций, обладающих исторической субъектностью и специфической культурной интенциональностью.

Условные западники, абсолютизируя в своём просветительском доктринёрстве европоцентристские модели социальных практик, задавали такое видение России, которое пренебрегало системными характеристиками её развития, условные же славянофилы в романтическом духе указывали на «магическую реальность» допетровского Средневековья, воплощающую сущность России в максимально совершенном виде [12]. Философская оппозиция «просвещение – романтизм» во многом сформировала традицию обсуждения проблемы российской цивилизации [13]. Общей предпосылкой этой оппозиции было понимание исторического процесса в контексте выбора «правильных-неправильных» путей развития.

Попытка синтезировать обе позиции породила жутковатую метафору «псевдоморфоза» Освальда Шпенглера, согласно которой русская культура развивается в чуждой себе форме европейской культуры.

Понятие псевдоморфоза и его смысловые оттенки

Обычно термин «псевдоморфоз» применяется по отношению к кристаллу, который повторяет форму другого минерала. «В слой скальной породы, – писал Шпенглер, – включены кристаллы минерала. Но вот появляются расколы и трещины; сюда просачивается вода и постепенно вымывает кристалл, так что остается одна пустая его форма» [11, с. 193]. А далее вулканическая лава затвердевает в пустотах, создавая своего рода ложные кристаллы, чья внутренняя структура не соответствует внешнему строению. Далее Шпенглер переходит к историческим псевдоморфозам, сутью которых является сковывающее действие старой культурной формы, по отношению к культуре молодой, которая в результате подобного «пленения» не может достичь полноты развития своего самосознания и развёртывания собственной созидательной мощи [11, с. 197].

Пример исторического псевдоморфоза для Шпенглера – Петровская Россия: «Примитивный московский царизм – это единственная форма, которая в пору русскости ещё и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы» [11, с. 198]. А в чём именно он видит фальсификацию? Оказывается, русское общество является всего лишь продуктом западной литературы, Москва – это город-морок, крепость, окружённая рынком, населённая «интеллигенцией» с её вычитанными из книг проблемами, а далее – народ, «с постоянной тоской по земному простору и горькой ненавистью к каменному дряхло-

му миру, в котором замкнул их Антихрист» [11, с. 198].

Шпенглер создал удобную концептуальную матрицу, в которую устремилась общественная мысль, чтобы преодолеть ограниченность традиционного спора западников и славянофилов. Инструментальная значимость метафоры псевдоморфоза была оценена исследователями, в том числе и русскими. В частности, эта метафора появляется в известной работе Георгия Флоровского «Пути русского богословия». Негативно оценивая влияние киевской учёности на русское православие, Флоровский определял этот процесс как «сдачу в плен», результатом чего и стала «...псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...» [8, с. 56].

В дальнейшем метафору подхватили российские философы и публицисты, не чуждые традиционной проблемы выбора «правильных-неправильных» путей общественного развития. «Таким образом, демократия в России всё больше становится оболочкой псевдоморфного механизма, – пишет С. А. Королёв, – имеющей совсем не демократическое содержание» [2, с. 85]. По мнению автора, этот механизм долго существовать не сможет, он исчезнет и, в конце концов, либо уступит место чисто авторитарным методам, либо даст простор развитию гражданского общества.

Подобный вывод представляется несколько прямолинейным. А что, если никакого исчезновения не будет, и один псевдоморфный механизм лишь заменится другим? И это не российский фатум, а реалии сегодняшнего дня, когда уже ни одна страна в мире не может похвастаться «чистой» демократией. Кроме того, шпенглеровское описание псевдоморфоза вполне применимо и для западноевропейской культуры: варварские народы заполнили пустую скорлупу греко-римской цивилизации, в том числе и скорлупу греческой идеи демократии.

Пока исторический псевдоморфоз представляет собой лишь метафору, снабжённую спорными и несколько скандальными

комментариями. Вместе с тем специфическая суперпозиция культурных моделей, наложение их друг на друга – объективный процесс в развитии человечества, предпосылка появления синтетических цивилизаций. Подобный процесс был описан евразийцами для одной фазы развития русской цивилизации.

Они представили видение России как уникальной евразийской цивилизации, но только для двухсотлетнего периода Московской Руси, а не для петербургского периода, который, подобно «коту Шрёдингера», так и остался в состоянии суперпозиции, конфликта европеизированных верхов и патриархальных низов.

Н. С. Трубецкой всячески подчёркивал колоссальную ценность тюркско-монгольского импульса для геополитической интеграции восточной Евразии, указывая при этом, что культуuroобразующие смыслы формировались не как имитация ордынских смыслов, а в результате творческой переработки трагического исторического опыта [10]. Эта переработка, в свою очередь, создавала русскую культурную традицию, порождала идеализацию прошлого, причём не того прошлого, которое было отмечено поражением при Калке, а прошлого былинного, легендарного, выходящего за пределы ограниченного опыта общины. Эта традиция была положена в основу национального самосознания вместе с византийской государственной идеологией и ордынской геополитической миссией. В результате получилась культурная матрица цивилизационного масштаба.

Таким образом, подлинно русское, евразийское государство возникает не столько как форма самораскрытия неких исконных этнических начал, сколько как результат суперпозиции культурных моделей, соответствующего цивилизационного масштаба, в данном случае: византийского православия и государственной идеи с ордынской геополитической задачей. Результатом этой суперпозиции стал цивилизационный синтез Московской Руси.

Петербургский период российской истории рассматривался евразийцами как сущностное отрицание Московского этапа, сопровождавшееся внешним пародированием романо-германского образца. Оценка петербургского периода русской истории евразийцами крайне отрицательная. Можно сказать, что суперпозиция была, но синтез не состоялся. Возможно, пока не состоялся, хотя в публицистике та идея, что сегодня Россия становится своего рода Европой, но Европой классической, существовавшей до постмодернистской мутации, получает всё большую популярность.

Культурный синтез и суперпозиция культурных моделей

Неудавшийся синтез обнажает антигетическую природу предшествующей суперпозиции, которая выливается в псевдоморфозы, порождая гражданскую войну и последующий переход к новой суперпозиции: «Российская империя – Советский Союз» с проектируемым результатом индустриального коммунизма. Неудача проекта привела к новой суперпозиции: «Постсоветское пространство – либеральный глобализм» [15; 16]. Кризис этого проекта во всемирном масштабе ставит на повестку дня новую суперпозицию: «Глобализм – Российская цивилизация как центр панрегиона развития».

Переход между цивилизационными фазами часто бывает весьма болезненным, поскольку синтез планируется для разных возможностей в рамках антигетической реальности. Ю. М. Лотман в своё время указывал на опасности взрыва русской культуры в силу её бинарной природы, которая максимизирует опасность имеющих противоречий. «В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу бытия» [4, с. 258]. Он также полагал, что европейские культуры принадлежат не к бинарному, а к тернарному типу. «Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» [4, с. 258].

Ю. М. Лотман призывал к переключению с бинарной системы на тернарную, к преодолению полярности и максимализма мышления в пользу эволюционного сознания. Таким образом, вопрос нынешнего этапа исторического развития русской культуры заключается не просто в выборе принципов социально-экономической системы или культурных образцов поведения, а в том, чтобы смягчить взрывные процессы, найти такие формы самосознания русской культуры, которые бы не воспроизводили одни и те же механизмы непримиримой ценностной поляризации, радикального переустройства общества. Вместе с тем привычка обвинять русскую культуру в утопизме и иррационализме – не лучший методологический приём, поскольку он опять возрождает старую концепцию «правильных-неправильных» путей, которая восстанавливает традиционный спор западников и славянофилов [14].

На наш взгляд, российская цивилизация – своего рода «композиционная» социосистема. Термин «композиционный» представляет собой техническую метафору, переносящую на цивилизационный процесс принцип строения композиционных материалов, изготовленных из компонентов с существенно различными свойствами, которые в своём сочетании приводят к появлению материалов с новым наполнением, характеристиками, отличными от характеристик отдельных компонентов и не являющимися простой их суперпозицией. Композиционный материал отличается и от сплава, и от смеси. Отличается он и от псевдоморфозы, идея которой наследует устаревшее понимание соотношения формы и содержания. Тем более, что идея ложной формы, безобидная в минералогическом контексте, в контексте философии культуры превращается в понятие, заряженное негативным, если не сказать точнее – расистским, потенциалом.

Н. С. Трубецкой де-факто заметил этот композиционный характер русской цивилизации только для Московского царства, но что мешает в том же ракурсе рассматривать «петербургский» и «советский» пери-

оды? Не исключено, что этому препятствует тот факт, что переход в последующую суперпозицию был слишком быстрым, а синтез – проблематичным. Но синтез всё же был. Петербургский период создал классическую русскую культуру, включая русский литературный язык, как основу цивилизационной интеграции. Советский период создал индустриальную социосистему, реализовал программу модерна несмотря на то, что русский народ особых привилегий в этой социосистеме не имел.

Вопрос о постмодернистских, постсоветских и постлиберальных временах оставим открытым. Отметим, что смена цивилизационных фаз – процесс не только эволюционный, или системно-эволюционный, но и вполне философский. Теория цивилизаций не может рассматриваться как чисто натуралистическая теория, пренебрегающая философским элементом, поскольку цивилизация обладает определённой субъектностью, самосознанием, формированием соответствующей культурной идентичности, для понимания которой более уместны диалектические представления, а не чисто эволюционные.

Например, вполне применима гегелевская категория «для-себя-бытие» – бесконечная определённость, суть которой заключается в умении превращать всё чуждое в своё, восстанавливать себя из инобытия. Отечественные мыслители двести лет были поглощены идеалом органического развития России. Однако цивилизационный путь – это не только геополитическая экспедиция, но и онтологический путь через инобытие, целью которого является не только возвращение к государственной прагматике, но и обретение «для-себя-бытия». Цивилизация не может сформироваться лишь на предпосылках племенного эгоизма, дающего лишь иллюзорную, фиктивную идентичность. Бытие на этапе «для себя» становится своей собственной целью, сознание, проявляет себя как жизнь, превращающая чуждое в своё, в средство сохранения себя в изменчивой среде. В конечном счёте все свойства для-себя-бытия

соединяются в категории абсолютной личности, или абсолютного духа.

Гегелевское понимание «для-себя-бытия» несколько спекулятивное, но в общей форме снабжает нас важной идеей субъектности цивилизации, а не только её системности. Сегодня поиск цивилизационной перспективы развития России является одной из важнейших задач философской науки. Данные исследования формируют новый дискурс, который должен обеспечить осмысление процессов и закономерностей развития цивилизаций.

Диалог культур

Этот дискурс вряд ли может быть построен по законам монологической идеологии. Он предполагает диалог культур, нарративов, культурную полифонию [13]. Уже М. М. Бахтин видел смысл культуры в диалоге, понимая его не как обычный спор, разговор или обмен репликами, а как универсальную характеристику человеческого сознания. Идея диалога была им применена главным образом в литературоведении и эстетике, будучи конкретизированной в понятии полифонии, характерной для творчества Ф. М. Достоевского. «В моём понимании, – писал М. М. Бахтин, – Достоевский – творец полифонического, многоголосого романа, автор романов-диалогов, посвящённых краеугольным устоям бытия. Он настаивал на том, что правда об этих устоях не может быть выяснена в рамках бытия отдельной личности, она попросту неспособна вместиться в сознание индивида. Правда может быть приоткрыта (да и то лишь частично) в процессе общения равноправных человеческих существующих, в диалоге между ними» [1; 7].

Заключение

Не пора ли осознать, что не только культуры в их филологическом смысле диалогичны, но и цивилизации во всём объёме своей исторической «материальности» также диалогичны? Закон «вызова-ответа» А. Тойнби, описывающий динамику возникновения цивилизаций, также подраз-

умеает начало цивилизационного диалога, который отражает целостные позиции исторических субъектов, подразумевающие возможность ответа со стороны другого субъекта.

Диалог представляет для цивилизации жизненно необходимую форму существования, поскольку развитая культура обладает способностью к генерированию нового смысла – возможностью давать ответ на вызов, который время ставит перед сообществом, вовлечённым в цивилизационный генезис. Полифонический характер этого генезиса обусловлен ещё и тем, что прозрачная цивилизационная интенциональность – явление в истории крайне редкое, предполагающее стратегическое духовно-пророческое подвижничество скорее, нежели обычную жизненную проницательность или даже героическое воодушевление. Человек может преследовать свои собственные цели, интересы семьи и государства, выступить на защиту веры и традиции, однако мотивироваться идеей цивилизации весьма непросто.

Поэтому цивилизация полифонична, она не обладает завершённым смыслом, её диалог сложен. Классические диалоги Платона раскрывают свой смысл через тему, они эссенциальны, поскольку участники беседы – фигуры условные и безликие. М. М. Бахтина же интересовал диалог экзистенциальный, когда в общении человек обращается к собеседнику не в его объективированном бытии, а в бытии глубинном, когда смысл сливается с личностью, а пред-

мет беседы выступает лишь как повод для личной встречи. Заметим, что полифония – это тоже метафора. Изначально – это многоголосие, одновременное звучание двух или более мелодий (голосов). Полифония требует гармоничного слияния мелодий (голосов) в единое музыкальное произведение.

Цивилизационный дискурс, по видимому, включает в себя и первый, и второй виды диалога, причем дополняет его и третьим, и четвёртым. Но, так или иначе, должна кристаллизоваться общая тема, совокупность общих смыслов, формирующих специфический культурный этос как основу культурной конфигурации цивилизации.

Культурная конфигурация возникает как следствие переплетения исторических судеб сообществ, сосредоточенных в одном регионе. Для России подобная общность связана с вхождением нескольких народов в состав одного государства. Подобные исторические обстоятельства гармонизируют культурные сходства прежде всего в сфере институциональных средств социальной организации, регуляции и коммуникации при сохранении своеобразия обыденных этнографических культур соответствующих народов. Цивилизационный синтез – это не гомогенный монолит, это единство, сохраняющее многообразие.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. В большом времени // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб.: Алтейя, 1995. 370 с.
2. Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.
3. Лепехин В. А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы мира // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 116–123.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1993. 272 с.
5. Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. Вып. 6. М., 2017. С. 292–322.
6. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: коллективная монография. М.: Издательство Московского университета, 2018. 320 с.
7. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 576 с.

8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, YMCA-PRESS, 1991. 600 с.
9. Цивилизация и модернизация: история и современность: коллективная монография. М.: Издательство СГУ, 2019. 365 с.
10. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев. М.: ИПЛ, 2018. 213 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М.: Мысль, 1998. 592 с.
12. Бондарева Я. В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 325 с.
13. Абросимова Т. Я., Бондарева Я. В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 16–26.
14. Майкова Э. Ю., Бондарева Я. В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
15. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7–30.
16. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Y. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [In a big time] *Bakhtinology: issledovaniya, perevody, publikatsii* [Bakhtinology: research, translations, publications]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1995. 370 p.
2. Korolev S. A. [Pseudomorphosis as a type of development: the case of Rossi]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2009, no. 6, pp. 72–85.
3. Lepekhin V. A. ["Anthropological coup" in the context of the civilizational development of Russia and Europe in the world]. In: *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie* [Social and humanitarian review], 2016, no. 2, pp. 116–123.
4. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Progress, Gnosis Publ., 1993. 272 p.
5. [Centenary of the Russian Revolution in the Context of Social Stability and Security Problems: Materials of the All-Russian Round Table]. In: *Filosofskie issledovaniya i sovremennost. Vyp. 5* [Philosophical research and modernity]. М., 2017, pp. 292–322.
6. *Strategiya ustoichivogo razvitiya v kontekste politicheskikh protsessov XXI stoletiya: kollektivnaya monografiya* [Sustainable Development Strategy in the Context of Political Processes of the XXI Century]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2018. 320 p.
7. Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's legacy]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 576 p.
8. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [The paths of Russian theology]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1991. 600 p.
9. *Tsivilizatsiya i modernizatsiya: istoriya i sovremennost* [Civilization and modernization: history and modernity]. Moscow, SSU Publ., 2019. 365 p.
10. Ableev S. R., ed. *Tsivilizatsionnyi suverenitet Rossii: problemy i diskussii* [Civilizational sovereignty of Russia: problems and discussions]. Moscow, IPL Publ., 2018. 213 p.
11. Shpengler O. *Zakat Evropy. T. 2.* [Sunset of Europe. Vol. 2]. Moscow, Thought Publ., 1998. 592 p.
12. Bondareva Ya. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz. dis. ... dokt. fil. nauk* [Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis: PhD thesis in Philosophy science]. Moscow, 2011. 325 p.
13. Abrosimova T. Ya., Bondareva Ya. V. [Post-nonclassical paradigm and spiritual and moral foundations of modernization of education in Russia]. In: *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern additional professional pedagogical education], 2015, vol. 1, no. 4 (4), pp. 16–26.
14. Maikova E. Yu., Bondareva Ya. V. [The future autonomy of the individual as a risk: ways to protect yourself]. In: *Vlast'* [Power], 2015, no. 8, pp. 22–26.
15. Rakityanskiy N. M., Kolesnichenko Yu. V. [The potential of the Russian philosophical and psychological school and the methodology for portraying the personality of a politician]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2014, no. 6, pp. 7–30.
16. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. no. 5. pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золкин Андрей Львович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
e-mail: az20042004@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Zolkin – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot;
e-mail: az20042004@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Золкин А. Л. Псевдоморфоз, суперпозиция моделей культуры и цивилизационный синтез // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30

FOR CITATION

Zolkin A. L. Pseudomorphism, Superposition of Cultural Models and Civilizational Synthesis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30

УДК 21 (316.7)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-31-41

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ

Кононов С. В.

*Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 158, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить специфику представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия.

Процедура и методы. Осуществлён анализ китайских исследований российско-китайского взаимодействия на предмет выявления в них представлений о социальной безопасности методом исторической интроспекции и концептуализации.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о концептуализации аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период до 70-х гг. XX в. в рамках «имперской концепции», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией как угрозой безопасности. Вторым результатом выступает выявление аспектов трансформации «имперской концепции» в период 80–90-х гг. XX в. в рамках идей, доказывающих наличие «русской угрозы», и идей, согласно которым, Россия может оказывать, как негативное, так и позитивное влияние на становление социальной безопасности. Третьим результатом является определение специфики понимания социальной безопасности в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в., где наряду с «имперской концепцией» под влиянием западной методологии, сформировалась концепция «социального регионализма», которая в качестве факторов социальной безопасности приграничного региона рассматривает широкий круг социальных процессов, таких как экономическое развитие, интеграция региона, политика, направленная на разрешение социальных проблем и противоречий, стратегии формирования регионального сознания и идентичности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическое значение исследования связывается с определением специфики китайских подходов к пониманию социальной безопасности российско-китайского приграничья. Практическое значение связано с выделением оценочных и описательных аспектов социальной безопасности в китайских концепциях и определением степени их применимости при анализе проблем развития данной социальной системы.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, социальная безопасность, приграничный регион, концепции российско-китайского взаимодействия, китайские исследования, «имперская концепция», социальный регионализм

CONCEPTUALIZATION OF THE SOCIAL SECURITY OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND REGION IN THE STUDIES OF CHINESE AUTHORS

S. Kononov

*Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union
K. K. Rokossovsky
158 Lenina ul., Blagoveshchensk 675021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the specifics of the ideas about the social security of the Russian-Chinese border in Chinese studies of the Russian-Chinese interaction

Methodogy. An analysis of Chinese studies of the Russian-Chinese interaction is carried out in order to identify ideas about social security in them by the method of historical introspection and conceptualization.

Results. The result of the study is the conceptualization of aspects of social security in Chinese descriptions of the Russian-Chinese interaction in the period up to the 70s of the XX century within the framework of the Imperial Concept, where the key importance had a relationship between China and Russia, as a threat to security. The second result is identification of the aspects of the Imperial Concept transformation in the period of 80-90s of the XX century within the framework of ideas proving the presence of "Russian threat" and ideas, according to which Russia may have both negative and positive impact on the formation of social security. The third result is determination of the specifics of social security the understanding in Chinese studies of the Russian-Chinese interaction in the XXI century, where, along with the "imperial concept", under the influence of the Western methodology, the concept of "social regionalism" was formed, which consider as the factors of the social security of the border region a wide circle of social processes, such as: economic development, the integration of the region, the policy aimed at resolving social problems and contradictions, strategies for the formation of regional consciousness and identity.

Research implications. The theoretical value of the study is associated with the determination of the specifics of Chinese approaches to understanding the social security of the Russian-Chinese border. The practical significance is related to the allocation of assessment and descriptive aspects of social security in Chinese concepts and the determination of their applicability when analyzing the problems of this social system development.

Keywords: Russian-Chinese cross-country, social security, border region, concepts of Russian-Chinese interaction, Chinese research, "imperial concept", social regionalism.

Введение

В последние десятилетия регион российско-китайского приграничья испытывает нарастающее влияние со стороны Китайской Народной Республики, стремительно усиливающей свои позиции в мировой политике, экономике и культуре. Бурное развитие этой страны оказывает существенное воздействие на осуществление ею стратегий экономического, политического, культурного, социального взаимодействия с регионами, находящимися вблизи её границ. Поэтому актуальной темой для исследований представляется формирование социальной безопасности регионов, где Китай является наиболее существенным фактором развития социальной ситуации. Проблему представляет то, что исследователи ряда западных стран и России испытывают опасения в связи с усилением Китая, которое может стать фактором дестабилизации социальной си-

туации в регионе российско-китайского приграничья. Однако официальная китайская историография утверждает, что Китай придерживается политики «ненападения». Это ставит вопрос о необходимости анализа китайских исследований российско-китайского взаимодействия на предмет выявления в них и последующей концептуализации представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья и факторах её формирования.

Социальная безопасность на территории российско-китайского приграничья не является предметом исследований китайских авторов, однако различные аспекты этой темы затрагиваются в китайской историографии, посвящённой взаимодействию Китая и зарубежных стран. В частности, аспекты угроз, которые, по мнению китайских авторов, исходили от России, были описаны в обзорах, сделанных российскими исследователями, такими как

В. П. Васильев [2], Д. А. Владимирова [3], С. Ю. Врадий [4], В. Глуздовский [5], А. В. Жуков [7], А. И. Козинец [8], В. А. Корсун [9]. Обсуждение проблематики безопасности в регионе российско-китайского приграничья проходило в трудах китайских исследователей, таких как Ван Чжичэн [1], Ли Сингэн, Ли Жэньян [10], Лю Юаньюань [11], Го Юньшэнь [6], Сюнь Цзе [13], Сяо Хуанжун [14], Ху Аньган [15], Чжан Хуэйцин [16], Чжан Цзунхай [17], Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [18], Ши Гохуа [20], Цуй Юн [22], Юй Юаньань [23], посвящённых российско-китайским отношениям. Современная методология исследований социальной безопасности в российско-китайском приграничье формировалась под влиянием положений таких исследователей, как Л. Фавцетт [24], Ши Ших-Дзюнн [25], В. Синьбо [26], В.-В. Чанг [27], разрабатывавших концепцию комплексов региональной безопасности по отношению к региону Восточной Азии.

Цель – концептуализация представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья в китайских исследованиях. Задачи исследования: выявление аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период от XVII до 70-х гг. XX в.; анализ трансформации концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия в период с 80–90-х гг. XX в.; анализ формирования проблематики социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в. Методология исследования основана на привлечении сравнительно-исторического анализа, который обеспечивает возможность исследования традиций и исторической преемственности в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия. Герменевтический метод создаёт возможность анализа китайских исследований на предмет выявления описаний социальных угроз и социальной безопасности. Метод концептуализации применяется для систематизации, конструирования и анализа целостной систе-

мы представлений китайских авторов о проблемах социальной безопасности российско-китайского приграничья.

В XVII–XIX вв. в связи с формированием российско-китайского приграничья в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как военная и социальная угроза. В XVII в. в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия господствовали идеи об угрозе со стороны «варваров», защита от социального влияния которых могла проводиться путём их изоляции и путём приобщения к китайской культуре. С середины XIX в. появились характеристики России, где фиксировалось наличие высокого уровня промышленности, просвещения и военного дела, признаваемых как угроза социальной безопасности страны. Однако угрозу также представляло распространение социальных порядков российского общества, так как россияне считались безнравственными и развращёнными. Вплоть до 70-х гг. XX в. представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья концептуализировались в китайских исследованиях в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией как угрозой безопасности.

Начиная с 80-х гг. XX в., позитивное развитие российско-китайских отношений привело к открытию новых тем, существенным аспектом которых стало внимание к социальной безопасности российско-китайского приграничья, которое проходило как под влиянием традиционных представлений, так и новаторских подходов. При этом доминирование сохранила «имперская концепция», представители которой, основываясь на сложившихся стереотипах, защищали положение об «агрессивном характере» России и негативном влиянии русских на социальную ситуацию в приграничье. Однако в этот период появилась группа учёных, которые наряду с сохранением критического отношения к России, не отрицали её положительной роли в развитии социаль-

ной безопасности российско-китайского приграничья.

В XXI в. в китайской науке меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма, аспектом которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. Китайские аналитики отходят от узкого противопоставления России и Китая и рассматривают как основание социальной безопасности региона широкий круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона, отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем, необходимость формирования регионального сознания и идентичности.

Аспекты социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия до 70-х гг. XX в.

На сегодняшний день в Китае нет работ, напрямую посвящённых социальной безопасности российско-китайского приграничья. Эта тема, как пишет В. Глуздовский, долгое время была не интересна китайским исследователям, которые по традиции равнодушно относились к соседям, в том числе и к «северным варварам» [5, с. 58]. Однако её аспекты затрагивались в описаниях взаимодействия Китая с иными странами, которые были проанализированы В. П. Васильевым, Ф. В. Соловьёвым, А. Г. Лариным, А. И. Петровым, О. А. Трофимовым, Д. И. Шрейдером, Д. А. Владимировой [3].

В XVII–XX вв. в связи с активизацией взаимодействия между Россией и Китаем и формированием российско-китайского приграничья, в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как угроза социальному пространству, считавшемуся китайским. Эта кон-

цепция была проанализирована такими китайскими авторами, как Ша Э цинь, Го Юньшэнь, Чжоу Илян, Ханьлинь Чан Шу [12], которые отмечали, что на первоначальном этапе развития российско-китайских отношений образ России складывался в рамках китаецентристской концепции. Согласно общему мнению аналитиков китайской историографии этого периода, в основу представлений о социальной опасности легла идея взаимодействия между цивилизованными людьми и «варварами», которая игнорировала любые достижения некитайских культур. Согласно этой идее, «варвары» практиковали неповиновение, агрессивность, непочитание предков, разврат. Это могло повлиять на устои китайского общества, поэтому его социальная безопасность представлялась как система изоляционистских мер, защищающих китайцев от влияния русских. При этом наряду с отрицательными оценками китайские авторы, как пишет Цин ши яньцзюцзи, часто указывали на такие их характеристики, как умение владеть оружием и бесстрашие в войне [21]. Однако данные описания китайцы использовали не в целях признания положительного влияния русских, а также как констатацию угрозы с их стороны [6]. Всё же в китайских описаниях китайско-русского взаимодействия использовалась идея о безопасности, которая могла проводиться не только путём военной защиты, но и путем приобщения этих «варваров» к китайской культуре. Как писали китайские историографы, русские, несмотря на дикость, посылали в Китай послов, таких как Ф. И. Байков, И. С. Перфильев, С. Аблин, и выражали стремление подчиниться китайскому императору [2].

В дальнейшем идея «угрозы варваров» оставалась основой большинства описаний российско-китайского взаимодействия, которые, как указывают Вэй Юань, Ли Сингэн и Ли Жэнь нянь, велись в течение XVIII–XIX вв. Однако с 50-х гг. XIX в. акценты в описаниях угроз со стороны России изменились по причине увеличения контактов и появления нового знания об этой стране [10]. В частности, это про-

явилось в описаниях чиновников, отправляемых в Россию с целью организации помощи в решении проблем китайско-японского противостояния. Среди этих описаний выделяются дневники, авторами которых были Линь Цзэсюй, Ван Чжичунь, Мяо Юсунь, Яо Ин, Ян Сюаньчжи [4], которые зафиксировали, что усиление политического и экономического влияния России представляло угрозу, такую же, как и распространение безнравственности российского общества [4].

Следующий период, развития представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья начинается с первых десятилетий XX в. и продолжается до 60–70 гг. XX в. Это время характеризуется ухудшением взаимоотношений между Китаем и Россией, а затем Советским Союзом. Кроме того, в эти годы Китай ощутил негативные последствия «опиумных» войн, «боксерского» восстания и «культурного» влияния Запада, с которым ассоциировалась и Россия. Эти обстоятельства влияли на содержание научных трудов, затрагивающих вопросы социальной безопасности российско-китайского приграничья, в которых с опорой на официальную точку зрения объявляли актом агрессии все виды деятельности России, включая военную, экономическую и гуманитарную, у границ Китая [3]. В этих описаниях любые виды российско-китайского взаимодействия оценивались в рамках представлений, согласно которым отношения между Китаем и другими государствами представляли собой взаимодействие между культурой Поднебесной империи и варварскими народами. Однако по отношению к России понятие о варварах было трансформировано в понятие о государстве, имеющем развитую экономику, влиятельную политику, обладающую мощными вооружёнными силами, но ведущем агрессивную политику по отношению к Китаю. Таким образом, представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья концептуализировались в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения меж-

ду Китаем как Поднебесной империей и Россией как «империей зла» [8].

Примером исследований, выполненных в рамках «имперской концепции», являются публикации Юй Шэнъю, Ша Эцинь, Юй Юаньбана [23], рассказывающих об освободительной борьбе китайского народа с «иностранными захватчиками» в Северной Манчжурии и на полуострове Ляодун. Аргументация этих публикаций была нацелена на доказательство тезиса о «вторжении» и «хитром проникновении» русских в северные регионы Китая, часть из которых была аннексирована и вошла в состав России. Значительное место в этих публикациях заняли описания социальных угроз китайскому обществу со стороны русских, жестоко угнетающих китайский народ [19]. В целом китайская наука до 70-х гг. полностью зависела от политической конъюнктуры, которая определяла содержание представлений о социальной безопасности в регионе китайско-российского приграничья, зависимого согласно «имперской концепции» безопасности от условий противостояния Китая и России.

Трансформация концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия в период с 80–90-х гг. XX в.

Начиная с 80-х гг. XX в., в связи с появлением конструктивных тенденций в российско-китайских отношениях произошло изменение политической конъюнктуры. Это способствовало увеличению интереса исследователей к оценке роли России на территориях приграничья. Китайские учёные приступили к концептуальному анализу факторов формирования социального развития этого региона [9]. Аспектом этих исследований стало внимание к социальной безопасности, которое происходило под влиянием традиционных представлений и новаторских подходов. Однако и в это время была более распространена «имперская концепция», отражённая в монографии Бу Пина, Чжан Цзунхая, разворачивающих картину агрессии России.

Описания выступлений народных масс против российской оккупации содержатся в публикациях Го Гуйлань, Ван Силяна, Сюэ Сяньтяна, Ли Гуана, У Ши'ина, Ци Сюэцзюня, Чжан Чао. Об экономических угрозах России пишут Ма Чжинин, Го Юньшэнь, Цюй Цунгуй, Хэ Сяньпин, Чжан Фэнмин. О преследованиях китайского населения упоминают Ли Цзикуй и Чжан Цзунхай [17].

Вместе с этим появилась группа китайских учёных, которые наряду с сохранением критического отношения к России не отрицают её положительной роли в развитии приграничного региона. В частности, положительные коннотации имеет тема строительства КВЖД, отражённая в трудах Ли Шусяо, Ли Цзинцзе, Ван Шэцзинь, Ли Сингэн, Чжу Юньчжэн, Ши Фан, Ши Гохуа [20], призывающих деликатно освещать спорные проблемы российско-китайского приграничья. Такие исследования проводят Ши Фан, Ли Дэбин, Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [18], которые показывают, что заселение и развитие этих территорий проходили благодаря построенной русскими железной дороге и развитию социальной инфраструктуры, связанной с ней. В публикациях Синь Пэй линь, Чжан Фэй мин, Ван Чжичэн [1] высокую оценку получил вклад российских строителей, железнодорожников, врачей, учителей.

Время 80-90-х гг. XX в. становится периодом, когда формируется предметное поле исследований межкультурной коммуникации в российско-китайском приграничье, примерами которых являются публикации Го Юньшэнь, Ци Фэнхуй, Чжоу Илян, Ли Сингэн и Ли Жэньян [10], которые анализировали социальное поведение россиян, вызывавшее страх у китайского населения. Одновременно эти работы освещают проблему развития контактов с россиянами, которые, оказывали позитивное влияние на развитие культуры Китая. Таким образом, оценки российского влияния на приграничные территории в работах этого периода претерпевают трансформацию. Авторы акцентируют внимание не только на негативных последствиях российского

присутствия, но и на том, что российская культура оказывала благотворное влияние на развитие Китая и, следовательно, на систему социальной безопасности в российско-китайском приграничье.

Формирование современной проблематики социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в.

В начале нынешнего столетия в китайской науке происходил процесс дальнейшей трансформации подходов к описанию социальной безопасности в российско-китайском приграничье. Главной причиной этого является развитие дружественных отношений между нашими странами, ведущее к увеличению политических, экономических, культурных контактов. В то же время на развитие представлений о социальной безопасности в регионе приграничья влияло и распространение методологии западных исследований региональной безопасности. Помимо «имперской концепции» среди китайских авторов стали распространяться и иные оценки оснований и последствий российско-китайских отношений в регионе приграничья, основанные на интересе к вопросам взаимообогащения культурных традиций России и Китая.

Основной идеей современных исследований российско-китайского взаимодействия по-прежнему остаётся обоснование необходимости распространения влияния Китая и уменьшения влияния России как факторов социальной безопасности. Эта идея развивается положениями «имперской концепции» в публикациях Чжан Цзяньцзина, Ван Шаогуна, Юй Кэпина, Ван Хунина, Чжоу Юндуна, Лю Ячжоу, Юй Гочжэна, Лю Юаньюаня [11], которые доказывают, что доминирование Китая в регионе является стратегической необходимостью его безопасности и социального развития. Эта группа исследователей своим предметом считает критику России, которая с помощью агрессии или обмана

вынуждает Китай вступать в невыгодные для него отношения в сфере политики и экономики. Одновременно продолжают разработки, в которых наряду с указанием на агрессивный характер российского вмешательства признаётся позитивное влияние россиян на развитие социальной безопасности этих регионов. В частности, о позитивном влиянии России на северные территории Китая пишут Дай Сюнь, Ли Шу сяо, Ли Юаньци, Цзэн Ичжи, Сюнь Цзе [13, с. 104]. Таким образом, в Китае сохраняют влияние традиционные концепции, где социальная безопасность в регионе выступает в качестве аспекта анализа российско-китайских отношений.

Вместе с этим под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма А. Ачарья, У. Занга, Б. Бузана, Л. Фоусета [24], одним из аспектов которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. В работах китайских учёных, занимающихся анализом международных, социальных, экономических отношений, таких как Пан Чжунъин, Хан Айюн, Ци Сифэн, Гонг Сен и Ли Бинцин, Ван Чунгуан, Рен Донгбо, У. Занг [27], восточноазиатский регионализм понимается как самостоятельная по отношению к глобализационному влиянию политика регионов, предусматривающая региональное сотрудничество и систему социальной безопасности. Однако характерными чертами их концепции является также и освобождение от влияния «имперских взглядов» и стремление к всестороннему отражению социального развития регионов.

Примером такой концепции является мнение, раскрываемое в исследованиях Сяо Хуанжун [14], который указывает на необходимость равноправного сотрудничества между государственными, неправительственными организациями и институтами регионального общества. Идеи региональной интеграции, совершаемой Китаем для процветания социальной жизни населения восточноазиатско-

го региона, представляются Лиу Сичжун, Синь Лицзюань, Чен Юн, У Чжунминь, Ли Сянъян, Ху Аньган [15], разрабатывающими концепцию нового регионализма. В их исследованиях дано обоснование идеи, согласно которой благодаря усилиям КНР формируется стратегия регионально-го сотрудничества, предполагающая гармоничное использование региональных ресурсов во имя развития уровня общественного благосостояния. Однако социальную систему восточно-азиатского региона составляют не только экономические и политические аспекты, но и вопросы идеологии, региональной идентичности, социальной ответственности и справедливости во взаимодействии различных народов, раскрываемые в трудах Ли Минмин, Ли Фэн, Чжу Ялин и Лю Цзяньян, Ши-Джунн Ши [25].

Как пишут Ли Хуэй, Фэн Шаолэй и Цуй Хэн, Китай постулирует принципы политического и военного невмешательства и равноправия во взаимодействии с другими странами, находящимися в непосредственной близости с Китаем. Современные китайские исследователи, такие как Пу Инн, Цю Вэй, Цуй Чжен, В. Ксинбо [26], пишут, что Россия не должна рассматривать взаимодействие с Китаем как угрозу. Постулатом этой концепции является утверждение о том, что система социальной безопасности российско-китайского приграничья в условиях интенсификации регионального сотрудничества будет только укрепляться и развиваться [28]. По мнению Ван Хайюня [7], целью Китайской Народной Республики в области обеспечения социальной безопасности региона является организация сотрудничества с Россией на территории приграничья. Однако в этом совместном процессе, как полагает Ван Хаюнь, Россия выступает в роли слабого партнёра, который нуждается в помощи более развитого Китая.

Подтверждают эти умозаключения И. Стори и Х. Уи, Фан Вэйгуй, Чжоу Нин, Цуй Юн [22], которые пишут, что Китай проводит политику, направленную на развитие социально-экономической сферы

окружающих территорий, но сталкивается с негативным информационным воздействием со стороны внешнеполитических оппонентов. Поэтому именно этот фактор, связываемый главным образом с деятельностью западных государств, отражающих дискурс глобалистики, как считают Лю Гэ, Ни Цзаньпин и Хуан Вэйхун, Чжоу Нин, Шэнь Цзянин, Чэн Маньли, Ван Цзэчжи, Чжан Хуэйцинь [16], является действительной угрозой социальной безопасности региона российско-китайского приграничья. Таким образом, современные представители концепции социального регионализма полагают, что на формирование социальной безопасности российско-китайского приграничья оказывает влияние широкий круг факторов, среди которых большое значение принадлежит информационному фактору социальной безопасности. Они утверждают, что Китай оказывает самое благоприятное влияние на формирование социальной безопасности всей северо-восточной Азии и российско-китайского приграничья в частности, при этом доказывают, что существенную роль в данном процессе играет диалог между Россией и Китаем, который формирует плодотворную почву, способствующую укреплению взаимодействия между ними в политике, экономике, культуре и социальной жизнедеятельности.

Заключение

Проблема социальной безопасности российско-китайского приграничья, как самостоятельный предмет не рассматривается в китайских исследованиях, однако различные аспекты социальной безопасности данного региона входят в содержание описаний, сделанных китайскими исследователями российско-китайского взаимодействия. Эволюция представлений о социальной безопасности у китайских авторов концептуализируется в рамках анализа основных этапов развития китайской историографии, включая этап до 70-х гг. XX в., этап 80–90-х гг. XX в. и современный этап. Итоги проведённого анализа показывают, что пер-

воначальное восприятие проблем социальной безопасности российско-китайского приграничья в Китае интерпретировалось в рамках традиционных представлений о влиянии «варваров» на цивилизованных подданных Поднебесной империи. Однако постепенно, по мере накопления знаний о воинственном соседе, обладающем развитой экономикой, но неразвитой социальной культурой это восприятие привело к оформлению «имперской» концепции, оценивающей влияние России, как военную и экономическую агрессию против китайского народа. Но всё же изменения в политической конъюнктуре, произошедшие в течение 80–90-х гг. XX в., дали толчок к трансформации концептуальных представлений китайских исследователей о социальной безопасности российско-китайского приграничья. В этот период изменения коснулись содержания «имперской» концепции, в рамках которой часть авторов, признавая объективность «российской угрозы», стала говорить об отдельных позитивных событиях и элементах российского влияния, какими, к примеру, были последствия строительства КВЖД и связанной с ней социальной структуры.

В первые десятилетия XXI в. в китайской науке происходит качественный пересмотр концепций российско-китайского взаимодействия и меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Исследования этого периода не лишены политического контекста, указывающего на наличие угроз со стороны северного соседа, но авторов всё больше волнуют вопросы взаимообогащения культурных традиций России и Китая. Под влиянием методологии западных исследований социальных проблем регионов, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма, одним из аспектов которой является социальная безопасность восточно-азиатского региона. Китайские аналитики, отходя от анализа противопоставления России и Китая и рассматривают как основание

социальной безопасности региона широкой круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона, отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем и противоречий, необходимость формирования регионального сознания и идентичности. Данное исследование показывает перспективность разработки проблематики социальной безопасности

российско-китайского приграничья с учётом китайских мировоззренческих оценок, представляемого в их исследованиях фактического материала, а также методологии «социального регионализма», разрабатываемой в китайских исследованиях на протяжении первых десятилетий XXI в.

Статья поступила в редакцию 03.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь: Русское Зарубежье, 2008. 573 с.
2. Васильев В. П. Открытие Китая // Вестник всемирной истории. 1900. С. 97–103.
3. Владимирова Д. А. Эволюция образа россиян в китайской историографии // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 91–103.
4. Врадий С. Ю. Произведение Линь Цзэсюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 167–187.
5. Глуздовский В. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917. 184 с.
6. Го Юньшэнь. Чжун-Э чае мао ши (История чайной торговли между Китаем и Россией). Харбин, 1995. С. 12–13; С. 112–119.
7. Жуков А. В., Жукова А. А., Соловьева Н. А. Методология исследования и конструирование образов «этнических культур» в современном Китае // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 104–111.
8. Козинец А. И. Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 107–122.
9. Корсун В. А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 221–236.
10. Ли Сингэн, Ли Жэньян. Ряска в непогоду. Российские эмигранты в Китае. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 245 с.
11. Лю Юаньюань. Имидж Китая в восприятии российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2010. 20 с.
12. Русско-китайские отношения в XVII веке: док. и материалы: в 2 т. Т. 2. 1689–1691. М.: Наука, 1972. С. 660–689.
13. Сюнь Цзе. Си фанжэньян чжунды Чжунгочжи социн (Образы Китая в глазах европейцев) // Шэхуйкэсю эчжаньсянь. 2004. № 1. С. 104–107.
14. Сяо Хуанжун. Регионализм: историческая эволюция теории. Пекин: Изд-во Пекинского института телерадиовещания и прессы, 2002. 256 с.
15. Ху Аньган. Тенденции будущего развития Китая и России и их стратегическое сотрудничество // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, предложения. Кн. 1. М.: Форум, 2014. Кн.1. 256 с.
16. Чжан Хуэйцин. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер) // Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления. 2014. С. 82–93.
17. Чжан Цзунхай. Юань Дун дицюй шицзичжи цзяоды Чжун-Э гуаньси (Китайско-русские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков). Харбин, 2000. С. 14–15, 92, 187.
18. Чжу Юньчжэн, Ян Вэйлин. Русские в провинции Цзи линь // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 62–65.
19. Ша Эдинь Хуа ши цзяньбянь (Краткая история интервенции царской России в Китай). Цзи линь, 1976. С. 35–43.
20. Ши Гохуа. Русские в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 228–230.
21. Цин ши яньцзюци. Ди и цзи (Сборник исследований по истории династии Цинн). Ч. 1. Пекин, 1980. Ч. 1. С. 112.
22. Цуй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации: дис. ...канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2011. 127 с.
23. Юй Юань ань. Чжун-Э лян гоженъминьюхаогуань си сань бай нянь (Триста лет дружбы китайского и русского народов) // Лиши яньцзю. 1957. № 11. С. 50–55.

24. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World* / ed. M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
25. Shih-Jiunn Shi. Social decentralization: exploring the competitive solidarity of regional social protection in China // *Journal of Asian Public Policy*. 2016. № 10 (1). P. 1–16.
26. Xinbo W. Chinese perspectives on building an East Asian community in the twentyfirst century // *Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community* / ed. M. J. Green, B. Gill. N. Y.: Columbia University Press. 2009. pp. 55–77.
27. Zhang W-W. *The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State*. World Century Publishing Corporation, 2016. 300 p.
28. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // *MATEC Web of Conferences*. 2018. 1 CD-ROM.

REFERENCES

1. Van Chzhichen. *Istoriya russkoi emigratsii v Shankhae* [History of Russian emigration in Shanghai]. Moscow, Russian way Publ., Russkoe Zarubezh'e Publ., 2008. 573 p.
2. Vasil'ev V. P. [Discovery of China]. In: *Vestnik vsemirnoi istorii* [World History Bulletin], 1900, pp. 97–103.
3. Vladimirova D. A. [Evolution of the image of Russians in Chinese historiography]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 2008, no. 4, pp. 91–103.
4. Vradii S. Yu. [Lin Zexu]. In: *Izvestiya Vostochnogo instituta DVGU* [Proceedings of the Eastern Institute of the Far Eastern State University], 1996, no. 3, pp. 167–187.
5. Gluzdovskiy V. *Primorsko-Amurskaya okraina i Severnaya Manchzhuriya* [Primorsko-Amurskaya outskirts and Northern Manchuria]. Vladivostok, 1917. 184 p.
6. Go Yun'shen'. *Chzhun-E chae maoi shi (Istoriya chainoi trgovli mezhdru Kitaem i Rossiei)* [History of the tea trade between China and Russia]. Harbin, 1995, pp. 112–119.
7. Zhukov A. V., Zhukova A. A., Solov'eva N. A. [Research methodology and construction of images of "ethnic cultures" in modern China]. In: *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector], 2015, no. 2 (42), pp. 104–111.
8. Kozinets A. I. [Confucian Order in East Asia: Implications for International Relations Theory]. In: *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ecumene. Regional studies], 2016, no. 2, pp. 107–122.
9. Korsun V. A. [Foreign policy mechanism with "Chinese characteristics"]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO University Bulletin], 2010, no. 1, pp. 221–236.
10. Li Singen, Li Zhen'nyan. *Ryaska v nepogodu. Rossiiskie emigranty v Kitae* [Duckweed in bad weather. Russian emigrants in China]. Moscow, Institute of Russian history of RAS Publ., 1997. 245 p.
11. Lyu Yuan'yuan. *Imidzh Kitaya v vospriyatii rossiiskogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk.* [The image of China in the perception of Russian society... abstract of PhD thesis in Social sciences]. Moscow, 2010. 20 p.
12. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke. T. 2. 1689–1691* [Russian-Chinese relations in the 17th century. Vol. 2. 1689–1691]. Moscow, Nauka Publ., 1972. pp. 660–689.
13. Xun Jie. Xi Fangzhenyanzhongdy Zhungochzhisojing (Images of China in the Eyes of Europeans). In: *Shekhuikesyuechzhansyan* [Shehuikexuezhanshan], 2004, no. 1, pp. 104–107.
14. Syao Khuanzhun. *Regionalizm: istoricheskaya evolyutsiya teorii* [Xiao Huangrong. Regionalism: Historical Evolution of Theory]. Beijing: Publishing house of Beijing. Institute of Television and Radio Broadcasting and Press, 2002. 256 p.
15. Khu An'gan. [Future Tendencies of Chinese and Russian Development and Their Strategic Cooperation]. In: *Strategicheskii partnerskii dialog mezhdru Rossiei i Kitaem. Sovremennoe sostoyanie, problemy, predlozheniya* [Strategic partnership dialogue between Russia and China. Current state, problems, suggestions]. Moscow, Forum Publ., 2014. 256 p.
16. Chzhan Khueitsin'. [The image of China in the comments to the news about China (based on the materials of the Rambler portal)]. In: *Mediatext, struktura, kompozitsiya, vektory obnovleniya* [Mediatext, Structure, Composition, Vectors of Renewal], 2014, pp. 82–93.
17. Chzhan Tszunkhai. *Yuan' Dun ditsyui shitszichzhi tszyaody Chzhun-E guan'si (Kitaisko-rossiiskie otnosheniya na Dal'nem Vostoke na styke vekov)* [Yuan Dong diqui shijizhi jiaoda Zhong-E guanxi (Sino-Russian relations in the Far East at the turn of the century)]. Harbin, 2000. pp. 14–15, 92, 187.

18. Zhu Yunzheng, Yang Weiling. [Russians in Ji Lin province]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 1995, no. 2, pp. 62–65.
19. Sha Etsin' Khua shi tszyan'byan'. *Kratkaya istoriya interventsii tsarskoi Rossii v Kitai* [A Brief History of Tsarist Russia]. Ji lin, 1976. pp. 35–49.
20. Shi Guohua. [Russians in China]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 1990, no. 2, pp. 228–230.
21. Tsin shi yan'tsyzutszi. *Di i tsi (Sbornik issledovaniy po istorii dinastii Tsinn). Ch. 1.* [Di and Ji (Collection of Studies on the History of the Qing Dynasty). Pt. 1]. Beijing, 1980, pp. 112.
22. Tsui Yun. *Obrazy Kitaya i Rossii v mezhkul'turnoi kommunikatsii: dis. ... kand. kul'turologii* [Images of China and Russia in Cross-cultural Communication: abstract of PhD thesis in Culturology sciences]. Komsomolsk-on-Amur, 2011. 127 p.
23. Yu Yuanan [Zhong-E lain gorenminyuhaguan xi san bai nian (Three hundred years of friendship between the Chinese and Russian peoples)]. In: *Lishi yan'tsyzu*, 1957, no. 11, pp. 50–55.
24. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space. In: *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World*. Abington, Routledge, 2016. pp. 33–55.
25. Shih-Jiunn Shi. Social decentralization: exploring the competitive solidarity of regional social protection in China. In: *Journal of Asian Public Policy*, 2016, no 10 (1), pp. 1–16.
26. Xinbo W. Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty first century. In: *Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community*. New York, Columbia University Press. 2009. pp. 55–77.
27. Zhang W-W. *The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State*. World Century Publishing Corporation, 2016. 300 p.
28. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies. In: *MATEC Web of Conferences*, 2018. 1 CD-ROM.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононов Сергей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель Дальневосточного высшего общевойскового командного училища имени маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского; e-mail: artem_jukov68@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kononov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky; e-mail: artem_jukov68@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кононов С. В. Концептуализация социальной безопасности региона российско-китайского приграничья в исследованиях китайских авторов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 31–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-31-41

FOR CITATION

Kononov S. V. Conceptualization of the Social Security of the Russian-Chinese Borderland Region in the Studies of Chinese Authors. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 31–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-31-41

УДК 17.021.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-42-50

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК НОВОЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Лонский Я. А.

Российский университет транспорта

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть феномен трансгуманизма не только как философско-политического движения наших дней, но и как разновидности религиозной веры, базирующейся на идеях сциентизма.

Процедура и методы. С целью более эффективного исследования данной проблемы автор использовал следующие методологические средства: общенаучные и частнонаучные методы – дедукции и индукции, восхождения от абстрактного к конкретному, анализа, синтеза, обобщения, философско-исторического анализа, герменевтический метод.

Результаты. Проведённый анализ показал, что трансгуманизм – комплекс экспериментов над человеком, а также современная форма материализма. Главный двигатель идеологии трансгуманизма – страх, точнее, страх перед смертью. Сегодня трансгуманизм представляет собой политический проект, направленный на формирование новой глобальной философско-мировоззренческой системы единой техногенной цивилизации. Трансгуманизм провозглашает новую религию – религию человекобожия, где через изменение своего сознания и тела человек сам становится вершителем своей судьбы, может её прочувствовать, преобразовать и даже подчинить собственной воле.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, уточнены и дополнены основные концепции феномена трансгуманизма. Показано, что на сегодняшний момент трансгуманизм представляет собой политический проект, направленный на формирование новой глобальной философско-мировоззренческой системы единой техногенной цивилизации.

Ключевые слова: трансгуманизм, гуманизм, постчеловек, антропология, глобализация, дух

TRANSHUMANISM AS A NEW RELIGIOUS AND POLITICAL MOVEMENT OF OUR TIME

Ya. Lonsky

Russian University of Transport

9, str. 9 Obratsova ul., Moscow 127994, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the phenomenon transhumanism not only from the point of view of the philosophical and political movement of the present time, but also as a kind of religious faith based on the ideas of scientific and technological progress.

Methodology. To study this problem more effectively the author used the following methodological means: general scientific and specific scientific methods – methods of deduction and induction, ascent from the abstract to the concrete, analysis, synthesis, generalization, historical and philosophical method.

Results. The analysis showed that transhumanism is a complex of experiments on humans, as well as a modern form of materialism. The main engine of the ideology of transhumanism is fear, or rather the fear of death. Today transhumanism is a political project aimed at forming a new global philosophical

and worldview system of a single technogenic civilization. Transhumanism proclaims a new religion - the religion of man-godhood, where, through a change in his mind and body, a person himself becomes the arbiter of his fate, can feel it, transform it and even subordinate it to his own will.

Research implications. New material on the topic under study is summarized. The basic concepts regarding the phenomenon of transhumanism are clarified and supplemented. It is shown that today transhumanism is a political project aimed at the formation of a new global philosophical and worldview system of a unified technogenic civilization.

Keywords: transhumanism, humanism, post-human, anthropology, globalization, spirit

Введение

Глобальная революция, свидетелями которой мы сегодня являемся, затронула все сферы человеческого бытия, затронула особенно она проявляется в духовно-идеологической области. И направлена она на трансформацию самой сущности человека. Изменения, происходящие в настоящее время в экономической, социальной, политической сферах, в образовании и культуре, явно направлены на фундаментальное преобразование духовного строя (естества) человека. Гуманистическое мировоззрение уже кануло в небытие, и на смену ему пришёл новый глобальный проект – трансгуманизм, ставящий своей главной целью преодоление самой человеческой природы, т. е. модификацию человеческой плоти и сознания, направленную на преодоление старости и смерти. Однако в связи с этим встаёт следующий вопрос этического характера: «Существуют ли пределы этой модификации человеческого тела и сознания, за которыми человек уже не будет являться человеком?».

Философия трансгуманизма

Трансгуманизм как философская концепция начал оформляться в США в 60-е гг. XX в., однако к 90-ым гг. прошлого столетия он определяет новейшие направления научно-технической деятельности.

По мере того, как объектом научного изучения становился непосредственно человек, прежде всего его мозг и технологические средства воздействия на него с целью стимулирования когнитивных способностей, ситуация стала меняться, и притом достаточно быстро. На основе на-

нотехнологий и развития биологии (генной инженерии) сложилась целая система технологий (НБИКС), способных трансформировать искусственным образом саму телесную природу «естественного человека» (технонаука). Интенсивное развитие данных технологий реально поставило вопрос о возможном целенаправленном воздействии и на духовную составляющую человека, и на его «внутренний мир». И вот тогда в социальной философии была сформулирована проблема эволюционного характера – о возможности с помощью технонауки непосредственно влиять на эволюцию *Homo sapiens*. В связи с этим был предложен особый термин «постчеловек», выражающий столь кардинальную трансформацию «природного человека». Сторонников такой технологической эволюции человечества будущего объединило социально-философское учение, получившее наименование трансгуманизма. С появлением постчеловека они связывают реальную возможность создания совершенного общества, о чём на протяжении веков мечтали философы-гуманисты. Но до сих пор такое общество остаётся лишь предметом «утопий». Главной причиной, как полагают некоторые философы, является изначальное несовершенство самого человеческого индивида. Об этом свидетельствует позиция, высказанная на «круглом столе» в Институте философии РАН известным учёным Д. И. Дубровским, который утверждал: «Весь исторический опыт свидетельствует, что нельзя качественно изменить к лучшему социум, не изменяя качественно самого человека. В этом состоит главная идея трансгуманизма»¹.

¹ Наука. Технологии. Человек: материалы круглого стола // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 12.

Серьёзную обеспокоенность продвижением трангуманистической идеологии в массы выражают и некоторые представители гуманитарного знания. Тревогу вызывает тот факт, что вместо того, чтобы заниматься развитием духовно-нравственного потенциала человека, раскрытием его таланта в искусстве, философии, литературе, направленными на обогащение внутренней ценностной культуры личности, усилия идеологов трангуманизма сосредоточены на развитии технологий, которые могут погубить самого человека, превращая его в киборга с заменой живой ткани и мозга. По этому поводу академик РАН В. А. Лекторский говорит: «Трансформация человека может происходить по-разному. Можно пытаться трансформировать его с помощью современных НБИК-технологий, превращая в постчеловека, т. е. по сути дела убивая его как человека. А можно осознать тот факт, что развитие культуры, философии, искусства, литературы, науки и было реальным самотрансформированием человека, т. е. развитием новых ценностных представлений, созданием нового «мира человека». И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений, а не по пути его расчеловечивания, реальная опасность которого сегодня появляется. Но тогда становится ясно, что философия и вся гуманитарная наука – это не нечто отжившее, не нечто такое, что должно уйти в небытие, уступив свое место современной технотехнике, а как раз необходимейшее условие сохранения человека»¹.

Таким образом, научно-технический прогресс, который бытует за кордоном, характерен тем, что в нём происходит развитие техники, но человек при этом, наоборот, деградирует. Он максимально приспособливает свою психику под законы вседозволенности рыночных отношений и превращается в абсолютно безнравственную личность. Наблюдается разрыв между носителем сознания, который всё больше деградирует духовно, и созданным им на-

учно-техническим прогрессом, который в это время набирает обороты.

Трангуманизм, основанный на естественно-научных представлениях, исключает из своего внимания рассмотрение человека в духовной плоскости. Философия трангуманизма отрицает существование души как некоего высшего духовного начала в человеке.

В этой связи, по мнению исследователя В. А. Щипкова, трангуманизм «ведёт к разрушению в человеке образа и подобия Божия, лишает его личности: идеал человека здесь понимается как совершенная машина, которая неопределённо долго воспроизводит потребности и с запрограммированным успехом их удовлетворяет. В трангуманизме человек становится машиной не столько в результате биотехнологических модификаций своего тела и своей природы, сколько после отказа от действия своей свободной воли в процессе удовлетворения своих потребностей»². Действительно, трангуманизм преподносит человеку множество нерешённых проблем, прежде всего, в духовном направлении, так как тело ограничено и в пространстве, и во времени. Сверхличность, которая будет обладать физическими свойствами, превосходящими свойства реальной личности, потеряет свободу морального выбора. Искусственная машина, усовершенствованная до уровня человека, не будет обладать самосознанием, а останется набором различных кодов и цифр. Где итогом будет превращение человека в зомби, лишённого выбора и свободы воли. Проблема трангуманизма коренится также и в квазирелигиозном обетовании вечной жизни и блаженства, которые приобретаются коллективным усилием человечества по развитию технологий. Идёт приучение общества к тому, что без модификации тела человек – неполноценен (ты должен себя поправить, ты должен быть другим). При

¹ Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 9.

² Щипков В. А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трангуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 3. С. 16.

этом создаётся искусственный шаблон, на который должен походить человек [13]. У человека исчезает индивидуальность. Трансгуманизм пытается всех подвести под один шаблон, ставит одной из своих главных целей создание человека с заранее закреплёнными свойствами, параметрами (над таким существом легче осуществлять контроль).

Вследствие этого возникает вполне закономерный вопрос: «А не является ли трансгуманизм безумием разума и плоти?» Никакого отношения к духовной жизни трансгуманизм не имеет. Духовный человек подчиняет свою плоть воле и разуму, а не меняет предпочтения. Трансгуманизм лишает человека ответственности, у него одно желание – удовлетворять свою плоть. Он провозглашает полную свободу личности над собственной жизнью и телом, тем самым, создавая идейно-теоретическую лженравственную основу аргументации для аборта и эвтаназии. Одним из столпов трансгуманизма выступает движение ЛГБТ. Но что это, как не пропаганда технологии лишения жизни в человеческом обществе?!

Трансгуманизм и проект глобализации

Трансгуманизм является одним из звеньев проекта глобализации, представляющего новый порядок, совершенно иной уклад жизни человечества. Новое человеческое общество, по замыслу глобалистаторов, должно перейти от национальных культур к единой всепланетарной массовой культуре. Национальные же культуры должны уйти в небытие как отжившие атавизмы прошлого. Чувство коллективизма, любви к ближнему, мужчины к женщине и наоборот, с точки зрения идеологов глобализма и трансгуманизма, должны кануть в минувшие времена [14]. В итоге получается, что на Земле раскручивается проект создания общества биороботов, без чувств и эмоций, с заданными параметрами и программами поведения, живущих только самыми низменными инстинктами. Людей, крайне обособленных друг от друга, живущих сугубо для себя, для удовлетворения

своего эго. Таким образом, «новый мировой порядок» нацелен на манипуляцию сознанием всего социума, на то, чтобы полностью отнять у человека индивидуальность мышления, не дать личностному сознанию проявить себя в творческом плане, не позволить ему расти, развиваться, накапливать какие-то иные, не входящие в рамки глобализационной политики, знания. Что это, как не механизм, не только нарушающий, но и до основания разрушающий не только духовную эволюцию земного сообщества, но и эволюцию отдельной личности?! По сути, идеологи глобализма, трансгуманизма пытаются навязать человечеству духовное рабство, превратить его в управляемый механизм с изначально заданными параметрами [10; 11; 12].

Трансгуманизм и христианская антропология

Английский философ и футуролог, идейный вдохновитель трансгуманистического движения Макс О'Коннор (впоследствии взял себе псевдоним Макс Мор) разработал собственную доктрину «Принципы экстропианства», в которой изложил пути перехода человека в постчеловеческое существование. Мор не признаёт никаких барьеров для эволюции человека, считая, что «технология позволит нам преодолеть себя в психологическом, генетическом и нейробиологическом аспектах, мы, ставшие трансчеловеками, сможем превратить себя в постчеловеков – существ беспрецедентных физических, интеллектуальных и психологических способностей, самопрограммирующихся, потенциально бессмертных, ничем не ограниченных индивидов»¹.

Свои принципы Мор рассматривает как этические установки, придающие смысл, направление и цель человеческой жизни, т. е. отношение к религии. И действительно, хотя экстропианство выступает под маркой науки, его религиозные корни хорошо проявились в одной из статей Мора. Речь идёт

¹ Цит. по: Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистцизм в информационную эпоху. Ультра: Культура, 2008. С. 83.

о работе «Во славу Дьявола», вышедшей в 1991 г.¹. В данной работе Мор обращается к известной гностико-теософской идее, в которой Люцифер, восставший против Бога, несёт свет, разум, интеллект и прогресс для всех людей, олицетворяя собой символ способности человека к постоянному изменению и прогрессу. Т. е. человек рассматривается как экспериментальный объект, как биологический материал для применения новых технологий. Использование его не ограничено какими-либо соображениями нравственного порядка, а определяется только правами экспериментатора. При этом Мор ясно даёт понять читателю, что идеология экстропианства противопоставлена ценностям и взглядам христианской традиции. Противопоставление трансгуманизма христианству заключается именно в отрицании традиции. Одним из главных тезисов христианского учения является положение о несовершенстве человеческой природы, её искажённости вследствие совершения первородного греха. Личное же спасение человека в христианстве не мыслится без промысла Божьего, без воли Божьей. Поэтому трансгуманистическая антропология вообще отказалась от какой-либо идеи бога, провозгласив учение о совершенствовании человека только с внешней стороны, никак не обращаясь к его внутреннему духовно-нравственному миру.

Как справедливо отметил русский богослов XX в. В. Н. Лосский: «Цивилизация – это огромная попытка восполнить отсутствие Бога. В цивилизации люди стараются забыть Бога или заменить Его: забыть в ковке металлов, отдав себя в плен земной тяжести и сообщаемому ею непроницаемому могуществу»². Сегодня в цивилизованном мире мы можем наблюдать огромную "вавилонскую башню" технологий и малый "холмик" человеческой

нравственности. Эта «вавилонская башня» представляет «узурпаторский прорыв безбожной цивилизации, единство только человеческое в своём чисто земном вожделии завоевать небо»³. А что сказать о внутреннем мире "строителей башни"? Осознанные богоборцы, противопоставлявшие себя Богу и Его воле, как и в библейские времена, так и сейчас: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли» (Бытие 11:4). Их стремление направлено на то, чтобы поставить себя в центр мира с помощью науки и современных технологий, заместить собой Бога, низвести небо на землю. И как справедливо отмечает доцент МГИМО О. Н. Четверикова, главный внутренний помысел этих «строителей Вавилонской башни» заключён в избавлении от образа Божия, воспринимаемого как ограничение их свободы, изменении человеческой природы, создании «нового человека»⁴. Известный русский богослов Е. А. Авдеенко считал, что носители духа трансгуманизма жили и в допотопное время. С точки зрения христианского учения мы живём сейчас в эпоху второго мира, первый мир был уничтожен в водах потопа. Е. А. Авдеенко полагает, что конец допотопной эпохи (эпохи первого мира) ознаменовался появлением «новых людей» – трансгуманистов, которые попытались восстать на образ Божий в себе, так как он воспринимался в их сознании ограничением свободы, барьером на пути преодоления самих себя⁵. Из-за этих людей, с точки зрения богослова, первый мир погиб в результате всемирного потопа [15; 16].

Определённую обеспокоенность по поводу утверждения трансгуманистической идеологии в современном мире выска-

¹ Max More. In praise of the Devil. Libertarian Alliance, Atheist Notes. URL: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).

² Лосский В. Н. Догматическое богословие. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lossv02/txt13.htm> (дата обращения: 27.09.2020).

³ Там же.

⁴ Четверикова О. Н. Диктатура «просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение: Техинвест-3, 2016. С. 12.

⁵ Авдеенко Е. А. Тема «Каин» в современном мире. Революционная интеллигенция [Электронный ресурс]. URL: <https://vstanzaveru.ru/e-a-avdeenko-tema-kain-v-sovremennom-mire-revoljutsionnaya-intelligentsiya> (дата обращения: 17.02.2021).

зывает Русская Православная Церковь (РПЦ). Так, на открытии XXI Всемирного русского собора предстоятель РПЦ патриарх Кирилл заявил, что «Сегодня борьба за будущее – это борьба за антропологию. Это борьба за определение того, что есть «человек». Сюда входят вопросы о биотехнологиях, прогрессе человеческой природы, искусственном бессмертии»¹. Патриарх сравнивает трансгуманистов с революционерами, которая претендует «на создание нового человека, стремятся сломать традиционное, христианское в нём – «перековать» человека. Отсюда борьба революционеров с традицией, религией, культурой»². И действительно, революция, которая разворачивается сейчас в современном мире, затрагивает все сферы человеческого существования [17; 18]. Развитие медицинских и компьютерных технологий, геномной инженерии уже способны модернизировать (осуществить апгрейд) наши разум и тела, что может привести к созданию нового типа человека доселе не существовавшего. И эти новые существа, по сути, будут превосходить людей. Как справедливо отметили современные исследователи В. П. Майкова и Э. М. Молчан: «Стремление получить сверх возможности обретает огромную силу, обещая освободить нас от ограничений в социальном бытии и приобретение статуса сверхличности»³. Однако такая мотивация может привести к деградации духовного мира человека, превратить его в безликую сущность [19; 20; 21].

Вера в научно-технический прогресс, новые технологии подобна квазирелигии. И эта вера заключается в том, что человек

с помощью технологий хочет достичь бессмертия, а значит, и полной власти над своим телом и жизнью. Однако, христианское учение о человеке говорит о том, что источник совершенствования находится внутри человека, и только внутренняя духовная работа над самим собой может привести к достижению «вечной жизни».

Заключение

В трансгуманистическом учении о человеке на первый план выходит вера в научно-технический прогресс с использованием современных достижений в геномной инженерии и нанотехнологий. Трансгуманизм провозглашает новую религию – религию человекобожия, где через изменение своего сознания и тела, человек сам становится вершителем своей судьбы, может её прочувствовать, преобразовать и даже подчинить своей собственной воле. В основании трансгуманизма лежит определённый комплекс идей, ставящих задачи изменения человеческой природы, исходя из ущербности и несовершенства человеческого тела. Первостепенная задача – используя современные технические достижения существенно переделать природу человека [22; 23; 24]. Одной из главных целей трансгуманизма является преодоление старости и смерти, жизненный успех. Достижение благ мыслится не в ином мире, не личной жертвой ради человечества, а в земной жизни, индивидуально для себя. Трансгуманизм – комплекс экспериментов над человеком, а также современная форма материализма. Главный двигатель идеологии трансгуманизма – страх, точнее, страх перед смертью. Сегодня трансгуманизм представляет собой политический проект, направленный на формирование новой глобальной философско-мировоззренческой системы единой техногенной цивилизации [25; 26].

Трансгуманизм пытается убрать из жизни человека всё духовное и нравственное, то, чем живёт душа, то, где проявляется дух. Происходит «перешагивание» через то, что делает человека человеком. Христианская

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (дата обращения: 03.02.2021).

² Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (дата обращения: 03.02.2021).

³ Майкова В. П., Молчан Э. М. Предначала философии виртуальной реальности: Монография. М., Спутник+, 2020. С. 39.

же антропология говорит о двухчастном строении человека, состоящего из тела и души. И здесь человек мыслится прежде всего как душа живая. А душа есть то бессмертное начало, которое выводит человека за границы исторического времени, его конечного бытия, наделяет его атрибутом вечности. Трансгуманистическая идеология же противопоставляет себя христианской традиции и пытается «убить» в человеке

всё человеческое. Кто знает, а может быть, главной целью трансгуманизма является создание искусственной души, а изобретение искусственного интеллекта, постепенно внедряющегося в сферы жизнедеятельности социума, есть первый шаг на пути к этой задумке?!

Статья поступила в редакцию 31.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: Ультра: Культура, 2008. 480 с.
2. Майкова В. П., Молчан Э. М. Предначала философии виртуальной реальности: монография. М.: Спутник+, 2020. 68 с.
3. Наука. Технологии. Человек: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 5–49.
4. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение: Техинвест-3, 2016. 160 с.
5. Щипков В. А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 3. С. 7–24.
6. More M. In praise of the Devil // Libertarian Alliance, Atheist Notes. URL: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
7. Лосский В. Н. Догматическое богословие. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lossv02/txt13.htm> (дата обращения: 27.09.2020).
8. Авдеенко Е. А. Тема «Каин» в современном мире. Революционная интеллигенция [Электронный ресурс]. URL: <https://vstanzaveru.ru/e-a-avdeenko-tema-kain-v-sovremennom-mire-revoljutsionnaya-intelligentsiya> (дата обращения: 17.02.2021).
9. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (дата обращения: 03.02.2021).
10. Бондарева Я. В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 325 с.
11. Майкова Э. Ю., Бондарева Я. В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
12. Абросимова Т. Я., Бондарева Я. В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 16–26.
13. Горбунов А. С. Личность в контексте информационной безопасности государства // Сибирский учитель. 2017. № 5 (114). С. 64–68.
14. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7–30.
15. Майкова В. П. Методология педагогики и экологическое мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 289–297.
16. Майкова В. П. Творчество как вектор развития личности // Гуманитарный вестник. 2015. № 2 (33). С. 107–109.
17. Левицкая А. А. Основные характеристики современного этапа развития религиозного образования в российском обществе // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1. № 4 (117). С. 24–30.
18. Левицкая А. А. Взаимодействие религиозной и светской культур в сфере религиозного образования / Прикладные научные исследования: сборник статей по материалам XXV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 205–213.
19. Буланкина Н. Е., Кондратенко А. П., Синенко В. Я. Философия природы, культуры и гуманизация образования: монография. Новосибирск, 2004. 185 с.

20. Синенко В. Я. Каскадная (циклическая) система повышения квалификации работников образования // Вестник образования. 2012. № 20. С. 11–14.
21. Синенко В. Я. Модернизация системы дополнительного профессионального педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 73–80.
22. Синенко В. Я. Многоаспектность качества образования // Сибирский учитель. 2002. № 2. С. 5.
23. Синенко В. Я. Система повышения квалификации работников образования - от кризиса в сознании до реальных перспектив // Сибирский учитель. 2010. № 2 (68). С. 5–12.
24. Синенко В. Я., Буланкина Н. Е. Интеграционные процессы в образовании как инновация: методологические и технологические аспекты // Сибирский учитель. 2017. № 1 (110). С. 34–39.
25. Синенко В. Я. О ключевых факторах успешности системы повышения квалификации работников образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 35–37.
26. Синенко В. Я. Инновационное управление образованием как ключевой фактор роста его качества // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2016. № 5. С. 18–21.

REFERENCES

1. Devis E. *Tekhnognosis: mir, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Technognosis: World, Magic and Mysticism in the Information Age]. Moscow, Ultra Publ., Culture Publ., 2008. 480 p.
2. Maikova V. P., Molchan E. M. *Prednachala filosofii virtual'noi real'nosti* [Preface to the Philosophy of Virtual Reality]. Moscow, Sputnik+, 2020. 68 p.
3. [The science. Technologies. Human: Round table materials]. In: *Voprosy filosofii*, [Philosophy questions], 2015, no. 9, pp. 5–49.
4. Chetverikova O. N. *Diktatura «prosveshchennykh»: dukh i tseli transgumanizma* [The dictatorship of the “enlightened”: the spirit and goals of transhumanism]. Moscow, Blagoslovenie Publ., Tekhinvest-3 Publ., 2016. 160 p.
5. Shchipkov V. A. [Secular foundations and utopian features of the ideology of transhumanism]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series: Political Sciences], 2018, no. 3, pp. 7–64.
6. More M. In praise of the Devil. In: *Atheist Notes*, 1991, no. 3. Available at: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf> (accessed: 17.02.2021).
7. Losskii V. N. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. Available at: <http://psylib.org.ua/books/lossv02/txt13.htm> (accessed 27.09.2020).
8. Avdeenko E. A. *Tema «Kain» v sovremennom mire. Revolyutsionnaya intelligentsiya* [The theme of “Cain” in the modern world. Revolutionary intelligentsia]. Available at: <https://vstanzaveru.ru/e-a-avdeenko-tema-kain-v-sovremennom-mire-revolyutsionnaya-intelligentsiya> (accessed: 17.02.2021).
9. *Slovo Svyateishego Patriarkha Kirilla na otkrytii XKHI Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Address of His Holiness Patriarch Kirill at the opening of the XXI World Russian People]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (accessed: 03.02.2021).
10. Bondareva Ya. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz: dis.... dokt. filoz. nauk* [Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis. PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2011. 325 p.
11. Maikova E. Yu., Bondareva Ya. V. [The future autonomy of the individual as a risk: ways to protect oneself]. In: *Vlast* [Power], 2015, no. 8, pp. 22–26.
12. Abrosimova T. Ya., Bondareva Ya. V. [Post-nonclassical paradigm and spiritual-moral foundations of modernization of education in Russia]. In: *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern additional professional pedagogical education], 2015, vol. 1, no. 4 (4), pp. 16–26.
13. Gorbunov A. S. [Personality in the context of information security]. In: *Sibirskii uchitel'* [Siberian teacher], 2017, no. 5 (114), pp. 64–68.
14. Rakityanskii N. M., Kolesnichenko Yu. V. [The potential of the Russian philosophical and psychological school and the methodology for portraying the personality of a politician]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2014, no. 6, pp. 7–30.
15. Maikova V. P. [Methodology of pedagogy and ecological worldview]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2013, no. 1, pp. 289–297.
16. Maikova V. P. [Creativity as a vector of personality development]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2015, no. 2 (33), pp. 107–109.

17. Levitskaya A. A. [The main characteristics of the current stage of development of religious education in Russian society]. In: *Ucheenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University]. 2013, vol. 1., no. 4 (117), pp. 24–30.
18. Levitskaya A. A. [The interaction of religious and secular cultures in the field of religious education]. In: *Prikladnye nauchnye issledovaniya: sbornik statej po materialam HXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Applied scientific research: collection of articles based on the materials of the XXV International Scientific and Practical Conference], 2017. pp. 205–213.
19. Bulankina N. E., Kondratenko A. P., Sinenko V. Ya. *Filosofiya prirody, kul'tury i gumanizatsiya obrazovaniya* [Philosophy of nature, culture and humanization of education]. Novosibirsk, 2004. 185 p.
20. Sinenko V. Ya. [Cascade (cyclic) system of professional development of educators]. In: *Vestnik obrazovaniya* [Education Bulletin], 2012, no. 20, pp. 11–14.
21. Sinenko V. Ya. [Modernization of the system of additional professional pedagogical education]. In: *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2012, no. 3, pp. 73–80.
22. Sinenko V. Ya. [Multi-dimensionality of the quality of education]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2002, no. 2, pp. 5.
23. Sinenko V. Ya. [The system of advanced training for educators - from a crisis in the mind to real prospects]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2010, no. 2 (68), pp. 5–12.
24. Sinenko V. Ya., Bulankina N. E. [Integration processes in education as an innovation: methodological and technological aspects]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2017, no. 1 (110), pp. 34–39.
25. Sinenko V. Ya. [On the key factors of the success of the advanced training system for educators]. In: *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2013, no. 5, pp. 35–37.
26. Sinenko V. Ya. [Innovative management of education as a key factor in the growth of its quality]. In: *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya* [Quality Management in Education: Theory and Practice of Effective Administration], 2016, no. 5, pp. 18–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лонский Ярослав Александрович – старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта;
e-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav A. Lonskiy – Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport;
e-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лонский Я. А. Трансгуманизм как новое религиозно-политическое движение современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 42–50.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-42-50

FOR CITATION

Lonsky Ya.A. Transhumanism as a New Religious and Political Movement of Our Time. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 42–50.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-42-50

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ГОРИЗОНТЕ ДВУХ ПАРАДИГМ ПОЛИТИЧЕСКОГО: «ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ» И «АВТОМАТИЗМ ПРАВИЛ»

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представительная демократия нуждается в эффективном механизме политической репрезентации; *очевидный* кризис классической («миметической») модели репрезентации обуславливает актуальность двух исследовательских задач: во-первых, определения *условий* названной очевидности и, во-вторых, изучение *способов* преодоления кризиса. В современной западной философии Ф. Р. Анкерсмит обосновывает концепцию «эстетической политической репрезентации», изучение смысла и условий действительности которой является целью данного исследования.

Процедура и методы. Философское истолкование, нацеленное на обретение «радикального» (т. е. «метафизического») *понятия*, в котором *совмещаются* реальное и действительное (К. Шмитт, М. Хайдеггер), является способом исследования в случаях, когда речь ведется о *смысле* и *границах*.

Результаты. В ходе работы в горизонте двух парадигм политического западной политической онтологии выявлены основные характеристики двух способов репрезентации, миметической и эстетической, определены *условия возможности* для каждой из них, обоснован вывод, что *представление* политического в либеральной версии экономической парадигмы политического *требует* исключения *олицетворений* в пользу «безличного автоматизма правил».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результатом исследования выступает выявление границ «области значения» двух *противоположных* систем политической репрезентации, представленных в статье как «радикальные понятия»; определены специфические *задачи*, которые решаются эстетической политической репрезентацией Ф. Р. Анкерсмита, концепция которой выстраивалась, по определению её автора, «для спасения западной представительной демократии».

Ключевые слова: репрезентация, народ, парадигма политического, олицетворение, «либеральная метафизика», политический порядок

POLITICAL REPRESENTATION IN THE HORIZON OF TWO PARADIGMS OF THE POLITICAL: "PERSONIFICATION" AND «AUTOMATISM OF THE RULES»

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov,
46 Kostyukov ul., Belgorod, Belgorod region, 308012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the meaning and the conditions of the reality. Representative democracy needs an effective mechanism of political representation. The obvious crisis of the classical («mimetic») model of representation determines the relevance of two research tasks: firstly, determining the conditions of the evidence mentioned and, secondly, studying ways to overcome the crisis. In modern Western philosophy, F.R. Ankersmit substantiates the concept of «aesthetic political representation», the study of the meaning and conditions of reality of which is the purpose of this article.

Methodology. Philosophical interpretation, aimed at finding a «radical» (that is, «metaphysical») concept, which combines the real and the actual (K. Schmitt, M. Heidegger), is a way of research in cases when it comes to meaning and boundaries.

Results. In the course of the work, in the horizon of the two paradigms of political Western political ontology, the main characteristics of the two ways of representation, mimetic and aesthetic, were identified. The conditions of opportunity for each of them are determined. The conclusion is substantiated about the representation of the political in the liberal version of the economic paradigm of the political requires the exclusion of personifications in favor of the «impersonal automatism of the rules»

Research implications. The result of the research is the identification of the boundaries of the «area of meaning» of two opposite systems of political representation, presented in the article as «radical concepts». Specific tasks are determined that are solved by F. R. Ankersmit's esthetic political representation, the concept of which was worked out, according to its author's definition, «to save Western representative democracy».

Keywords: representation, people, paradigm of the political, embodiment, «liberal metaphysics», political order.

Введение

Концепция «эстетической политической репрезентации», выдвинутая в начале 2000-х гг. Ф. Р. Анкерсмитом [6], и выстроенная, по утверждению её автора, таким образом, чтобы решить задачу «спасения демократии», актуализировала проблему «кризиса политической репрезентации», обсуждающуюся в западной политической философии и политической теории с того времени, когда названный кризис был констатирован К. Шмиттом [22] (т. е. с конца 20-х гг. XX в.). Примерно к 90-м гг. XX в. «кризис» приобрёл статус *очевидности*: к «внутренним проблемам» государств-наций, утрачивающих (по Ж. Бодрийяру – всё быстрее) способность *символического представления* единства [об этом: 19] всегда в *действительности* разделённого на «политический народ» и «чернь» (Х. Арндт [7], Дж. Агамбен [1]) народа, прибавилась *глобализация*, снимающая национальные границы и делающая одновременно невозможной и бессмысленной репрезентацию народного единства в исключительной для европейской традиции форме «политической нации» [4]. Отказ от исключительности господствующей *натуралистической* «фундаменталистской стоицистской» традиции в западной политической философии и замена её «макиавеллистской» традицией, по мысли Анкерсмита [6], в горизонте которой и вы-

страивается им концепция «эстетической политической репрезентации», способны восстановить утраченное (и в некотором существенном смысле – необходимое) единство в двух аспектах. Во-первых, единство народа, если больше не как суверена (от идеи народного суверенитета, как «противоречивой» и «вредной», предлагала отказаться ещё Х. Арндт [7]), то как источника демократической легитимации власти. Во-вторых, *субстрата непрерывности опосредований*, необходимых для связи между «полномочиями» и «ответственностью», утраченной в сетевой форме организации глобальной власти. Выявить *смысл* и исследовать *возможности* концепции, предложенной Ф. Р. Анкерсмитом, одна из задач настоящей статьи; её решение предполагает сопоставительный анализ двух основных форм политической репрезентации, *миметической* и *эстетической*, в горизонте *представления политического* в двух *парадигмах*: парадигме «понятия политического» К. Шмитта [24] и либеральной версии «экономической парадигмы политического» (название дано Дж. Агамбеном [2]). Она безраздельно господствует на Западе (и в *реальности* понятия, задающего *направление, порядок* и *содержание* «рассуждений о политике» в политологии и (отчасти) в политической философии с XIX в., и в *действительности*) и, в неё и из неё Анкерсмит выстраивает свою концепцию «эстетической политической

репрезентации». Таким образом, поскольку речь идет о *смысле* и о *границах*, мы должны обратиться к *философскому истолкованию*, т. е. довести рассуждение до *очевидности* радикального («метафизического») понятия, в котором единственно, подчеркивает Шмитт [23], достигается *совмещение* «реального» и «действительного».

Представление политического и форма репрезентации

Нарушая последовательность нашего изложения в пользу *ясности*, определим исходным пунктом рассуждения *вывод: основным различием* между миметической (классической) политической репрезентацией, теория которой принадлежит К. Шмитту, и эстетической политической репрезентацией Ф. Р. Анкерсмита является утверждение необходимости в первом случае и абсолютное исключение во втором, того, что Шмитт называет *олицетворением*; данное различие с *необходимостью* следует из *противоположности* в представлении *политического* в двух западных парадигмах: *суверенное решение* и либеральное истолкование принципа *верховенства права* – *исключают друг друга*. Мы *вправе* выставить вывод в качестве *начала* изложения потому, что Анкерсмит *ясно* декларирует и последовательно придерживается *принципа* верности «необсуждаемым» (как он сам пишет: *базовым*) *либеральным ценностям*.

Шмитт утверждает, что «без репрезентации не существует никакого государства» [26, с. 42], причём всякий политический порядок есть, по Шмитту, правовой порядок, а всякое государство – правовое государство, безотносительно к тому, произвольно суженному, значению, в котором стали употреблять термин «правовое государство» в либеральном дискурсе (см.: [25, с. 80]). Репрезентация также необходима, как «тождество», если речь идёт о народе (которому с некоторых пор приписывается ещё «суверенитет») как «субстанции государства»: «Государство есть определенный статус народа, причем статус политическое единства. Государственная форма есть

особый вид этого единства. Субъект любого понятийного определения государства есть народ. Государство есть состояние, причем состояние народа» [26, с. 40–41]. Шмитт заключает: «Политическое единство народа как таковое никогда не может быть наличным в реальном тождестве, и, следовательно, оно всегда должно репрезентироваться людьми персонально» [26, с. 41] и «все различия подлинных государственных форм, какого бы рода они ни были – монархия, аристократия и демократия, монархия и республика, монархия и демократия и т. п., – могут быть сведены к этому решающему противоречию тождества и репрезентации» [26, с. 41]. «В действительности политической жизни также не существует государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа тождества, как и нет государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа репрезентации. Даже там, где предпринимается попытка безусловно реализовать абсолютное тождество, неизбежными остаются элементы и методы репрезентации, и наоборот, никакая репрезентация невозможна без представлений о тождестве. Обе эти возможности, тождество и репрезентация, не исключают друг друга, но являются двумя разнонаправленными ориентирами для конкретного формирования политического единства. Какой бы из них не перевешивал в любом государстве, все же они оба имеют отношение к политическому существованию народа» [26, с. 42].

Репрезентация *символически* «восстанавливает» и актуализирует / возобновляет *единство народа* (как мы сказали, всегда *разорванное*) в двух *репрезентирующих* фигурах: «главы государства» (пока это был *монарх* – *безусловно*; с выборным главой государства дело обстоит сложнее) и представительного органа – в парламенте: в том, что парламент репрезентирует единство народа (а не *частные* и *групповые* интересы), *до времени* существовало *согласие* между всеми, даже противоположными в остальном, *политическими доктринами*. Однако, именно здесь обнаруживается первое прин-

ципиальное *отличие* либеральной трактовки названного единства; мы должны зафиксировать и *истолковать* его: Шмитт утверждает, что интересы не могут быть репрезентированы, – Анкерсмит, напротив, считает, что репрезентируются именно интересы; это различие основывается на противоположных парадигмальных *представлениях* политического.

«Понятие политического» Шмитта фиксирует *нередуцируемость* политической как самостоятельной действительности, раскрывающейся в суверенном решении разделения «друг – враг»; это *экзистенциальное* решение, и как таковое является *личным*. Напротив, для «либеральной метафизики» характерен принципиальный редукционизм, в котором *политическое* разрешается в *мораль* и *право*, и сводится к *управлению*. Для понимания необходимости подобных «разрешений» следует *удерживать* суть экономической парадигмы политического и вместе с этим особенности либеральной трактовки *субъективизма* кантовской моральной и политической философии, в *коле* которой получает *значение* либеральный индивидуализм как *принцип*, фиксируемый таким образом: «С точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности» [11, с. 102]. Определяющей характеристикой кантовского субъекта является его разумность [12]; разумное самоопределение свободное и есть автономия субъекта; это, рассмотренное со стороны взаимодействия субъектов, есть то, что называется его *личностью*, которые в отношении разума тождественны и различаются лишь в *степени* (возраст, например: Кант о «совершеннолети» в работе «Что такое просвещение» [13]); *существенные различия* не могут быть устранены (для Канта: умалишённые, женщины, те, кто в силу своего положения лишен «самостоятельности» – этот «список» *изменяется*); возможно «свободное самоопределение субъекта ко злу» – это *преступ-*

ники (как враги глобального порядка они называются террористами, и против них ведётся «новая война» [16; 18]), исключённые из «сообщества разумных» и, значит, из политического сообщества; все остальные «свойства» субъекта («взрослого», «вменяемого», «самостоятельного») *случайны* (по отношению к разумности) и, в *конечном счёте*, сводимы к «автономному решению» (даже если социально-исторически определены, как, например, национальность [3; 19] – это есть *интересы*. Таким образом, «автономные субъекты», каждый из которых есть «неразложимый локус» западного индивидуализма, *тождественны* по сути, и различаются *интересами* и *направленностью* свободно самоопределяющейся воли. «Самоопределившиеся ко злу» есть *враги*, и они – «абсолютно исключенные» из *единственного* универсально разумного порядка [15]; остальные, различающиеся по *интересам*, для сохранения политического единства разумного порядка *должны* достичь *компромисса*, местом достижения которого Анкерсмит [5; 6] считает парламент (именно как «место для дискуссии» и «представления групповых интересов»), а политическую репрезентацию – механизмом формирования *представляющего интересы групп* места. Народ, таким образом, представлен через интересы входящих в него *ассоциаций*, которые, в свою очередь, есть результат свободного самоопределения автономных индивидов (в *конечном счёте*, разумеется) относительно вступления/принадлежности к таким группам/ассоциациям. «Органическое» и «субстанциальное» «народное единство» Шмитта – против *гражданской лояльности* в либеральной доктрине Анкерсмита. Сказанное выше, конечно, *схема*, но – *парадигмальная*.

Политика, таким образом, представлена как *управление интересами* и именно *так* вписана в экономическую парадигму политического, делая её в «современности» – специфически либеральной. Дж. Агамбен написал историю экономической парадигмы политического, возводя её к Аристотелю [подр. 6; 17]; нас в этой истории интересует её «финал», когда мировой

порядок *управляется* земной иерархией (отражением «небесной иерархии») по *закону*, установленному трансцендентным богом: управление понимается как *восстановление закона в отсутствие бога* и его «земного заместителя» – суверенного монарха, который становится ненужным и «упраздняется» вместе со своим *местом*; политический порядок конституируется вокруг «пустого места» (имеющего ключевое значение и в «эстетической политике» Ф. Р. Анкерсмита). «Земная иерархия» *безличного управления* получает свою завершённую форму в *бюрократии*, когда «порядок пустого места» управляется способом, тождественным «управлению предприятием» (М. Вебер [8]) по *безличным* правилам: в либерализме *признана* концепция «автоматического осуществления права» Кельзена [14].

Таким образом, мы имеем *представление*: о «пустом месте» как центре политического порядка; о народе, лишённом «субстанциальности»; об автономном самоопределяющемся разумном индивиде как «неразложимом локусе»; о гражданской лояльности как условии «единства народа»; о политике как управлении интересами; об «автоматизме права», принцип «верховенства» которого означает *исключение* суверенного решения; о безличном *бюрократическом управлении* – в либеральной версии экономической парадигмы политического. Именно в этом горизонте эстетическая политическая репрезентация приобретает своё *необходимое значение*.

«Классическая» политическая репрезентация

Следует вернуться к «классической теории» политической репрезентации, к её наиболее полной и последовательной шмиттовской версии, чтобы определить, чем такая репрезентация *невозможна и неприемлема* с точки зрения «либеральной метафизики», и почему её замена эстетической политической репрезентацией Анкерсмита полагается *обязательным условием* сохранения *либерального политического порядка*.

Шмитт считает, что условием понимания того, чем является политическая репрезен-

тация (разумеется, в парадигме «понятия политического»), является намерение «очистить от смешения с другими понятиями, такими как поручение, замещение, управление делами, комиссия, доверительное управление и т. п.» [26, с. 45], т. е. от частно-правовых и экономических представлений. Репрезентация в этом смысле – не «вещное понятие»; «в идее репрезентации сильна мысль о личном авторитете, как репрезентант, так и репрезентированное должны утверждать личное достоинство» [25, с. 77]; «в эминентном смысле репрезентировать можно только лицо, а именно, – в отличие от простого представительства – авторитетное лицо или идею, которая, коль скоро она репрезентируется, также и персонифицируется» [25, с. 77]; «репрезентация сообщает лицу репрезентанта собственное достоинство, ибо репрезентант высокой ценности не может быть не ценным» [25, с. 77]. Это – прямо противоположно тому, что утверждает Анкерсмит.

Далее, Шмитт относит к понятию репрезентации следующее. Первое. Репрезентация публична; «нет репрезентации, которая происходит тайно между собой; нет репрезентации, которая была бы частным делом» [26, с. 46]. Любые сделки между партиями, представленными в парламенте, (тайные и явные, при формировании правительства, в практике законотворчества и т. п.) не имеют репрезентативного характера. У Анкерсмита в парламенте именно «заключается сделка» относительно согласования интересов в *компромиссе*.

Второе. «Репрезентация является не нормативным процессом, методом или процедурой, а чем-то экзистенциальным» [26, с. 48]; репрезентировать означает «сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия» [26, с. 48], притом не «какого-то бытия», не частного, но именно «возвышенного бытия, способного на вознесение в общественное бытие, на экзистенцию» [УоК, с. 48]. «В репрезентации происходит конкретное проявление высшего вида бытия. Идея репрезентации

основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного существования какой-либо совместно проживающей группы людей» [26, с. 49]. В эстетической политической репрезентации всё обстоит противоположным образом и речь идёт только о публичности «частного бытия».

Третье. Репрезентация – именно политическая репрезентация, так как в своей сущности она «является чем-то экзистенциальным» [26, с. 51]. Легитимность относится к области нормативной, и в этом смысле «легитимность и репрезентация суть два полностью различных понятия» [26, с. 51–52]. Задачей эстетической политической репрезентации Анкерсмит полагает демократическую легитимацию власти.

Четвертое. «Репрезентируется политическое единство как целое» [26, с. 52]; правительство, в этом отношении, «отличается от управления или ведения дел тем, что отображает и конкретизирует духовный принцип политического единства» [26, с. 52]. Таким образом, «не любой произвольный орган является репрезентантом» [26, с. 52]; партии, профсоюзы, другие подобные организации могут рассматриваться как репрезентанты, но не на уровне политического единства – государства. Шмитт строго различает репрезентацию и представительство частных интересов, которые неразделимы в экономической парадигме политического просто в силу того, что политика понимается как *управление интересами*.

Пятое. «Репрезентант независим, а потому не является ни функционером, ни агентом, ни комиссаром» [26, с. 53]. В эстетической политической репрезентации это тоже так, но в *совершенно другой связи и с другим смыслом*, чем у Шмитта.

Шестое. «Персональное начало государства заключается не в понятии государства, а в репрезентации» [26, с. 56]. В этом отношении монархический принцип [27] (или принцип вождя, но с этим у современной политической философии и теории свои счёты) является незаменимым. Глава государства у

Анкерсмита понимается «по японской модели», как «пустое место – японский император»; *auctoritas*, которая ему приписывается, интерпретируется как *абсолютная пассивность*: «японский император – ребенок», *не способный к решению*. *Potestas*, управление, – безлично, и «глава управленческой иерархии» есть точно такой же *бюрократ*, как любой находящийся у него в подчинении чиновник.

Седьмое. Государство как политическое единство основано на двух полярных принципах – принципе тождества («а именно тождества присутствующего народа с самим собой как политическим единством, если он в силу собственного политического сознания и национальной воли обладает способностью различать друга и врага» [26, с. 56]) и принципе репрезентации. Шмитт считает последовательно демократическим принцип тождества и утверждает, что «последовательное преувеличение обычно существующего лишь как теоретическая абстракция принципа тождества опасно для политического существования народа потому, что следствием этого является то, что народ из состояния политического единства опускается в дополитическое состояние, ведёт только культурное, экономическое или вегетативное существование, служа другому, политически активному народу» [26, с. 57]. Максимум репрезентации же означает максимум правительства, и «опасность этого состояния заключается в том, что игнорируется субъект политического единства – народ, а государство, которое никогда не есть что-то иное, нежели народ в состоянии политического единства, лишается своего содержания. Тогда это было бы государством без народа» [26, с. 57–58].

Эстетическая политика (политическое как метафора) и эстетическая политическая репрезентация

Именно пятая, шестая и седьмая «характеристики», которые даёт Шмитт политической репрезентации, *перетолковываются* в анкерсмитовской теории «эстетической политической репрезента-

ции» таким образом, что она становится незаменимой для либерального политического порядка.

Вопрос об «организации пустого места» и «верховой власти ребенка» следует исключить из нашего настоящего рассмотрения (мы делаем это в другой работе: [21]); нас интересуют *значение*, которое Анкерсмит придаёт репрезентации народа как ассоциации на основе гражданской лояльности, и необходимо следующее из него *радикальное разделение* между репрезентируемым таким образом народом и его *представителем-репрезентантом* – суть либерального понимания представительной демократии. «Спасение» либеральной демократии, которое, как мы сказали, определяется Анкерсмитом задачей «эстетической политической репрезентации», раскрывается, во-первых, как исключение «олицетворений» и обеспечение «верховенства права» и, во-вторых, как исключение «прямой демократии» в пользу демократии «представительной», – два «аспекта» либерального представления демократического политического порядка.

Анкерсмит утверждает, что *политическое* в перспективе «сохранения демократии» должно быть представлено *эстетически*; речь пока идет не о *редукции*, но об *аналогиях*. Он утверждает: «Демократия есть политическая система, которая удовлетворительно работает только в том случае, если общество разделено и содержит противоположность в себе ... Цель демократии состоит в достижении путем примирения всех значимых противоположностей такого политического порядка, в котором она сама осудит себя как бесполезную политическую конструкцию» [6, с. 177]. Но речь идет именно о противоположности интересов. Тогда, в перспективе наличности противоположных интересов: «Только благодаря эстетической репрезентации индивид становится микрокосмом всего политического порядка, отражаемого его «я»; иначе он не настоящее *zoon politicon*. Вопреки нашей интуиции и сильной республиканской традиции прямая демократия подавляет готовность

гражданина признать присутствие этого политического макрокосма. Опять же вопреки тому, что стало общим местом в политической философии, гражданин, который голосует за представителя, – потенциально лучший и более ответственный гражданин, чем гражданин при прямой демократии, который может позволить себе оставаться политической партией из одного человека» [6, с. 77]; и: «репрезентация – не инструмент для решения практической проблемы собирания всех граждан вместе, не замена прямой демократии за неимением лучшего, она есть необходимая и единственно конституционная процедура создания политической власти, нужная для решения наших сложнейших политических и социальных проблем» [6, с. 72].

Исходное (в отношении теории политики) утверждение Анкерсмита может быть определено так: в реальности (социальной в самом широком смысле, политической) фундаментальное значение имеет / должна иметь не однородность (ни как данность, ни как идеал, ни как регулятивная идея) но неустранимый (и, более того, не подлежащий попыткам устранения, так как это приведёт к бесконечным негативным последствиям) разлом. Разорванность политической реальности, отсутствие «непрерывности между правителем (или представителем) и его подданным (или представляемым)» [6, с. 12] и необходимость вследствие этого репрезентации как способа создания и удержания политического – смысловой центр эстетической политической философии Анкерсмита. Вопрос именно в том, каким образом истолковывать данный разлом – только потому, что индивиды суть разумные, то есть в «субстанциальном смысле» тождественные, этот разлом может быть представлен эстетически. Во-первых, *созданные* различия (Анкерсмит неоднократно подчёркивает, ссылаясь на Данто, например, что «мы знаем не только тривиальную истину, что всякая репрезентация есть представление реальности. Он (Данто) также побуждает нас принять во внимание более интересную точку зрения, согласно которой

нечто реально, когда оно соответствует собственной репрезентации, точно так же как нечто становится носителем имени, когда его называют именем» [6, с. 67]) могут быть эстетически представлены.

Во-вторых, первенство репрезентации есть причина, по которой мы в ней нуждаемся, «находим в ней необходимый инструмент обретения своего пути в реальности» [6, с. 58]; истинная репрезентация просто бесполезна (даже если бы она была возможна), Анкерсмит пишет, что это как если бы на наш запрос о способе интерпретации текста нам вручили сам текст. Тезис формулируется Анкерсмитом так: «Неверно, что политическая реальность сначала дана нам, а потому репрезентируется; политическая реальность возникает только после репрезентации и благодаря ей» [6, с. 67]. Это совсем не значит, что «репрезентация создает реальность» [6, с. 67]; это значит, что «реальность как таковая не существует до того момента, пока не появится её репрезентация. Идея в том, что реальность в собственном смысле слова не существует, пока мы не помещаем ее, так сказать, перед собой на некотором удалении, а это достигается в репрезентации и благодаря ей» [6, с. 67].

Политическая реальность, таким образом, не есть нечто, что дано нам «позитивно», но возникает вместе с репрезентацией, можно утверждать, что «именно для этого она и нужна: поскольку со стороны представляемого народа нет объективно данного предложения политического действия и поскольку ожидание его существования было бы категориальной ошибкой, нам нужна репрезентация, чтобы мы имели возможность определить такие предложения. Репрезентация получает свои цель и значение благодаря неопределенному и по-разному истолковываемому характеру реальности, которая репрезентируется» [6, с. 66]. Вообще: «Замена единства (идентичности) представляемого на то, что его представляет, – главный момент любой политической репрезентации. Более того, именно в этом нужно усматривать пользу и функцию репрезентации: представле-

ния – это «имитации» реальности, позволяющие нам высказываться о реальности в их логике. Но поскольку замена реальности не сама реальность, репрезентация способна прояснить для нас определенные аспекты реальности, которые скрыты либо трудноразличимы в самой реальности, – и это одно из главных преимуществ репрезентации над реальностью или верным описанием реальности» [5, с. 193].

Политическая репрезентация перспективна и метафорична, множество возможных точек зрения и перспектив нередуцируемы, они позволяют «сохранить» и представить разрыв и множество, т. е. одновременно хранить и политику, и демократию; «перспективы – это атомы политического универсума репрезентации» [5, с. 236]. Репрезентация предпочтительна при определении реальности и в искусстве, и в политике. В искусстве реальность отождествляется «не с физическим бытием представленного, но с перспективами, открываемыми репрезентацией» [5, с. 236]. В политике же «политическую реальность нельзя отождествлять с гражданами, институтами и так далее, поскольку они существуют до или независимо от процессов репрезентации; только когда у граждан, институций, политических партий и всех прочих складываются представления друг о друге, они начинают воспринимать друг друга из некоторой перспективы, возникает сцена для интеракции, которую можно назвать политической реальностью» [5, с. 236]. А значит, «политическая реальность возникает лишь после того, как репрезентация так или иначе конституционно оформлена в нации или государстве. Следует воздать хвалу и честь представительной демократии, поскольку очевидно, что именно эта система правления наиболее успешно придает действительную конституционную форму необходимым условиям репрезентации» [5, с. 236].

«Перспективность» позволяет удерживать как действительность то, что Шмитт определил как «сущность либеральной метафизики»: бесконечную публичную дискуссию – вне горизонта истины и реше-

ния; политика занимается не истиной, но организацией истины: «репрезентация занимается "организацией истины", а не самой истиной», и «проблему репрезентации нельзя редуцировать к проблеме истины» [5, с. 241]. Не норма и не факт (Анкерсмит дал своей книге «Эстетическая политика» подзаголовок «по ту сторону факта и ценности»), но «внутренний голос наших представлений друг о друге конституирует калейдоскопическую природу политической реальности» [5, с. 204]. Всё сказанное отсылает к эстетике (эстетическая репрезентация) и истории (историческая репрезентация) [9; 10], с которыми политическая репрезентация схожа до неразличимости. Параллелью между политической репрезентацией и эстетической является то, что «ни одна из них не побуждает ни к эмпирическому подходу, ориентированному на факты, ни к этическому» [6, с. 38]; в обоих случаях «правильность репрезентации всегда остается предметом споров и никогда не может быть объективно установлена в том смысле, в каком мы можем определить фактическую истинность суждения» [6, с. 38]; и в том, и в другом случае «спор о правильности репрезентации представляется более важным – представляется более необходимым условием эстетического и политического успеха, нежели согласие относительно «правильной» репрезентации, будь то политическая или художественная» [6, с. 38]; и в эстетической, и в политической репрезентациях «значимость нормативного, или этического, измерения сразу сводится на нет эстетическим изменением» [6, с. 38].

Шмитт считает, что единство народа (со стороны его «тождества») в демократиях репрезентируется в *фигуре вождя* посредством *аккламации*; это утверждение дало повод к многочисленным политическим нападениям (которые отчасти можно считать обоснованными): *обстоятельства времени*, в которое Шмитт обосновывал такое понимание, обусловили *форму* («принцип фюрерства»), неприемлемую не только для *либералов*, но для всех *противников* конкретного *преступного режима* (справед-

ливости ради следует отметить, что такая его оценка утвердилась *ретроспективно*). Но у Шмитта речь идёт не о «режиме», или не только о нём, но о «радикальном понятии» политической теологии – Дж. Агамбен, например, характеризует шмиттовскую концепцию аккламации [2], считает нужным уклониться от политических оценок. Либеральная мысль озабочена тем не менее устранением даже *возможности* подобного «развития событий»; это означает, что *недопустимость олицетворений* подкреплена *политическим императивом*, – в эстетической политике *политическое* представлено как принципиально *плюралистичное*, а *олицетворения* («отождествления») заменяются эстетической репрезентацией.

Что же касается «недопущения» прямой демократии и необходимости «эстетического» представления политики, Анкерсмит прибегает здесь к следующим аргументам.

Первая группа. Анкерсмит указывает, что «прямая демократия», также как и теократия, монархия, аристократия, «всегда обосновывалась с помощью фундаменталистской аргументации» [5, с. 263], что если прямо не делает её «подозрительной», то предполагает изучение возможности её обоснования в «новом горизонте» оснований либеральной метафизики. Далее он прибавляет, что эстетическая репрезентация устанавливает «максимально широкий», очерченный границами всего данного политического сообщества контекст: «частная точка зрения» (частный интерес), будучи репрезентирована, становится публичной (признанной со стороны сообщества как единства) в соотношении с *другими*. Прямая демократия, считает Анкерсмит, исключает подобный контекст, и поэтому «прямая демократия лучше всего подходит для решения таких проблем, которые сравнительно легко можно изолировать от широкого контекста» [5, с. 147].

Вторая группа. Распространившаяся на всё политическое сообщество прямая демократия прямо называется

Анкерсмитом *бесчестной*: она *эгоистична, неводержанна* и даже *разрушительна* – для политического единства. Анкерсмит пишет: «Прямая демократия подавляет готовность гражданина признать присутствие политического макрокосма» [6, с. 77]; гражданин в прямой демократии не преодолевает своей «частности» и «может позволить себе оставаться гражданином одной партии» [6, с. 77]. Прямая демократия, по Анкерсмицу (и здесь следует вспомнить и Шмитта), есть форма для «непосредственного тождества» народа, согласного с «самим собой»; она исключает конфликт, вернее, полагает «конфликт интересов» *несущественным* с точки зрения принципиального тождества «народа как такового», – для либерального представления народа это и недопустимо, и преступно (недопустимо потому, что «подавляет частный интерес»; преступно, так как народ выставляется естественным, даже священным единством – и *возможно* олицетворяется *вождём*, который почти всегда выдвигается прямой демократией, – *аккламация*). Анкерсмит пишет: ««Бесчестная» прямая демократия игнорирует конфликт и наивно верит в некую предустановленную гармонию в политической сфере» [6, с. 401]. Наконец, эгоизм и «вера в гармонию» ведут к неводержанности: «Прямая демократия «бесчестит» демократию, отдавая ее во власть неограниченных, беспредельных желаний коллективного политического «либидо». Игнорируя трения и конфликты, она поощряет главный классический политический порок – неводержанность. Как верно заметил Макиавелли, политическое тело, не знающее напряжений, трений и конфликтов (или боящееся их), сначала пойдет по пути неограниченного, произвольного самоудовлетворения, а потом превратится в множество несвязанных друг с другом эгоистичных индивидов, преследующих собственные интересы» [6, с. 401]. Конечно, возможно пойти и по пути *самопожертвования*, но с либеральной точки зрения это будет ещё хуже.

Третья группа. Народ не «знает себя» и не «понимает» своих «подлинных интересов» – он узнаёт обо всём этом *впервые* через свои репрезентации; это означает, что народ, особенно там, где возможно его *непосредственное единство* (тождество), должен быть *максимально удалён* от *решений*: как о целом политическом порядке, так и в особенности *о себе самом* – мы привели слова Анкерсмита с сочувственной ссылкой на Макиавелли, что *правитель лучше* (а *правильнее* здесь – *исключительно*) понимает народ. Гомогенное единство безличного политического порядка, репрезентированное как разделённое интересами множество, восстанавливается в политической репрезентации как *прогрессивное движение* (управление) посредством *компромиссов* в либеральной представительной демократии. Политическая репрезентация, таким образом и вопреки утверждению Шмитта, *является здесь* способом *демократической легитимации* *обезличенной власти*.

Заключение

Итак, мы получили два *радикальных метафизических* понятия политической репрезентации, *тотально различных* и относящихся к двум парадигмам *политического* в западной политической философии. Нашей задачей является не *давать им оценки*, но лишь указать границы области их значимости – это одновременно означает (вопрос о суверене / пустом месте) переход в область онто-теологии; для политической философии пределом является констатация, которая и есть вывод проведённого анализа: *выбор* между двумя парадигмами есть всегда уже принятое *решение*, которое в экономической парадигме политического *некому принимать* и для которого в представленном в ней политическом порядке *нет места*, – но это, как мы сказали, тематизируется в политической онто-теологии как «вопрос о суверене и решении» и находится вне предмета настоящего исследования.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб: Издательство Института Гайдара: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
3. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
4. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
5. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
6. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета -- Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
7. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.
9. Демин И. В. История и миф в философской концепции Франка Анкерсмита // Альманах современной науки и образования. 2016. № 11 (113). С. 47–49.
10. Демин И. В. Проблема соотношения исторического опыта и исторического нарратива в постметафизической философии истории // Клио. 2014. № 8 (92). С. 3–6.
11. Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
12. Кант И. Критика практического разума: в 8 т. Т.4. М.: Мысль, 1994. С. 373–565.
13. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение?: в 8 т. Т. 8, М.: Чоро, 1994. С. 29–38.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
16. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
17. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография. Кн. 1. Глобальная перспектива и государство-нация суверенного народа в экономической парадигме политического / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Издательство БГТУ, 2020. 727 с.
18. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография. Кн. 2. Генезис мирового имперского порядка в экономической парадигме политического / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Издательство БГТУ, 2020. 752 с.
19. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.
20. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.
21. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Пустое место» как «средостение» политического порядка в экономической парадигме политического // Общество и власть: социально-экономические аспекты и публичная политика / под ред. Е. Н. Чижовой. Белгород: Издательство БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. С. 21–58.
22. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
23. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
24. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
25. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 60–170.
26. Шмитт К. Учение о конституции // Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2010. С. 33–236.
27. Cristi R. Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle // Constellations. Vol. 18. № 3. 2011. P. 353–364.

REFERENCES

1. Agamben J. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.
2. Agamben J. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: On the Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow, St. Petersburg, Institut Gaidara Publ.; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU Publ., 2018. 552 p.
3. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. [«Civic nation» and a sovereign nation: study of the need for a national form of political unity]. In: *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences], 2020, no. 5 (114), pp. 24–31.
4. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. [Sociological and historical discourse of the nation: method and structure]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences], 2020, no. 4 (208), pp. 4–14.
5. Ankersmit F. R. *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow: GU VShE Publ, 2012. 288 p.
6. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: GU VShE Publ., 2014. 432 p.
7. Arendt H. *O revolyutsii* [On revolution]. Moscow: Evropa Publ., 2011. 464 p.
8. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. T. 4. Gospodstvo* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. Vol. 4. Domination]. Moscow, GU VShE Publ., 2016. 542 p.
9. Demin I. V. [History and myth in the philosophical concept of Frank Ankersmit]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2016, no. 11 (113), pp. 47–49.
10. Demin I. V. [The problem of the relationship between historical experience and historical narrative in post-metaphysical philosophy of history]. In: *Klio* [Clio], 2014, no. 8 (92), pp. 3–6.
11. Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 288 p.
12. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of practical reason]. In: Kant I. *Sochineniya. T. 4* [Collected works. Vol. 4]. Moscow, Mys' Publ., 1994, pp. 373–565.
13. Kant I. *Otvet na vopros: Chto takoe prosveshchenie?* [Answer to the question: What is enlightenment?]. In: Kant I. *Sochineniya. T. 8* [Collected works. Vol. 4]. Moscow: Choro Publ., 1994. pp. 29–38.
14. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. St. Petersburg: Alef-Press Publ., 2015. 542 p.
15. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. [Discourse of «anti-terrorist war» and fair, that is, total war]. In: *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
16. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. In: *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2020, no. 4, pp. 70–80.
17. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L., Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voiny i global'nogo imperskogo poryadka. Kn. 1. Global'naya perspektiva i gosudarstvo-natsiya suverennogo naroda v ekonomicheskoi paradigme politicheskogo* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order: monograph. Book 1. Global perspective and the nation-state of a sovereign people in the economic paradigm of the political]. Belgorod: BGTU Publ., 2020. 727 p.
18. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L. and Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voiny i global'nogo imperskogo poryadka: monografiya. Kniga 2. Genезis mirovogo imperskogo poryadka v ekonomicheskoi paradigme politicheskogo* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order. B. 2. Genesis of the world imperial order in the economic paradigm of the political]. Belgorod: BGTU Publ., 2020. 752 p.
19. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L. [Modern political philosophy and the «myth of the nation» by K. Huebner]. In: *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 10 (149), pp. 472–476.
20. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2020, no. 1, pp. 55–64.
21. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. [«Empty place» as a «mediastinum» of the political order in the economic paradigm of the political]. In: *Obshchestvo i vlast': sotsial'no-ekonomicheskie aspekty i publichnaya politika* [Society and power: socio-economic aspects and public policy]. Belgorod, BGTU im. V. G. Shukhova Publ., 2020. pp. 21–58.
22. Shmitt K. [Spiritual and historical condition of modern parliamentarism]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, pp. 93–170.

23. Shmitt K. [Political theology] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. pp. 5–59.
24. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280–408.
25. Shmitt K. *Rimskii katolitsizm i politicheskaya forma* [Roman Catholicism and Political Form]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 60–170
26. Shmitt K. *Uchenie o konstitutsii* [The doctrine of the constitution]. In: *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and Political Form]. Moscow, GU VShE Publ., 2010. pp. 33–236.
27. Cristi R. Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle. In: *Constellations*, 2011, vol. 18, no. 3, pp. 353–364.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

Ломako Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: parmenid@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political sciences), Ass. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – Senior Lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University;
e-mail: parmenid@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломako Л. Л. Политическая репрезентация в горизонте двух парадигм политического: «олицетворение» и «автоматизм правил» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. Political Representation in the Horizon of Two Paradigms of the Political: "Personification" and "Automatism of Rules". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63

УДК 172.15:27

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-64-69

ПАТРИОТИЗМ И СВЯТОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ТРАДИЦИЙ «РУССКОГО МИРА»

Теплых Н. В.*Гуманитарный институт**129626, г. Москва, ул. 1-ая Мытищинская, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать вопросы осознания специфики социокультурного влияния традиций патриотизма и святости на развитие феномена «русского мира» для понимания сложности социальных процессов, происходящих на современном этапе развития российского государства. Период трансформации российской общественной системы XX в. характеризуется размыванием её духовной составляющей. В результате углубился системный кризис, необходимость выхода из которого актуализирует анализ исторических истоков русской духовности.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Методологию исследования составили концепции российских философов, позволяющие раскрыть феномен «русского мира», где основными ценностными доминантами являются патриотизм и святость.

Результаты. Проведённый анализ показал, что обращение к традициям «русского мира» не только стимулирует процесс развития русской культуры на современном этапе, но и выявляет перспективы нравственного самосознания подрастающих поколений. Суть проблемы состоит, во-первых, в преодолении дегуманизации социальных ценностей, среди которых важное место отводится духовности, и, во-вторых, в поиске пути для отечественной духовной культуры из кризисного состояния.

Теоретическая и/или практическая значимость. Решению задач современности может способствовать обращение к моральным, культурным традициям русской философии, а также к духовно-нравственным ценностям, доставшимся в наследство современным гражданам России. Автор указывает на тот факт, что обобщение духовного опыта «русского мира» с точки зрения потребностей современного общества имеет научную ценность.

Ключевые слова: патриотизм, святость, русский мир, традиция, дегуманизация, духовность, православие, русская культура

PATRIOTISM AND SANCTITY AS SOCIAL DOMINANTS OF THE TRADITIONS OF THE «RUSSIAN WORLD»

N. Teplykh*Humanitarian Institute**23, 1-aya Mytischinskaya ul., Moscow 129626, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of the issues of understanding the specifics of the socio-cultural influence of the traditions of patriotism and holiness on the development of the phenomenon of the «Russian world» to understand the complexity of social processes occurring at the present stage of the development of the Russian state. The period of transformation of the Russian social system of the twentieth century is characterized by the erosion of its spiritual component. As a result, the systemic crisis has deepened, the way out of which actualizes the analysis of the historical origins of Russian spirituality.

Methodology. The body of texts has been analyzed. The methodology of the research is based on the Russian philosophers' concepts that allow us to reveal the phenomenon of the «Russian world», where the main values are dominated by patriotism and holiness.

Results. The analysis showed that the “Russian world” traditions do not only stimulate the development of Russian culture at the present stage, but also reveal the prospects for the moral self-awareness of the younger generations. The essence of the problem is, firstly, to overcome the dehumanization of social values, among which an important place is given to spirituality, and, secondly, to find a way for the national spiritual culture out of the crisis.

Research implications. Addressing the challenges of modernity can be facilitated by addressing the moral and cultural traditions of Russian philosophy, as well as the spiritual and moral values inherited by modern citizens of Russia. The author points out that the generalization of the spiritual experience of the «Russian world» from the point of view of the needs of modern society has a scientific value.

Keywords: patriotism, holiness, Russian world, tradition, dehumanization, spirituality, orthodoxy, Russian culture

Введение

Сформировавшееся в начале XX в. атомизированное общество в условиях кризиса духовной сферы не смогло предложить традиционалистский выход из ситуации распада государства. Аристократизм, старые традиции империи начали подавляться. Важнейший вопрос традиционно-религиозного наследия, выступавший неотъемлемым элементом общественной жизни в социальном сознании российского населения, не потерял своей актуальности. В концепциях В. С. Соловьёва, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, а также современных исследователей А. Л. Андреева, В. В. Кожина, Е. В. Мочалова, С. Хантингтона и других русистов можно встретить социализацию идей русского мира, что предполагало наличие определённых отношений между социосистемами, обусловленных понятиями порядка и хаоса. Методологическим обоснованием этих отношений в контексте синергетической парадигмы являются упорядочение и образование новых структур. В указанном контексте многими исследователями рассматривается духовно-культурный процесс в рамках социальных и гуманитарных исследований; наблюдается интерес к проблемам истории и теории социального развития российской общественной мысли.

В данной статье применена методология анализа влияния идей «русского мира» в

новой истории философских наук, что в формате применения общелогических методов позволяет осуществить анализ основного влияния ценностей патриотизма и святости в формировании им концепции отечественной социальной традиции.

Проблема патриотизма и святости в русской философской традиции

Нравственное содержание духовности отечественного социума в русской философии подлежало осмыслению ещё на рубеже XIX–XX вв. В частности, труды С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. С. Соловьёва, С. Л. Франка и других мыслителей изобилуют многообразием концепций. Проблема патриотизма в русской философской традиции рассматривается, в частности, через тему любви к России, уважения её духовных традиций.

Религиозный характер носил на Руси русский патриотизм. Важную роль в укреплении веры в патриотические чувства играла церковь. Многочисленные битвы и войны, которыми отмечена специфика развития российской цивилизации, привили традицию воспитания военно-религиозного патриотизма в среде «русского мира». Ведь в основном русский солдат является выходцем из христианских масс, где православные традиции особенно сильны.

Патриотизм, как важный идеал российской общественной мысли, широко об-

суждаемый в русской литературе, привёл к разработке патриотической тематики как целого комплекса концептов «русского мира». В частности, любому настоящему гражданину присуща черта защиты принципа общего для всего социума блага, – любовь к родине. Иными словами, русскому человеку присущ разумный эгоизм, т. е. стремление к личному благу согласуется с благом общественным. Развитие данной идеи в национальном плане для истинного сына нации означало признание интереса этой нации высшим смыслом. Поэтому важнейшими добродетелями для настоящего гражданина всегда выступали любовь к родине и национальная гордость [4, с. 90–91].

Понятие русской святости также получило отражение в работах русских мыслителей, в которых оно раскрывается посредством описания характера, души и повседневной религиозной жизни русского человека.

Утверждение на Руси православия обусловило своеобразие процесса складывания русской культуры, которое заключается в сосредоточении русского человека на духовности, устоявшихся традициях, одной из которых является святость. Издревле носителем культурных ценностей выступала религия. Феномен традиции средневековыми духовными деятелями понимался как абсолютная совесть. В частности, согласно пониманию средневекового мыслителя Симеона Нового Богослова, традиционное – «не что иное есть, как исполнение воли божьей» [7, с. 47–48].

Со времён Владимира Русь превращается в государство, где христианство становится доминантной культурой со своими идеалами святости, патриотизма, которые способны преобразить как отдельную личность, так и целый мир. Как справедливо пишет С. В. Полякова о житийном агиографическом жанре, с его помощью время оживает, приобретает вескую ценность, кроме того, в его произведениях можно увидеть образцы жизненного поведения и высоких духовных чувств [6, с. 245–246].

Святость в русской культуре предстаёт в виде стремления к святому царству на земле. Это есть для русского человека сокровенная универсальная цель, предполагающая возврат к состоянию нетронутости, принадлежности к иному миру; это своего рода юродство ради Христа. Культ святых в русской культуре представляет собой культурно-исторический феномен, свидетельствующий о поступательном развитии духовной культуры. Религиозные герои традиционно почитались русским народом за особую исключительность и могли влиять на души и умы людей. Святой отделял «правду» от «кривды», для чего отрекался «от мира сего» и вёл идеальный (отшельнический) образ жизни. Ему приписывалась функция чудотворения, которое для человека бессильного и отчаявшегося являлось спасительным. Святые чудотворили, например, возвращая здоровье людям, для которых чудо становилось правдой, а правда – чудом.

Социальное служение святых в понимании Русской православной церкви является объективной реальностью. Наиболее яркими тому подтверждениями являются личности: святой благоверный великий князь Александр Невский, игумен русской земли Сергей Радонежский, преподобный Серафим Саровский, святой праведный воин Феодор Ушаков и мн. др.

Многовековая социокультурная история древнерусского государства являла множество примеров, когда был необходим либо героический подвиг, либо терпеливая жертва, которые прославлялись в художественной литературе, летописях. Древнерусской культуре свойственно отождествлять княжеский ратный подвиг, с одной стороны, и отшельническое подвижничество святителя, с другой, ибо оба они выступали проявлениями силы духа, христианской святости. Неудивительно, что в народном сознании Русская земля есть Святая Русь как воплощение духа святости.

Такие ценности святости, как нестяжательство, милосердие, смирение, традиционализм, осторожность к новациям, в

истории Руси были достаточно важными и насущными как часть религиозной жизни. Этим объясняются представления о «далёких землях», «священных местах», которые содержатся в русских утопических сочинениях XVIII в. П. Ю. Львова [9] и М. Д. Чулкова [10], что несут в себе эталонный социальный заряд общественной и личной свободы и гармонии. Эти «патриархальные» утопии рисовали идеальное общественное устройство, где царила Правда.

Почитание святых, утопические мотивы русской литературы есть свидетельство поиска откровения духовного пути России, которые позволяют понять многое в современной секуляризованной русской культуре.

Духовные основания развития российского социума

Кризисные явления современного этапа развития российского общества побуждают к необходимости переоценки ценностей, к обращению вновь к религиозной, духовно-нравственной проблематике. Для понимания природы, сущности духовности, её традиций следует обратить внимание на размышления многих представителей отечественной интеллектуальной среды конца XIX – начала XX вв., которые духовность ассоциируют с уровнем идеального бытия, причём универсального и личностного [8, с. 25]. Духовность делает человека личностью, высшей целью которой выступает единение с другими людьми (по В. С. Соловьёву – всеобщая причастность к всеединству), позволяющее нравственно совершенствоваться.

В. В. Зеньковский, выделяя этапы духовного развития русского общества, XIX в. называет веком открытия у русских «философского дарования» [5, с. 15]. Достаточно вспомнить таких мыслителей, как А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, Л. Н. Толстой, В. О. Ключевский. Это было временем глубоких идейных исканий. Так, оформляются западническое и славянофильское направления философской

мысли, в рамках которых противопоставлялись идеи личностного права, с одной стороны, соборному, коллективистскому, религиозному началу, с другой. В обществе стали по-разному относиться к проблеме отношений человека к духовности. В частности, довольно резко оценку идеологии западничества высказал В. В. Кожин, выражающуюся в стремлении части русской элиты к созданию общества не только без крепостничества, но и без государства с его самодержавными устоями и господствовавшей православной церковью [3, с. 117]. Действительно, часть аристократии на протяжении всего века постепенно отдалялась от исконных нравственных традиций российского общества.

Однако многие русские мыслители были убеждены в «святой связи» с прошлым, причём эта связь выступала стимулом культурного возрождения России, осмысления перспектив духовного бытия социума. Современный кризис духовности, ценностных установок в общественном сознании характеризуется пересмотром этических принципов межличностных отношений, стиранием традиционных ценностей. При этом, если обратиться к роли традиций в жизни общества, заслуживает внимания позиция исследователя специфики российского современного социума А. Л. Андреева, который считает, что главный оплот традиционализма в России – семья. «По наблюдениям социологов в современной Европе семья и семейные ценности играют особенно важную роль в славянских странах, причём независимо от уровня их развития» [1, с. 78].

Традиционная система ценностей российского общества в конце XX в. ощутила на себе вестернизирующее воздействие, что привело к насаждению иной системы ценностей (индивидуализма, потребительства). Кроме того, тотальный контроль над обществом в советскую эпоху также трансформировал моральное сознание, представления о межличностных отношениях. Социально-экономический кризис в постсоветской России способствовал формированию в обществе ложного, показно-

го патриотизма вместо подлинного, цивилизационного патриотизма, связанного с защитой интересов людей, прежде всего, своей страны [11, с. 202]. Искажаются представления о свободе, которая используется для «утверждения себя против других». Обращение к феномену святости позволяет понять тайну свободы, которая проявляется в любви Бога. Иными словами, свободен тот человек, кто любит так, как любит Бог [12, с. 56–57].

Ретроспективный взгляд на историю традиции патриотизма и святости в русской культуре свидетельствует об их особой роли в сохранении действительного единства Русской земли. Благодаря Русской православной церкви российская государственность укрепилась и обрела особую нравственность и силу духа. Таким образом, благодаря силе духовности русский мир видится целостным, мистическим единством. Его понимание в жизни русского человека присутствует с младенчества, в чём и состоит этический пафос русской философии [3, с. 160].

Заключение

Русская религиозно-философская мысль, осознавая для российского общества, уклада его жизни всю пагубность процесса распада традиционализма, актуализировала задачу обновления религиозного сознания россиян, нацеленную на устранение в нём раздвоенности выбора между Богом и мирскими вещами.

Идеи нравственности, всеобщего единения продолжают питать духовные основы жизни русского человека, тем самым определяя специфику развития народного самосознания [2, с. 36]. Современная Россия в очередной раз переживает системную трансформацию, связанную с ломкой духовных ценностей и нравственных норм. Однако духовные искания, дальнейшее развитие русской культуры невозможно представить без патриотизма, святости как важнейших характеристик духовного состояния русского человека.

Статья поступила в редакцию 12.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Российский социум как «другая» Европа // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3. С. 70–79.
2. Елдин М. А. Диалог духовных традиций: Византия, Русь и Поволжье // *Вестник Чувашского университета*. 2013. № 1. С. 35–38.
3. Кожин В. В. Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 511 с.
4. Мочалов Е. В. Проблема патриотизма в философии России // *Социально-политические науки*. 2016. № 2. С. 90–92.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 896 с.
6. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // *Византийские легенды / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1972. С. 245–273.*
7. Симеон Новый Богослов. Творения: в 3 т. Т. 3. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2017. 543 с.
8. Александрова Р. И., Курносилова Е. А. Россия: духовность, философия любви. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1999. 176 с.
9. Львов П. Ю. Российская Памела или История Марии, добродетельной поселянки. Ч. 1, 2. СПб.: Императорская типография, 1789.
10. Чулков М. Д. Пересмешник или Славенские сказки. М.: Советская Россия, 1987. 368 с.
11. Савкин Н. С. Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2018. № 2. С. 197–204.
12. Бёрджесс Д. П. Святость и свобода: взгляд Павла Флоренского // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2019. Т. 5. № 2. С. 55–59.

REFERENCES

1. Andreev A. L. [Russian society as a «different» Europe]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 2013, no. 3, pp. 70–79.
2. Eldin M. A. [Dialogue of Spiritual Traditions: Byzantium, Russia and the Volga Region]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2013, no. 1, pp. 35–38.
3. Kozhinov V. V. *Pobedy i bedy Rossii* [Russia's Victories and Troubles]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 511 p.
4. Mochalov E. V. [The problem of patriotism in the philosophy of Russia]. In: *Social'no-politicheskie nauki* [Social and political sciences], 2016, no. 2, pp. 90–92.
5. Zenkovsky V. V. *Istorija russkoj filosofii. T. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. 1]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001. 896 p.
6. Poliakova S. V. [Byzantine legends as a literary phenomenon]. In: Lihachev D. S., ed. *Vizantijskie legendy* [Byzantine legends]. Leningrad, 1972, pp. 245–273.
7. Simeon New Theologian. *Tvoreniya. T. 1* [Creations]. Vol. 3. Sergiev Posad, Svjato-Troickaja Sergieva Lavra Publ., 2017. 543 p.
8. Alexandrova R. I., Kurnosikova E. A. *Rossija: duhovnost', filosofija ljubvi* [Russia: spirituality, philosophy of love]. Saransk, Izdatelstvo Mordovskogo universiteta Publ., 1999. 176 p.
9. Lvov P. Yu. *Rossijskaja Pamela ili Istorija Marii, dobrodetel'noj poseljanki. Ch. 1, 2* [Russian Pamela or the Story of Maria, a virtuous Village Woman. Vol. 1, 2]. Saint-Petersburg, Imperatorskaya. tipografiya Publ., 1789.
10. Chulkov M. D. *Peresmeshnik ili Slavenskie skazki* [Mockingbird or Slavic Fairytales]. Moscow, Sovetskaya Russia Publ., 1987. 368 p.
11. Savkin N. S. [Philosophy of Patriotism: patriotism imaginary, ostentatious and authentic]. In: *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija* [Humanitarian: actual problems of humanitarian science and education], 2018, no. 2, pp. 197–204.
12. Burgess D. P. [The sanctity and freedom: a view of Paul Florensky]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija* [Research result. Social and Humanitarian studies], 2019. vol. 5, no. 2, pp. 55–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теплых Никита Валерьевич – ассистент Центра гуманитарного образования Гуманитарного института;
e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Teplykh – Assistant, Center for Humanities Education, Humanitarian Institute;
e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Теплых Н. В. Патриотизм и святость как социальные доминанты традиций «Русского мира» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 64–69.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-64-69

FOR CITATION

Teplykh N. V. Patriotism and Holiness as Social Dominants of the Traditions of the "Russian World". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 64–69.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-64-69

УДК 101.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-70-75

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Титова Е. И.

Казанский федеральный университет, Елабужский институт
423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать влияние национальной культуры хозяйствования на экономическую ментальность русского человека.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ сложной и переменчивой диалектики личных и общественных интересов русского человека через его взгляды, поведение и действия в хозяйственной сфере. Для этого рассмотрена разработанная Г. Хофстеде методика, состоящая из универсальных культурологических индексов, которую использовали в своих работах как западные, так и российские учёные.

Результаты. Проведённый анализ показал, что для эффективного сотрудничества внутри организаций, в которых работают люди разных национальностей, важно знать и учитывать различия в национальных культурах. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что все успехи хозяйствования любого народа стоят на прочном фундаменте выверенных веками культурных традиций и обычаев, духовных и нравственных ценностей и идеалов, социального уклада и особенностей принятой идеологии хозяйствования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в изучение экономической ментальности русского человека.

Ключевые слова: национальная экономическая ментальность, культурологические индексы: дистанция власти, уклонение от неопределённости, индивидуализм / коллективизм, мужественность / женственность, конфуцианская динамика, русский человек

INFLUENCE OF NATIONAL ECONOMIC CULTURE ON THE ECONOMIC MENTALITY OF THE RUSSIAN PERSON

E. Titova

Elabuga Institute of Kazan Federal University
89 Kazanskaya ul., Elabuga 423600, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the influence of the national culture of economic management on the economic mentality of the Russian person.

Methodology. The main content of the research is the analysis of complex and changeable dialectic of the personal and public interests of the Russian person through his views, behavior and actions in the economic sphere. For this purpose, a method consisting of universal cultural indices, developed by G. Hofstede, is scrutinized. This method was used in both western and Russian scientists' works.

Results. The analysis states that for effective cooperation within organizations, where people of different nationalities work, it is important to know and take into account differences in national cultures. The conducted research allows us to conclude that all the success of the economy of any nation is based on a solid foundation of centuries-old cultural traditions and customs, spiritual and moral values and ideals, social structure and features of the adopted ideology of management.

Research implications. The new material on the theme of the research is generalized. The results of the research contribute to the study of the economic mentality of the Russian people.

Keywords: national economic mentality, culturological indices: distance of power, avoidance of uncertainty, individualism / collectivism, masculinity / femininity, Confucian dynamics, Russian person

Введение

Проблема национальной экономической ментальности русского человека рассматривалась в социальной философии в контексте общей ментальности. В настоящий период социально-экономических преобразований в России настала необходимость изучить экономическую ментальность русского человека в отдельности и сравнить её с ментальностью других народов, потому что ментальность любого человека всегда национальна, но она познаётся и понимается у каждого народа всегда лучше в сравнении с ментальностью других народов. Актуальность исследования обусловлена тем, что, представляя большинство населения России, именно русские люди определяют общий результат реформирования и модернизации современного российского общества. Задача исследования заключается в попытке понять в современном русском человеке сложную и переменчивую диалектику личных и общественных интересов в рыночных условиях хозяйствования. Национальные особенности поведения и действий в хозяйственной деятельности русского человека были отмечены в работах многих учёных, среди которых: Н. О. Лосский, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачёв, И. С. Кон, А. И. Наумов, В. А. Ядов, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, А. Г. Сабиров и др. При этом учёные считали, что значение национальных факторов всё-таки не стоит преувеличивать, так как в реальности ни один из народов не обладает «монополией» на те или иные специфические черты. Л. Н. Гумилев, например, утверждал, что «национальный характер – миф, ибо для каждой новой эпохи он будет другим» [2]. По словам Д. С. Лихачёва, не существует каких-то единственных в своём роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной

нации [7, с. 207]. И. С. Кон отмечал, что в групповом поведении каждой этнической группы представлен полный набор характерологических качеств, различие лишь в степени и форме их проявления [5]. По мнению А. Г. Сабирова, «природа человека выражена в том, что он является космобиопсихосоциальным существом, способным познать окружающий мир и деятельным образом преобразовать его» [12, с. 79]. По И. А. Ильину, у каждого народа национальный инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие [4, с. 159]. Одним из первых в середине XIX в., кто попытался поставить изучение национальных характеров на научную основу, был В. Гумбольдт, который впервые назвал своё научное исследование сравнительной антропологией. Учёный предлагал искать «дух народа» в его языке, обычаях и нравах [3]. В современном мире интерес к национальной хозяйственной культуре как объекту исследования значительно возрос. Поскольку образ любого человека несёт в себе кроме родовых черт ещё и черты индивидуально-национальные, постольку без понимания национальных особенностей невозможно познать то общее, что может помочь объяснить его взгляды, поведение и действия. Для этого учёные стали проводить массовые сравнительные исследования национальных хозяйственных культур. Были созданы модели Г. Лэйна и Дж. Дистефано, У. Оучи, А. Клухона и Ф. Стробека, Н. Адлер, А. Лорена, Э. Холла, Ф. Тромпенаарса, но в них доминировал метод описания качественных различий, который не давал ответа на вопрос, в чём заключаются эти различия. Самое масштабное исследование методом культурологических индикаторов, построенное на качественно-количественных характеристиках, связано с именем Г. Хофстеде. Учёный создал методику

и получил свои результаты при анкетировании большого количества работников в филиалах компании IBM в 50-ти странах мира, в том числе и в России. В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты обозначенной проблемы.

Национальная экономическая ментальность, выраженная через призму универсальных культурологических индексов Г. Хофстеде

Национальная экономическая ментальность любого этноса – это его производственно-трудовые представления, выражающие умонастроение и приверженность к определённому типу действия и поведения с общим запрограммированным сознанием в сфере материального производства и распределения; это устойчивый набор национально-своеобразных черт и характеристик в хозяйственной деятельности, которые определяют и проявляют себя в длительном промежутке времени. Г. Хофстеде, выбирая первоначальные индикаторы для своей методики, ориентировался на изучение организационного устройства в конкретной стране. На основе полученных результатов Г. Хофстеде отмечал, что культура страны – это не комбинация свойств «среднего гражданина», это также не формула личности. Это, скорее всего, образцы коллективного поведения людей, но и они помогают отличать одну группу людей от другой в системе ценностей. Эти образцы необязательно принадлежат одним и тем же людям, на деле они только статистически более часто обнаруживаются в данном обществе. Культура – явление коллективное, но это не значит, что все в определённой культуре думают и поступают одинаково. Поэтому, несмотря на то, что статистический анализ ответов на вопросы о ценностных ориентациях человека в каждой стране ведётся вокруг одних и тех же проблем, всё-таки в итоге получаются разные национальные решения [16; 17]. В нашей стране первые исследования проводились ещё в советский период. Поскольку национальный характер

формируется воспитанием, в советский период воспитание русского человека предполагало формирование в нём пассивного человека. Именно в этот период советский человек демонстрировал высокие индексы – дистанцию по отношению к власти и избегания неопределённости, но низкие индексы – индивидуализма, мужественности и ориентированности на будущее. Но ещё Д. С. Лихачёв указывал на то, что национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат и противоречив [7, с. 178]. Коллективизм русского человека – коллективизм особого типа, он безличен, русский человек в нём не растворяется. По словам В. А. Ядова, в особенностях нашего менталитета – действовать не столько по закону, сколько по своему разумению [15]. Затем Г. Хофстеде были повторно проведены замеры, но это был период уже современной реформирующейся России, когда произошел решительный разрыв с советскими хозяйственными стереотипами. Необходимо также отметить, что в этот период в обществе произошла существенная деформация мотивов социальных действий россиян.

Исследование экономической ментальности русского человека через культурологические индексы Г. Хофстеде

Сравним российские культурологические индексы с аналогичными индексами, полученными в других странах.

Дистанция власти (PDI – Power Distance) – этот индекс отражает социальную дистанцию между людьми разного ранга и положения. Данный показатель по России – 93 пункта, а это означает, что подчинённые ждут указания от управленцев и признают авторитарный стиль лидерства. Близок этот показатель к Венесуэле (81), Мексике (81) и Китаю (80).

Избегание неопределённости (UAI – Uncertainty Avoidance) – этот индекс отражает, как носители данной культуры относятся к неопределённости в обществе. Данный индекс – 95 пунктов, он достаточно высок за счёт двусмысленных, неясных

и нечётких ситуаций, господствовавших длительное время в российском обществе. Близки к России Япония (92) и Перу (87). Японский показатель близок к российскому, но не тождественен ему. Современный жизненный девиз японцев – труд считать гордостью и смыслом жизни.

Индивидуализм (IDV – Individualism) – этот индекс отражает степень, в которой человек проявляет личную инициативу при принятии решений в производственной деятельности. Этот индекс составил по России всего 39 пунктов, и это означает, что россиянам больше присуще стремление к коллективизму. Близки к России Бразилия (38) и Турция (37). Но Г. Хофстеде отметил, что во многих развивающихся странах, подверженных западному влиянию, происходят всё-таки изменения в сторону индивидуализма.

Мужественность (MAS-Masculinity) – этот индекс, характеризующий культуры, члены которой склонны к мужской модели поведения: напористости и конкуренции, сосредоточенности на результатах. По России этот индекс – 36 пунктов, близки к России по данному показателю Гватемала – 37, Уругвай – 38. Этот индекс по России оказался самым низким среди обследуемых стран.

Долгосрочная ориентация (LTO – Long-term Orientation) – это показатель того, насколько общество проявляет прагматизм и стратегически ориентируется на будущее. Этот индекс по России отсутствует.

В целом же все культурологические индексы по россиянам чаще находятся в промежуточном диапазоне между индексами жителей как западных, так и восточных стран. Положение человека в восточном типе общества характеризуется духом коллективизма и единством народа, сплочённого общей религией, сильной централизованной властью государства, восприятием отдельного человека как винтика огромной машины – государства. Социальное соотношение между обществом и государством в восточном типе таковы, что государство господствует над обществом. Россия исторически ближе к восточному типу цивилизации. Но всё-таки национальная

экономическая ментальность россиян отличается как от «типично западной», так и от «типично восточной» ментальности. Ещё Н. О. Лосский, вскрывая противоречивый характер русского этноса, указывал на то, что он образовался вследствие слияния разных этносов, потому вобрал в себя черты как европейцев, так и азиатов [8, с. 213]. Н. А. Бердяев также отмечал, что «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. И всегда в русской душе боролись два начала: восточное и западное» [1, с. 6]. Возможно, поэтому экономическая ментальность россиянина не похожа ни на одну ментальность в мире, она делает российский этнос самостоятельным творением. Необходимо также отметить, что, несмотря на то, что евразийское хозяйственное пространство в лице России – это саморазвивающаяся реальность особого рода, она не замкнута на себе, а развёрнута для сотрудничества вовне как с западным, так и с восточным миром. По мнению Д. С. Лихачёва, «если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности и своей собственной» [7, с. 208]. К этому необходимо добавить, что на протяжении всей своей истории Россия воплощает собой наиболее гетерогенный тип цивилизации, сформировавшийся из самых разных, часто не сводимых к общему знаменателю этнокультурных образований, поклоняющихся каждая своим пророкам, ценностям и традициям. Поэтому в России различия культурно-хозяйственных характеристик разных территориальных групп могут оказаться не менее значимыми, чем этнические различия в других странах.

Отметим выводы, сделанные Дж. Барнесом в результате анкетирования менеджеров западных фирм, вступивших в стратегические альянсы с российскими партнёрами. Исследователь считает, что многие культурные проблемы можно решить, если создать хорошие личные отношения, научиться работать с иерархической системой России, избегать этноцентрической точки зрения на Россию и развивать лояль-

ность к организации, с которой собираются сотрудничать, поэтому если эти приёмы и не решат всех проблем ведения бизнеса, то помогут избежать конфликта национальных культур [18].

Отечественными учёными исследования экономических ментальных характеристик в разных регионах России стали проводиться более активно в начале XXI в. Так В. А. Ядов по итогам проведённых исследований сделал вывод, что «индекс "индивидуализм-коллективизм" в российской выборке имеет средние значения, причем на "полюсах" – соответственно американцы и китайцы» [15]. А. И. Наумов обнаружил, что социально-экономические перемены подвергают и определённым изменениям поведение россиян [9]. Учёные Ю. В. Латов и Н. В. Латова в своих исследованиях указали на неоднородность экономической ментальности у россиян, проживающих в разных регионах России: в одних регионах высок дух индивидуализма, а в других, наоборот, преобладает желание работать в коллективе [6, с. 12].

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что национальная экономическая ментальность русского человека – это проекция национальной задачи на его национальное самосознание. Положительные изменения в российской культуре хозяйствования, как в одной из составных частей национальной задачи, приводят и к положительным изменениям во взглядах, поведении и действиях русского человека. Поэтому, удивляясь холодному прагматизму и рациональности западного человека и восхищаясь трудолюбием восточного, необходимо учитывать, что все успехи других народов стоят на прочном фундаменте выверенных веками культурных традиций и обычаев, духовных и нравственных идеалов, социального устройства и укладов хозяйствования.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
3. Гумбольд В. Ф. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
4. Ильин И. А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Алгоритм, 2017. 464 с.
5. Кон И. С. К проблеме национального характера. История и психология. М.: Наука, 1971. 208 с.
6. Латов Ю. В., Латова Н. В. Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.studio/ekonomicheskikh-ucheniy-istoriya/yuvlatov-nvlatova-ekonomicheskaya-mentalnost-88528.html> (дата обращения: 04.01.2021).
7. Лихачёв Д. С. Раздумья. М.: Детская литература, 1991. 320 с.
8. Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
9. Наумов А. И. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3. С. 70–103.
10. Нова ли новая Россия / под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова. М.: Университетская книга, 2020. 400 с.
11. Павленок П. Д. Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях. М.: ИНФРА-М, 2018. 233с.
12. Сабиров А. Г. Человек в современной философской антропологии. Монография. Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2013. 87 с.
13. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2020. 416 с.
14. Черновалов А. В. Цифровое будущее или экономика счастья? М.: Дашков и К, 2020. 218 с.
15. Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся / под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Академия, 2003. С. 349–363.
16. Hofstede G. Culture's Consequences: Newbury Park, Sage Publications, 1980. 328 p.
17. Hofstede G. Cultures and Organisations, Software of the Mind. Maidenhead: Mc Graw-Hill, 1991. pp. 217–264.
18. Barnes J., Crook M., Koyabaeva T., Stafford E. Why our Russian alliances fail // Long – Range Planning. 1997. № 30 (4). pp. 540–549.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 320 p.
2. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1990. 526 p.
3. Gumbold V. F. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [The language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. 452 p.
4. Il'in I. A. *Natsional'naya Rossiya. Nashi zadachi* [National Russia. Our tasks]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 464 p.
5. Kon I. S. *K probleme natsional'nogo kharaktera. Istoriya i psikhologiya* [On the problem of national character. History and psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 208 p.
6. Latov Yu. V., Latova N. V. *Ekonomicheskaya mental'nost' kak neformal'nyi institut rossiiskoi ekonomiki*. [Economic mentality as an informal institution of the Russian economy]. URL: <https://economics.studio/ekonomicheskikh-ucheniy-istoriya/yuvlatov-nvlatova-ekonomicheskaya-mentalnost-88528.html> (accessed: 01.04.2021).
7. Likhachev D. S. *Razdum'ya* [Reflections]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1991. 320 p.
8. Losskii N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p.
9. Naumov A. I. [Hofstede dimension of Russia (the impact of national culture on business management)]. In: *Menedzhment* [Management], 1996, no. 3, pp. 70–103.
10. *Nova li novaya Rossiya* [Is it a new Russia]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 400 p.
11. Pavlenok P. D. *Sotsial'naya splochnost' kak istoricheskaya i prakticheskaya problema Rossii v sovremennykh usloviyakh* [Social cohesion as a historical and practical problem in Russia in modern conditions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 233 p.
12. Sabirov A. G. *Chelovek v sovremennoi filosofskoi antropologii* [Man in modern philosophical anthropology]. Kazan, Respublikanskii tsentr monitoringa kachestva obrazovaniya Publ., 2013. 87 p.
13. Kharari Yu. N. *21 urok dlya KHKHI veka* [21 lessons for the 21st century]. Moscow, Sindbad Publ., 2020. 416 p.
14. Chernovalov A. V. *Tsifrovoe budushchee ili ekonomika schast'ya?* [Digital Future or the Economy of Happiness?]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2020. 218 p.
15. Yadov V. A. [Some Sociological Grounds for Foreseeing the Future of Russian Society]. In: Dribigeva L. M., ed. *Rossiya reformiruushayasya* [Russia is being reformed]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, pp. 349–363.
16. Hofstede G. *Culture's Consequences*: Newbury Park: Sage Publications, 1980. 328 p.
17. Hofstede G. *Cultures and Organisations: Software of the Mind*. Maidenhead: Mc Graw-Hill, 1991. pp. 217–264.
18. Barnes J., Crook M., Koyabaeva T. and Stafford E. Why our Russian alliances fail. In: *Long – Range Planning*, 1997, no 30 (4), pp. 540–549.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титова Екатерина Игоревна – аспирант кафедры философии и социологии Елабужского института Казанского федерального университета;
e-mail: e-i-titova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina I. Titova – Postgraduate student, Department of philosophy and sociology, Elabuga Institute of Kazan Federal University;
e-mail: e-i-titova@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Титова Е. И. Влияние национальной культуры хозяйствования на экономическую ментальность русского человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 70–75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-70-75

FOR CITATION

Titova E. I. The Influence of the National Culture of Management on the Economic Mentality of the Russian Person. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2. pp. 70–75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-70-75

УДК 658.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-76-81

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Шааб А. (Алия)¹, Шааб А. (Алисия)²

¹ Компания DFH AG (Deutsche Fertighaus Holding).

Аргенталер Штрассе 7, D-55469 Зиммерн / Хунсрюк, Германия

² Университет г. Аугсбург,

Улица университета 2, D-86135 Аугсбург, Германия

Аннотация

Цель. Рассмотреть места правового механизма в системе общефилософского процесса мотивации реализации целей Стратегии устойчивого развития.

Процедура и методы. В основе исследования лежит философская методология (структурно-компонентный анализ и системный подход). Исследование выполнено в междисциплинарной области – на стыке философии права и социальной философии.

Результаты. По итогам исследования показана интегративная связь правового механизма с экономическим и организационным механизмом стимулирования указанного процесса. На конкретном примере реализации цели Стратегии устойчивого развития Германии представлена схема действия правового механизма. Сделан вывод о необходимости рассмотрения и применения экономического, организационного и правового механизмов в рамках единого интеграционного механизма мотивации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты способствуют становлению эффективно действующей межорганизационной интеграции с целью достижения эффективного функционирования правовых механизмов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цели устойчивого развития, экономический механизм, организационный механизм, правовой механизм, механизм мотивации, принципы интегративности

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Alia Schaab¹, Alicia Schaab²

¹ DFH AG (Deutsche Fertighaus Holding)

7 Argenthaler Str., Simmern D-55469, Germany

² University of Augsburg

2 Universitätsstrasse, D-86135 Augsburg, Germany

Abstract

Aim. To consider the place of the legal mechanism in the system of the general philosophical process of motivation for implementing the goals of the Sustainable Development Strategy.

Methodology. The research is based on philosophical methodology (structural component analysis and systems approach). The research was carried out in an interdisciplinary field - at the junction of philosophy of legal and social philosophy.

Results. The research results showed the integrative connection of the legal mechanism with the economic and organizational mechanism of the mentioned process motivation. Using a specific example of the German Sustainable Development Strategy the scheme of the legal mechanism is presented. It is concluded that it is necessary to consider and apply economic, organizational and legal mechanisms within the framework of a unified integration mechanism of motivation.

© СС ВУ Шааб А. (Алия), Шааб А. (Алисия), 2021.

Research implications. The results obtained contribute to the formation of an effective inter-organizational integration in order to achieve an effective functioning of legal mechanisms.

Keywords: sustainable development, sustainable development goals, economic mechanism, organizational mechanism, legal mechanism, motivation mechanism, principles of integrativity.

Введение

В настоящее время во многих странах проводится активное формирование определённых действий к реализации принятой мировым сообществом концепции устойчивого развития. Правительствами ряда стран принимаются Стратегии устойчивого развития [1; 2]. Регулярно эти Стратегии пересматриваются. В них вводятся обновлённые цели развития, которые часто становятся декларативными, что является прямым следствием постмодернистского понимания современных социальных процессов [6].

Справедливости ради нужно отметить, что так случается не везде. В ряде европейских и азиатских стран: Германии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Дании, Японии ответственно подходят к реализации целей устойчивого развития, обозначенных и принятых странами-участниками Соглашения ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». При этом, по мнению экспертного сообщества, несомненным лидером в решении задач реализации концепции устойчивого развития признана Германия [1]. Именно поэтому при исследовании проблем и путей реализации концепции устойчивого развития представляется важным и актуальным опираться на немецкий опыт. В определённой мере этот опыт описан в монографии «Устойчивое развитие: механизмы реализации» [3].

Цели, сущность и содержание устойчивого развития

Необходимо отметить, что достижение заявленных целей устойчивого развития требует активного участия всех слоёв общества. Нами предлагается выделять пять уровней структурных общественных обра-

зований, определённо влияющих на реализацию концепции устойчивого развития:

- отдельной страны;
- региона;
- муниципального образования;
- отдельной компании, организации, предприятия;
- потребителей, отдельных граждан и их ассоциаций.

Согласно Стратегии устойчивого развития Германии до 2030 г. (далее – Стратегия) заявленные цели устанавливаются на основе баланса составляющих устойчивого развития (экономического, социального и экологического развития) при руководстве прежде всего ориентирами стратегического развития страны [7]. В Стратегии поставлена цель экологически и социально приемлемого повышения производительности экономики, стабильного и разумного экономического роста. Из такой постановки целей устойчивого развития видно, что Федеральное правительство Германии стремится не допустить безудержного экономического роста без решения экологических и социальных проблем.

Но отметим, что представители структурных общественных образований, в частности, компании, поступают, исходя из определённых ими стратегических и тактических задач своего развития. Так, в компаниях стремятся в первую очередь к достижению своего экономического благополучия. С целью разрешения данного противоречия государство в лице соответствующих управленческих структур должно создать такие условия всем потенциальным участникам процесса реализации концепции устойчивого развития, чтобы они сами стремились осуществлять свою деятельность в русле этой концепции.

Представляется необходимым рассмотреть экономические и организационные

механизмы, в определённой мере отвечающие реализации целей устойчивого развития. Эти механизмы построены с учётом принципа интегративности и соблюдения баланса трёх составляющих устойчивого развития. В связи с этим требуется конкретизация целевой модели деятельности компании в современных условиях введением формулы интегративной экономики устойчивого развития компании: интегративная экономика устойчивого развития компании – социально и экологически сбалансированная эффективная экономика развития компании. Эта модель и формула при определённых условиях возможны к применению и для других указанных выше структурных общественных образований.

Анализ немецкой практики осуществления принимаемых целей устойчивого развития показывает необходимость использования наряду с экономическими и организационными механизмами также и правовых механизмов обеспечения соответствующих процессов, в частности, на определённых уровнях структурных общественных образований. Поскольку без правового обеспечения ответственности для участников процесса реализации концепции устойчивого развития указанные цели могут оказаться невыполняемыми.

Правовые механизмы в силу своей высокой чувствительности к участникам этого процесса должны быть тщательно проработаны, отрегулированы и прописаны в соответствующих нормативно-правовых документах. Совокупность экономических, организационных и правовых механизмов составляет в целом механизм мотивации конкретных представителей структурных общественных образований – участников процесса реализации целей Стратегии устойчивого развития страны. Здесь экономические механизмы – это стимулирование участников посредством различных инструментов регулирования, к примеру налоговых льгот, субсидирования ставок по ипотечному кредитованию. Организационные механизмы – формирование эффективно действующей организа-

ционной структуры участников процесса реализации целей Стратегии. Правовые механизмы необходимы для ответственного отношения участников к использованию принимаемых экономических механизмов.

Механизмы мотивации устанавливаются для каждого структурного общественного образования параллельно с целями устойчивого развития. Такой подход к решению задач общественного характера возможно отнести к индикативному планированию. В нашем случае индикативное планирование – это трансформация целей (индикаторов), установление единства целей устойчивого развития от уровня страны до уровня отдельных отраслей и территорий. В этом состоит первое предназначение индикативного планирования. Второе предназначение – это установление органами государственного управления стимулирующих мер (механизмов мотивации) для активизации процесса реализации приоритетных целей Стратегии устойчивого развития страны на определённых уровнях общественных образований [3].

Как необходимо выстроить и как работают механизмы мотивации, в том числе правовые механизмы обеспечения реализации целей устойчивого развития, на определённых уровнях структурных общественных образований?

В современном немецком законодательстве, а также в юридической литературе понятие «правовой механизм» встречается крайне редко [4]. Представляется, что правовой механизм в рассматриваемой теме обеспечения реализации целей устойчивого развития является многосторонней категорией. При этом мы придерживаемся определения: правовой механизм есть совокупность нормативно закреплённых инструментов, направленных на достижение поставленной правовой цели. По сути, правовой механизм отражает движение права от «бумажной» нормы к реализации её на практике [4].

Правовые цели здесь – цели устойчивого развития на каждом конкретном уровне структурных общественных об-

разований. При этом установление целей на различных уровнях производится на основе принципа сквозного планирования, но с учётом особенностей развития и компетенций каждого уровня. Так, к примеру, 17 целей (63 подцели) устойчивого развития в Стратегии устойчивого развития Германии до 2030 г. определены на основе 17 целей устойчивого развития ООН (2016–2030 гг.) [3]. При этом анализ Стратегии устойчивого развития Германии до 2030 г. показывает, что правительство Германии определило 63 подцели применительно к специфике своих компетенций и своего социально-экономического и экологического развития.

По каждой подцели определены индикаторы с указанием конкретных показателей и сроков их достижения. В качестве примера рассмотрим одну из целей устойчивого развития (ЦУР) и её подцели:

ЦУР 7: Обеспечение доступа к недорогим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.

Подцель 7.1.b: Бережное и эффективное использование ресурсов.

Индикаторы: Потребление первичной энергии.

Показатели и сроки достижения: Сократить на 20% к 2020 г. и на 50% к 2050 г. соответственно по сравнению с уровнем 2008 г.

Подцель 7.2.a: Возобновляемые источники энергии. Расширение перспективного энергоснабжения.

Индикаторы: Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии.

Показатели и сроки достижения: Повысить до 18% к 2020 г., до 30% к 2030 г. и до 60% к 2050 г.

Принятая правительством Стратегия устойчивого развития Германии до 2030 г. должна иметь статус обязательного к исполнению правового документа. Такой статус выдаёт участникам реализации Стратегии своеобразный карт-бланш на соответствующие действия.

Условия реализации Стратегии устойчивого развития

Данный пример только по двум подцелям Стратегии устойчивого развития Германии показывает, что для их реализации в обозначенные сроки требуются значительные усилия всех пяти указанных выше структурных общественных образований. И это выполнимо, но при определённых условиях. Что это за условия?

Первое. Нужно максимально подробно и доходчиво пролонгировать и довести обозначенные в Стратегии устойчивого развития страны цели до конкретных структурных общественных образований.

Второе. Разработать механизмы мотивации и довести их до участников процесса реализации целей Стратегии устойчивого развития страны.

Третье. Подготовить и принять на соответствующих уровнях государственного регулирования пакеты нормативно-правовых документов, регламентирующих условия обеспечения реализации целей Стратегии устойчивого развития страны.

Рассмотрим один из конкретных примеров механизма мотивации реализации вышеприведённых подцелей.

Учитывая то, что примерно 40% всей используемой в Германии энергии «потребляют» здания и сооружения, было принято решение об одном из приоритетных путей выполнения Подцели 7.1.b и Подцели 7.2.a – это строительство энергоэффективных домов со стандартом теплопотребления KfW 40+. Здесь: «40» – показатель потребления тепловой энергии на один квадратный метр общей площади дома в размере не более 40 киловатт-часов в год; знак «+» означает, что конструкции домов данного типа, в частности кровля, подготовлены к монтажу оборудования для использования возобновляемых источников энергии. На этапе получения разрешения на строительство заказчик, к примеру, обязуется построить дом, отвечающий стандартам теплопотребления KfW 40+. Под это своё обязательство получает льготное финансовое обеспечение в государственном KfW-Bank развития. Под указанные обязательства этот

банк предоставляет значительное финансовое обеспечение: субсидию в размере 30 000 евро и льготный ипотечный кредит в размере 90 000 евро по ставке 0,75% годовых сроком на десять лет [5].

В рамках правового механизма в договоре финансирования прописывается условие возврата выданных финансовых средств в случае невыполнения заказчиком строительства принятых на момент подписания договора обязательств по энергоэффективности построенного дома. Для возможности администрирования этого условия договора в штате государственного KfW-Bank развития формируется соответствующая экспертная группа. Работа экспертов осуществляется с возможностью выезда на место построенного дома для проведения необходимых контрольных замеров. Такая возможность должна быть регламентирована в договоре между заказчиком строительства и банком.

Заключение

Представленная схема правового регулирования реализации Стратегии одной из целей устойчивого развития, на первый взгляд, достаточно проста. Но если раскрыть её организационное воплощение, то можно увидеть множество связей между различного рода участниками реализации рассмотрен-

ной цели Стратегии устойчивого развития. Речь идёт о формировании межорганизационной интеграции участников реализации конкретной цели и подцели Стратегии.

Формирование эффективно действующей межорганизационной интеграции для функционирования правового механизма рекомендуется осуществлять на основе объединения ресурсов и компетенций определённых организаций, отвечающих соответствующим принципам интегративности: взаимопонимания, взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлияния и взаимодействия [3].

Подробный анализ приведённого примера правового механизма показывает, что его действие практически не разрывно с элементами социального, экономического и организационного механизмов реализации целей Стратегии устойчивого развития. Более того, результаты действия этих трёх механизмов станут более весомыми, если их функционирование осуществлять в едином интегративном процессе, основываясь на принципах интегративности: взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлияния и взаимодействия. В этом случае более логично рассматривать все три механизма в рамках единого интеграционного механизма мотивации.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия устойчивого развития Германии. Новая редакция 2016 г. Краткая версия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/72444/418560/a6494b852eec1ccb4b8b7a5dd5a46397/2017-09-18-kurzpapier-n-russisch-data.pdf?download=1> (дата обращения: 19.09.2020).
2. Указ от 2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 23.05.2020).
3. Брче М. А., Омельченко И. Н., Шааб А. Устойчивое развитие / под ред. М. А. Брче, И. Н. Омельченко. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2020. 169 с.
4. Матвеева Е. В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии. // Экологическое право. 2010. № 2. С. 22–27.
5. Для строительства или покупки нового экономичного дома KfW [Электронный ресурс]. URL: [https://www.kfw.de/inlandsfoerderung/Privatpersonen/Neubau/Finanzierungsangebote/Energieeffizient-Bauen-\(153\)](https://www.kfw.de/inlandsfoerderung/Privatpersonen/Neubau/Finanzierungsangebote/Energieeffizient-Bauen-(153)) (дата обращения 24.02.2021).
6. Сафонов А. Л., Бондарева Я. В. «Удушающая любовь» неклассики или анализ причин превращения фундаментальной науки в мифологию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (53). С. 27–38.
7. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no 5, pp. 263–281.

REFERENCES

1. *Strategiya ustoichivogo razvitiya Germanii. Novaya redaktsiya 2016 g. Kratkaya versiya* [German Sustainable Development Strategy. New reduction of the 2016. Short version]. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/72444/418560/a6494b852eec1ccb4b8b7a5dd5a46397/2017-09-18-kurzpapier-n-russisch-data.pdf?download=1> (accessed: 19.09.2020).
2. *Ukaz ot 2018 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda»* [Decree "On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024". Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (accessed: 23.05.2020).
3. Brche M. A., Omel'chenko I. N., SHaab A. *Ustoichivoe razvitie* [Sustainable development]. Moscow, Publishing house of MSTU im. N. E. Bauman Publ., 2020. 169 p.
4. Matveeva E. V. [The legal mechanism for the implementation of environmental rights of citizens in Russia and Germany: terminology issues.]. In: *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law], 2010, no. 2, pp. 22–27.
5. *Dlya stroitel'stva ili pokupki novogo ekonomichnogo doma KfW* [For building or buying a new economical home KfW [https://www.kfw.de/inlandsfoerderung/Privatpersonen/Neubau/Finanzierungsangebote/Energieeffizient-Bauen-\(153\)](https://www.kfw.de/inlandsfoerderung/Privatpersonen/Neubau/Finanzierungsangebote/Energieeffizient-Bauen-(153))] (accessed: 24.02.2021).
6. Safonov A. L., Bondareva Ya. V. ["Suffocating love" of nonclassics or analysis of the reasons for the transformation of fundamental science into mythology]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3 (53), pp. 27–38.
7. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no 5, pp.263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шааб Алия – кандидат экономических наук, эксперт по энергоэффективному малоэтажному жилищному строительству компании DFH AG (Deutsche Fertighaus Holding);

e-mail: info@gut-haus.de

Шааб Алисия – студент Университета Аугсбурга;

e-mail: alicia.schaab@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Schaab Alia – Cand. Sci. (Economics), Expert in energy efficient low-rise housing construction, DFH AG (Deutsche Fertighaus Holding);

e-mail: info@gut-haus.de

Schaab Alicia – Student, University of Augsburg;

e-mail: alicia.schaab@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шааб А. (Алия), Шааб А. (Алисия). Философско-правовые аспекты реализации концепции устойчивого развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 76–81.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-76-81

FOR CITATION

Shaab A. (Alia), Shaab A. (Alicia). Philosophical and Legal Aspects of the Implementation of the Concept of Sustainable Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 76–81.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-76-81

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-82-92

ДИАЛЕКТИКА АКМЕ И КАТЕ В ФИЛОСОФИИ ГЕРАКЛИТА

Пожарский С. Д.¹, Юмкина Е. А.²

¹Смольный институт Российской академии образования
195197, г. Санкт-Петербург, Полюстровский пр., д. 59

²Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить предпосылки понятий акме и кате в философии Гераклита.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. В статье рассмотрены сохранившиеся фрагменты сочинений Гераклита. Использовались следующие методы: проблемная и описательная аналитика конкретных первоисточников в контексте представлений о вершине и низине. В философском плане авторы ориентировались на герменевтический и диалектический методы.

Результаты. По итогам исследования выявлен акмеологический аспект философии Гераклита, который раскрывается через анализ диалектики основных понятий философской концепции великого мыслителя: порядка (Логос как внутренняя структура огня) и хаоса (огонь как материальная причина). Эта антитеза трактуется в акмеологическом ключе, т. е. как диалектическое противоречие второго порядка (между движением вверх и движением вниз), за которым скрывается новое противоречие – между акме и кате. Утверждение единства и борьбы противоположно направленных сил приводит Гераклита к диалектической идее гармонии, познать которую возможно только через максимально подробное сопоставление акме и кате, так как друг без друга они не существуют.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в развитие понятий акмеологии, а также позволяют расширить понятийное поле в философской теории развития.

Ключевые слова: акме, кате, совершенство, философия античности

DIALECTICS OF AKME AND KATE IN THE PHILOSOPHY OF HERACLITUS

S. Pozharskij¹, E. Yumkina²

¹Smolny Institute of Russian Academy of Education
59, Polyustrovsky prosp., Saint-Petersburg, 195197, Russian Federation

²Sankt-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the premises of the concepts of acme and kate in the philosophy of Heraclitus.

Methodology. The article examines the surviving fragments of the works of Heraclitus. The following methods were used: problematic and descriptive analytics of specific primary sources in the context of ideas about the top and bottom. Philosophically, the authors focused on hermeneutic and dialectical methods.

Results. In the course of the work, the acmeological aspect of the philosophy of Heraclitus was revealed, which is revealed through the analysis of the dialectics of the basic concepts of the philosophical concept of the great thinker: order (Logos as the internal structure of fire) and chaos (fire as a material cause). This antithesis is interpreted in an acmeological key, that is, as a dialectical contradiction of the second order (between upward and downward movement), behind which a new contradiction is hidden - between acme and kate. The assertion of the unity and struggle of oppositely directed forces leads Heraclitus to the dialectical idea of harmony, which can only be cognized through the most detailed comparison of acme and kate, since they do not exist without each other.

Research implications. The results of the research contribute to the development of the concepts of acmeology, and also make it possible to expand the conceptual field in the philosophical theory of development.

Keywords: acme, kate, perfection, philosophy of antiquity

Введение

Как известно, европейская научная мысль имеет своими истоками античную философию. И акмеология как молодая ветвь гуманитарного знания также восходит к трудам древнегреческих мыслителей. Именно в античной философии были заложены основы для понимания категорий акме (греч. ακμή – вершина) и кате / катаболе (греч. κατω – низ, катаβολе – движение вниз) в их фундаментальном значении. Употребление их в контексте космогонических систем натурфилософии даёт основания для того, чтобы, с одной стороны, видеть высшие предельные состояния в развитии любой системы, а с другой стороны, учитывать, что подлинное акме человека обуславливается тем, какова его картина мира в целом и какое место он отводит в этом мире себе. У философов это осмысление носило максимально осознанный характер.

Ярким примером такого видения мира в ранней древнегреческой философии является Гераклит Эфесский (530–470 гг. до н. э.). Он относится к выдающимся представителям Милетской школы философии и считается основателем диалектики. Гераклит принадлежал к жреческому сословию, что обусловило особую образность языка, которую он придавал своим мыслям. Эта образность стала причиной прозвища, которое закрепилось за ним в среде античных мыслителей, – Гераклит Тёмный. Тем не менее в его концепции мироздания мы находим важные предпо-

сылки для понимания акме и катаболе как в природе, так и для индивида. При анализе этих предпосылок мы постараемся выявить онтологический, гносеологический и аксиологические аспекты.

Онтологический аспект

Фигура Гераклита является знаковой в том смысле, что в сохранившихся фрагментах его мыслей о космогенезе мы встречаем употребление одной из центральных категорий современной акмеологии [4; 16] – категории «кате», характеризующей определённое состояние первоосновы. Рассмотрим в общих чертах его представления о бытии.

Первое, что постулируется Гераклитом в духе его предшественников и современников – это единство мироздания: «...всё (космос) есть одно / единое...» [7, с. 91]. Далее это единое находится в постоянном движении (что есть всеобщее свойство [15, с. 118]): «во Вселенной нет ни покоя, ни остановки» [7, с. 91]. Это свойство бытия является принципиальным для определения онтологического статуса акме и кате. У Ксенофана, а наиболее ярко у Парменида бытие неподвижно, и поэтому с позиции такого взгляда акме и кате оказываются иллюзиями чувственного восприятия. С признанием движения как объективной характеристики существования мира закономерно возникает вопрос и о его направлении, а значит, о его предельных стадиях.

Первоосновой мироздания у Гераклита является огонь, образ которого наиболее

точно характеризует идею вечного движения или изменчивости [17, с. 71]. Важно, что у Гераклита огонь выступает в двух неразделимых аспектах – собственно огня и Логоса. Чанышев объясняет отличия между этими сторонами следующим образом: «...при всём тождестве логоса и огня между ними имеется и различие. Логос не просто огонь, это внутренняя структура огня, его мера, он выражает прерывность и порядок космических процессов, тогда как огонь в качестве физической сущности выражает их непрерывность, изменение и постоянное нарушение порядка. Поскольку возникновение космоса, погасание огня, его недостаток связывается с упорядочиванием мира, по-видимому, ослабление мирового огня приводит к усилению обуздывающего огненную стихию логоса, и наоборот, так что взаимоотношения огня и логоса характеризуется не только моментом тождества и различия, но и противоположности и противоречия» [13, с. 97].

К логосу как вневременному атрибуту первоначала категории акме и кате неприменимы. К огню, у которого существует мера выраженности его энергетической мощи и, следовательно, могут быть максимальное и минимальное состояния её проявления, категории акме и кате оказываются приложимы. Весь мировой процесс выглядит у Гераклита как балансирование между двумя состояниями – максимального единства разнообразных вещей (воспламенение) и максимального различения разнообразных вещей (угасание огня). Эти

два состояния можно охарактеризовать как акме и кате, а само балансирование названо Гераклитом «путь вверх – вниз» («*ανωκατω*» – греч. ано-като). В процессуальном аспекте движение по пути вверх или вниз различается, что отражено в таблице 1.

Сопоставление указанных особенностей приводит к идее о том, что образование мира, его рождение есть состояние кате для огненной сущности первоначала, что может показаться противоречивым, но это можно представить следующим образом.

Энергетическая мощь огня в процессе угасания (путь вниз, като) связывается в конкретных формах вещей, и в этом смысле кате свободного (ничем не ограниченного) состояния огня образует фундамент для индивидуального существования конкретных вещей. Далее, индивидуальные вещи по своей природе, на основании действия законов заключённого в них первоначала (огня, логоса) стремятся к реализации своей сущности и к достижению акме в форме воспламенения и слияния с первоначалом. Последнее означает кате уже для их индивидуального существования. Квинтэссенция этого заключена в высказывании Гераклита: «из смерти одного рождается что-то другое» [14, с. 48] – кате для одного есть акме для другого, равно как и акме одного есть кате для другого. Логос обуславливает принцип или закон смены этих состояний, что у Гераклита именуется жребием.

Таблица 1 / Table 1

Характеристики двух направлений космогонического цикла Гераклита / Characteristics of the two directions of the cosmogonic cycle of Heractite

Путь вверх	Путь вниз
<ul style="list-style-type: none"> - разрушение границ существования индивидуальных вещей и космоса; - выход за пределы установленного порядка; - слияние с более глобальным целым; - более протяженное по времени. 	<ul style="list-style-type: none"> - установление границ индивидуального существования и космоса; - вхождение в рамки; - различение, отделение относительно глобального целого; - менее протяжённое по времени.

Составлено автором по Гераклит Эфесский: всё наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

Воспламенение и угасание – две противоположно направленные тенденции в существовании первоначала, максимальная и минимальная степени выраженности его основного свойства, которые образуют суть противоречивости и принципа борьбы: «...враждующее соединяется, из расходящихся – прекраснейшая гармония и всё происходит через борьбу...» [14, с. 42]. Первичное свойство огня даёт ряд производных свойств в конкретных вещах, у которых могут быть максимальная и минимальная степени выраженности.

Закон борьбы противоположностей – один из ключевых в концепции Гераклита, он является основанием для смены космических циклов [10, с. 6]. Рассмотрим более подробно, что он даёт в совокупности с другими категориями для понимания сути акме и кате.

Сопоставление взглядов натурфилософов приводит к мысли, что решение вопроса о статусе акме и кате находится в тесной связи с решением вопроса о движении. В логике рассуждения тех мыслителей, которые отрицают объективный характер движения, акме и кате также не имеют объективного существования. В лучшем случае можно говорить о том, что бытие пребывает постоянно в состоянии абсолютного, вечного акме. Противоположный взгляд отличается признанием объективности движения, и, следовательно, акме и кате есть некие особые состояния в нём. Позиция Гераклита в этом отношении занимает срединное положение, потому как у него первоначало в самой своей сути противоречиво и содержит одновременно, как момент вечного, абсолютно устойчивого, неизменного (логос), так и момент изменяющегося, неустойчивого (огонь). Важно, что одной из стержневых идей для Гераклита является идея текучего времени [8, с. 217], обуславливающего свойство континуальности [18, с. 38].

Акме и кате характеризуют направленность изменений, но не вообще, а предельные моменты в устойчивости некоторого объекта в конкретной форме. Вне их простирается область небытия для этой кон-

кретной формы объекта, но в то же время и область бытия для какой-то другой формы.

Далее, возникает вопрос, что подлежит изменению. На это сохранилось следующее свидетельство Аристотеля: «...то, из чего состоят все вещи, то, чем они являются изначально и во что они в конце концов погибают, при том, что их сущность пребывает, а свойства ее изменяются, это он считает элементом и началом сущих...» [7, с. 92]. Как следует из высказывания, изменению подвергаются свойства вещей.

Размышляя с этих позиций, мы можем сказать, что у любого свойства есть диапазон проявления, максимальная и минимальная степени выраженности. Кроме того, у любой вещи может быть, вообще говоря, бесконечное множество свойств. Тогда, *акме и кате оказываются состояниями пространственно-временной композиции (гармонической структуры) сущностных свойств объекта, характеризующихся определённой степенью их выраженности*. Тождество акме и кате состоит в том, что, как было сказано, вне этих состояний объект будет уже другим, потому как изменится композиция (или структура) этих сущностных свойств и их значений.

Различия акме и кате будут обусловлены тем, к какой конечной цели направлено движение объекта. Состояние кате соответствует такой композиции сущностных свойств объекта и степени их выраженности, при которых достигается максимум индивидуального, обособленного существования вещи, её отделённости, автономии от первоосновы. Состояние акме соответствует такой композиции сущностных свойств объекта и степени их выраженности, при которых достигается максимум связанного, соединённого существования вещи с первоосновой. В качестве иллюстрации у Теофраста содержится следующая позиция Гераклита: «...из противоположностей та, что ведёт к воспламенению, зовётся Соглашением, Миром ...» [7, с. 102], а в другую сторону – рознь. Впоследствии эти идеи будут развиты Эмпедоклом.

Стремление к акме как слиянию с первоначалом естественно для объектов в силу заключенного в них огня-логоса, но в то же

время, и оформленное существование для них желанно в силу сопутствующего этому удовольствия. В этих разнонаправленных тенденциях существует мир, они образуют его динамичную, постоянно возвращающуюся гармонию. Особенно ярко это противоречие рассмотрено Гераклитом применительно к душе человека, о чём подробнее будет сказано ниже.

Гносеологический аспект

Познание истины у Гераклита также пронизано противоречиями. С одной стороны, «все вещи – такие, какими видятся» [7, с. 123], и в этом смысле мы можем доверять чувственному познанию. С другой стороны, логос есть критерий истины. Гераклит преодолевает это противоречие, говоря о том, что если несколько людей воспринимают вещь сходным образом, то тогда это схваченное сходство представляет собой фиксацию истины [7, с. 127].

Другим проявлением противоречия выступает то, что логос от природы свойственен всем людям, т. е. они равны по познавательным способностям, но не равны в отношении того, что довлеет над их умами: следование традиционным, привычным большинству способам суждения и примат влажного начала или стремление внимать логосу и примат высушивающего начала.

В результате есть три категории людей [13, с. 109]:

1 группа – те, кто познал логос.

2 группа – те, кто о нём слышал от других, но не понял.

3 группа – те, кто не слышал о логосе от других, и сам не понял его.

Путь раскрытия логоса в окружающем мире начинается с видения общего и высокой требовательности к самому себе, выражающейся в постоянном уточнении выносимых суждений и контроле действий, – это выражено во фразе Гераклита: «...Я выспросил самого себя...» [13, с. 93]. Есть у Гераклита и особые приёмы мышления: познание движущегося через движущееся и неподобного через неподобное [7,

с. 123]. Познание для Гераклита есть поиск [5, с. 10], который, обращаясь к проблеме явного и неявного, представляет собой «...многоступенчатую познавательную схему исследования сути вещей, которая разворачивается от чувственных восприятий к интеллектуальным познавательным усилениям...» [5, с. 12], что само по себе содержит акмеологические черты.

Обратимся теперь к раскрытию того, что является критерием истинного знания об акме и кате, а также форм и методов их познания. Если акме и кате обозначают некую композицию сущностных свойств вещей в их предельных выражениях, первым шагом является выделение таких сущностных свойств в вещи. Указанием на их существенность будет относительно устойчивая воспроизводимость, повторяемость в различных ситуациях. Следующий шаг – это установление максимального и минимального значений этих свойств. Далее – соотнесение этих предельных значений с тем, что означает максимум автономного или слитного с первоначалом существования. Завершающим этапом будет выведение принципа связи различных свойств. Это возможно через сравнение состояний акме и кате друг с другом.

Заметим, что акме или кате не будет являться достижение максимального или минимального значения только по одному свойству (потому как в реальности нет таких объектов, которые обладали бы только одним признаком), акме и кате – это именно композиция свойств в их предельных (максимальных или минимальных) выражениях, это есть «возвращающаяся гармония», созвучие свойств.

Итак, истинным или достоверным суждением о сущности акме и кате будет установление закона, характеризующего принцип связи сущностных свойств объекта и их динамику. Процедура исследования – это многократные наблюдения и сравнительный анализ.

Ещё одним важным гносеологическим аспектом состояний акме и кате является их относительность, что отражается в высказываниях: «...морская вода одновре-

менно и "чистейшая" и "грязнейшая"; «... для людей высшая ценность в золоте, а для ослов – корм...» [2, с. 40]. Каждый раз необходимо учитывать специфику развивающегося объекта и избегать экстраполяций выведенных закономерностей достижения акме или преодоления катаболе для одних объектов на другие.

Аксиологический аспект

Первоначало, пронизывая весь космос, служит основой и личностной самоотдаённости [1, с. 121]. Человек заключает в себе влажное и огненное начала. Огненное начало есть не что иное, как мировой логос, и в этом смысле показательно изречение Гераклита: «...по какому бы пути ты не шёл, границ психеи ты не найдешь: столь глубок её логос...» [14, с. 44]. Это означает, в сущности, безграничные возможности для совершенствования и преобразования человеком самого себя. В то же время эти возможности ещё нужно раскрыть, а этому мешает влажная природа тела, отягощающая душу и содержащая опасность совершенно потушить её (так как душа есть искра мирового Логоса).

По сохранившимся свидетельствам, Гераклит характеризует рождение человека как падение души в тело: «...падение в рождение (нисхождение души в тело) удовольствие для душ, но также "сон" и "смерть"...» [7, с. 117]. Следование принципу удовольствия есть путь кате для души, её угасания и перехода в небытие. В то же время только в теле разумная душа может осознать свою истинную природу и, подчинив устремления тела, сделать его средством разжигания заключённой в ней мощи логоса и последующего слияния с ним. В этом смысле существование души подобно горению звёзд: «...сухость души – причина сознания. Светила одновременно лучезарные, сухие и обладают предельным сознанием...» [7, с. 119].

Итак, высшее совершенство (акме) для человека – слияние его души с мировым Логосом. Это состояние предполагает устремление к максимальным значени-

ям духовных свойств и к минимальным значениям телесных. Высшее духовное свойство – мудрость (как предельное сознание), которая выражается в познании мирового закона – Логоса и согласовании с этим законом собственных мыслей, речей и поступков. Чистота (как свобода от побуждений тела), лучезарность (как глубокое понимание сути вещей и нахождение от этого в состоянии ничем не омрачаемой гармонии), святость (как осознание единства и высшего смысла происходящего) в своих максимальных выражениях есть сущностные свойства человека, обозначающие его пребывание в состоянии акме. Человек, внемлющий логосу, приближается к пониманию красоты Вселенной [3, с. 14].

Относительно пути совершенствования сохранилось такое свидетельство: «... необразованная душа гибнет немедленно, покинув тело, в то время как образованная, закалённая добродетелями остается <живой> до воспламенения вселенной...». Добродетели, следовательно, служат средством достижения совершенства, они в то же время есть выражение мирового Логоса; не случайна метафора закаливания – подобно тому, как сталь закаляется в огне печи, душа закаляется в огне высших духовных испытаний, ведя добродетельный образ жизни.

В результате душа приобретает такие свойства, как мудрость и совершенство: «Сияющая, сухая душа – мудрейшая и наилучшая» [9, с. 104]. Утвердившись в таком образе жизни, душа в качестве следующего этапа своего развития переходит в более совершенное, с точки зрения Гераклита, состояние – единства с мировым Логосом. Гераклит убеждён, что «...после смерти состояние души более совершенное...», именно в силу этого единства «самые достойные всему предпочитают одно: вечную славу – смертным вещам» [9, с. 111]. Препятствует этому нахождение в плену телесных потребностей. «Путь вниз» для души «...есть процесс утраты душой своей огненности и замещения огненности влажностью, вследствие чего силы души –

интеллект и воля – убывают, ослабевают...» [11, с. 132]. Способствует движению к бессмертию развитие мудрости как того, что «...от всего отрешённое...» [2, с. 23], так как «...мудрость отвлекается и отвращается от всего, что не есть истина...». Стоит отметить, что Гераклит был последовательным приверженностью тем положениям, которые он сформулировал. Г. Ф. Гегель приводит следующую его цитату: «...Все живущие на земле смертные люди чужды истине и справедливости и дорожат неумеренностью и пустыми мнениями, следуя своему злему неразумию. Я же, достигнув забвения всего злого и избегая преследующей меня безмерной зависти и высокомерия великих мира сего, не поеду в Персию, довольствуясь малым и живя по-своему...» [6, с. 288].

Примеряя положения концепции Гераклита на человека, мы можем видеть, что, в сущности, в каждый момент времени человек активно решает для себя проблему выбора движения к состоянию акме или кате – это есть основа его внутреннего противоречия и борьбы противоположно направленных сил. В целом выбор конкретизируется в поступках сообразно приоритету духовных или материальных потребностей. Единство противоположностей в данный конкретный момент – это степень минимизации противоречий между акме и кате, степень их единства. В более широкой перспективе это выражается в следующей ситуации: предположим, человек достиг относительного совершенства в каком-то аспекте своей деятельности, но это свершилось при преобразовании качеств, препятствовавших совершенству (имеющих потенциал привести его в кате). Следовательно, без наличия таких свойств отсутствует понимание того, в каком направлении двигаться. В этом – важнейшее значение первоосновы как точки роста или цепи превращений (что ближе концепции Гераклита). Только осознав, на каком дне человек находится, он может понять, к какому верху ему идти, чтобы разрешить противоречие. Равно и обратное, осознавая, на какой вершине человек находится,

он понимает, каких лишений и бед он избежал, а какие превозмог. Таким образом, без осознания, что есть верх, невозможно понять низ, а без низа становится бессмысленным понятие верха. В этом – выражение гносеологического принципа, что неподобное познается неподобным.

Мера акме и кате определяется природой объекта. Для живых объектов – это генетическая программа. Для человека это генетическая программа в единстве с социальной программой (идеал). Состояние акме, равно как и состояние кате детерминированы генетическими и социальными факторами, причём они находятся в противоположности и единстве одновременно.

В воззрениях Гераклита обострена диалектика выбора. Если мы предпочитаем одно состояние, мы удаляемся от противоположного ему. Например, человек создаёт величайшее произведение искусства, работает днями и ночами, всё это делается ценою здоровья. Фраза Гераклита: «желание сердца исполняется ценою души» [9, с. 104] – и наоборот. Сердце здесь эквивалентно чувственному, телесному началу, а душа – это высшие устремления человека (к познанию, к мудрости). Если человек решает жить, уделяя большее внимание своей телесной составляющей, он будет жертвовать духовным совершенством, и наоборот – приоритет духовного потребует отрешения от телесного. В данном случае акме и кате могут меняться местами, то, что является вершиной или низиной, будет определяться критерием, которым руководствуется человек или группа людей.

Принципиальный тезис относительно акме и кате, который мы можем вывести, основываясь на воззрениях Гераклита, – это то, что акме и кате есть разные степени проявления одного предельного свойства – совершенства.

В результате рассмотрения предпосылок акмеологических идей в концепции Гераклита отметим следующее.

В онтологическом плане акме и кате есть атрибуты материального первоначала – огня (его физической сущности), характеризующие меру его связанности в кон-

кретной вещи. Для Логоса как внутренней структуры огня категории акме и кате неприменимы.

Акме вещи в её индивидуальном существовании тождественно состоянию кате для свободного, ничем не связанного огня. Напротив, кате вещи, т. е. завершение её оформленного существования, тождественно акме свободного огня. В этом заключается диалектика акме и кате.

Порождение многообразия вещей первоначалом через воспламенение и угасание, заключающее в себе динамику акме и кате, есть объективный закон существования первоначала, выражения его творческой мощи и гармонии.

Динамика акме и кате не есть простые взаимопереходы от какого-то минимально выраженного свойства к максимально выраженному. Эта динамика есть активное, напряжённое состояние взаимодействия (борьбы) противоположно направленных сил. Т. е. акме и кате оказываются состояниями пространственно-временной композиции (гармонической структуры) сущностных свойств объекта, характеризующихся определённой степенью их выраженности.

Состоянию акме есть максимальная степень примирения противоположно направленных свойств, а состояние кате – напротив, максимальная степень рассогласования противоположно направленных свойств.

В результате в онтологическом плане существенны следующие категории: путь вверх / путь вниз, мера, борьба / согласие, гармония.

В гносеологическом плане существенно, что:

– акме и кате объективно существуют и доступны чувственному восприятию;

– критерием истины является Логос, который выражается в едином видении объекта разными людьми;

– в качестве процедур познания предлагаются: постоянное уточнение выносимых суждений (рефлексия), сравнительный анализ объектов в их движении (или из-

менении) и противоположности (неподобности) друг другу.

– в результате обобщения можно сказать, что вынесение истинных суждений о сущности акме и кате будет складываться из следующих этапов: выделения главных свойств в вещи, установления предельных форм в их изменении (по отдельности и совместно), сравнения этих форм между собой, установления принципа связи между этими свойствами.

В аксиологическом плане важно, что высшая ценность для человека – это следование мудрости, которая достигается через очищение души (огненного начала) от влажной природы тела, способного потушить эту искру мирового Логоса.

Рождение человека есть путь вниз – падение души в тело, т. е. состояние кате. Именно с этого состояния начинается движение души вверх, но в отчаянной борьбе с проявлениями водного начала. Следование принципу удовольствия – это всегда движение к кате, причём худшее, чем при рождении – к смерти души. В то же время происходят осознание душой своей истинной природы (в полном соответствии с принципом, что неподобное познаётся неподобным) и подчинение ей устремлений тела, чтобы сделать его средством разжигания заключённой в ней мощи логоса и последующего слияния с ним.

Высшее совершенство (акме) – слияние души человека с мировым Логосом. Это состояние предполагает одновременно максимальную степень выраженности следующих свойств: мудрости (предельного сознания), чистоты (свободы от побуждений тела), лучезарности (глубокого понимания сути вещей), святости (осознания единства и высшего смысла вещей).

Путь совершенства – образование, следование добродетелям. Это осуществляется через постоянный акт выбора.

Заключение

Таким образом, у Гераклита мы встречаем идею единства, и в его модели оно реализуется в конкретном первоначале –

огне, благодаря чему удаётся преодолеть противоречие, с которым столкнулся ещё Ксенофан. Сам способ преодоления выводит ключевым предпосылочным категориям – **порядку** (Логос как внутренняя структура огня) и **хаосу** (огонь как материальная причина). Образ огня (устремляющегося к небу пламени) подводит и к самым близким идеям акмеологии – **движению вверх** и **движению вниз**. Последнее у Гераклита имеет уже непосредственное именование – "кате". Наконец, утверждение единства и борьбы противоположных направленных сил приводит к диалектической идее **единства или тождества** акме и кате. Можно сказать, что уже на этом этапе основные понятия акмеологии органично укладываются в материалистическую диалектику (что было предметом специального анализа в более ранних работах одного из авторов). У Гераклита мы вновь встречаем идею *гармонии*, но она у него оказывается, в отличие от Пифагора, синтезом разнообразного, можно сказать, контрастного в явлении.

Уже у Гераклита мы встречаемся с мыслью о том, что для познания истины необходимо достигнуть особого состояния подготовленности ума всем образом жизни человека. В этой подготовке исходное (как и у Ксенофана) – это установка на то, что за многообразием явлений скрыт

единый, определяющий всё закон. Далее – критичность и оттачивание суждений, исход из представления о единстве и борьбе противоположностей изучение вещей, как через похожие на них, так и через принципиально отличные. В этом смысле важно, что сущность акме и кате может быть познана только через максимально подробное сопоставление этих состояний друг с другом, так как друг без друга они не мыслимы. Такое сопоставление возможно через наблюдение за изменениями в явлениях, а также через правильно сформулированные вопросы. У Гераклита мы также видим важную для современной акмеологии идею достоверности знания на основе общественного признания какого-то факта (в акмеологии это носит название «топ», то есть вершина в каком-либо рейтинге, голосовании и т. п.).

Аксиологические предпосылки акме вновь связаны с мудростью, которая предполагает устремлённость к единству с Логосом. Согласованность знаний, слов и поступков, достигаемая максимальной *осознанностью* – новый аспект в раскрытии совершенства в человеческом измерении. Достижение этого состояния сопряжено с *очищением души*.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлонов И. А. Логос Гераклита как мера личностной «самотождественности» // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 120–125.
2. Асмус В. Ф. Античная философия. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2001. 400 с.
3. Бакина В. И. Понятия «вселенная», «космос» и «микрокосмос» в космологической философии Гераклита Эфесского // Общество: философия, история, культура. 2018. № 9 (53). С. 12–15.
4. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. 2. изд., испр. и доп. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
5. Вольф М. Н. Становление эпистемического поиска в раннегреческой философии: Гераклит и Парменид: автореф. ... докт. филос. наук. Новосибирск, 2011. 39 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
7. Гераклит Эфесский: всё наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
8. Денисова Т. Ю. Время и вечность в философских моделях Парменида и Гераклита // Идеи и Идеалы. 2018. № 4 (37). Т. 1. С. 212–229.
9. Досократики / пер. с др. греч. А. О. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. 784 с.
10. Драч Г. В. Социогенез идеи логоса в философии Гераклита: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 5–15.

11. Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 199 с.
12. Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
13. Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 183 с.
14. Материалисты Древней Греции. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 238 с.
15. Плотников В. В. Движение как онтологическая категория в ранней греческой философии: Гераклит, Парменид, Демокрит // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10. Ч. 5. С. 117–119.
16. Пожарский С. Д. Акмеология и катабология: теория совершенствования человека. СПб.: ЛЕМА, 2013. 250 с.
17. Пожарский С. Д. Становление ритмологии как науки в эпоху античности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 10. С. 68–74.
18. Тюмаева А. М. Проблема теоретической формализации континуальности бытия в философии Гераклита Эфесского // Вестник науки и образования. 2019. № 22 (76). Ч. 2., С. 36–40.

REFERENCES

1. Apollonov I. A. [Logos of Heraclitus as a measure of personal «self-identity»]. In: *Gumanitarnye issledovaniya v vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2017, no. 3, pp. 120–125.
2. Asmus V. F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 400 p.
3. Bakina V. I. [The concepts of “universe”, “space” and “microcosm” in the cosmological philosophy of Heraclitus of Ephesus]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2018, no. 9 (53), pp. 12–15.
4. Bransky V. P., Pozharsky S. D. *Sotsial'naya sinergetika i ak-meologiya* [Social synergetics and acmeology]. St. Petersburg, Polytechnic Publ., 2002. 476 p.
5. Vol'f M. N. *Stanovlenie epistemicheskogo poiska v rannegrecheskoi filosofii: Geraklit i Parmenid* [The Formation of Epistemic Search in Early Greek Philosophy: Heraclitus and Parmenides: abstract of PhD thesis in Philosophical sciences]. Novosibirsk, 2011. 39 p.
6. Hegel G. V. F. *Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1* [Lectures on the history of philosophy. B. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 349 p.
7. *Geraklit Efesskii: vse nasledie: na yazykakh originala i v rus. per.* [Heraclitus of Ephesus: the whole legacy: in the original languages and in Russian. per.]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012. 416 p.
8. Denisova T. Yu. [Time and eternity in the philosophical models of Parmenides and Heraclitus]. In: *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], 2018, no. 4 (37). vol. 1, pp. 212–229.
9. Maskovel'sky A. O., transl. *Dosokratiki* [Pre-Socratics]. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 784 p.
10. Drach G. V. [Sociogenesis of the idea of logos in the philosophy of Gheraclitus: philosophical and cultural explication]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletin of BelGU. Philosophy Series. Sociology. Law], 2017, no. 3 (252). Iss. 39, pp. 5–15.
11. Kessidi F. Kh. *Geraklit* [Heraclitus]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 199 p.
12. Lebedev A. V. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov)* [Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word (with new critical edition of fragments)]. St Petersburg, Nauka Publ., 2014. 533 p.
13. Mikhailova E. N., Chanyshv A. N. *Ioniiskaya filosofiya* [Ionian philosophy]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 1966. 183 p.
14. *Materialisty Drevnei Gretsii* [Materialists of Ancient Greece]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1955. 258 p.
15. Plotnikov V. V. [Movement as an ontological category in early Greek philosophy: Heraclitus, Parmenides, Democritus]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2016, no. 10, iss. 5, pp. 117–119.
16. Pozharsky S. D. *Akmeologiya i katabologiya: teoriya sovershenstvovaniya cheloveka* [Acmeology and katabology: the theory of human improvement]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2013. 250 p.
17. Pozharsky S. D. [Formation of rhythmology as a science in the era of antiquity]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Cognition], 2018, no. 10, pp. 68–74.

18. Tyukmaeva A. M. [The problem of theoretical formalization of the continuity of being in the philosophy of Heraclitus of Ephesus]. In: *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Science and Education Bulletin], 2019, no. 22 (76), vol. 2, pp. 36–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пожарский Святослав Дмитриевич – кандидат психологических наук, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Смольного института Российской академии образования;
e-mail: katerinayum@mail.ru

Юмкина Екатерина Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: katerinayum@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svyatoslav D. Pozharsky – Cand. Sci. (Psychology), Prof., Department of general humanitarian disciplines, Smolny Institute of the Russian Academy of Education;
e-mail: katerinayum@mail.ru

Ekaterina A. Yumkina – Cand. Sci. (Psychology), Senior Lecturer, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University;
e-mail: katerinayum@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пожарский С. Д., Юмкина Е. А. Диалектика акме и кате в философии Гераклита // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-82-92

FOR CITATION

Pozharsky S. D., Yumkina E. A. Dialectics of Acme and Kate in the Philosophy of Heraclitus. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-82-92

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 179.7

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-93-100

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА БИОТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТИКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Виноградов А. И., Яшин А. Н.

Мурманский арктический государственный университет

183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Найти выход из наступившего в настоящее время антропологического кризиса, который порождён выдающимися научными открытиями в сфере биологии, генетической инженерии и антропогенетики.

Процедура и методы. Проведён анализ существенных признаков антропологического кризиса, а также возможных религиозных, философских и правовых способов его преодоления.

Результаты. На основе анализа современного этапа мирового общественного развития выявлена необходимость сохранения человека как субъекта во всей полноте его духовно-интеллектуальной сущности. Для этой цели предлагается организация широкой философской и правовой дискуссии о допустимости и границах вторжения биотехнологий в личную жизнь человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование способствует осознанию усугубляющейся проблемы биотехнологий в контексте понимания сущности человека и перспектив развития человечества.

Ключевые слова: религия, этика, философия, право, медицина, геном, клонирование, биотехнологии

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE BIOTECHNOLOGIES PHENOMENON IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS AND ETHICAL-LEGAL VALUES

A. Vinogradov, A. Yashin

Murmansk Arctic State University

15, Captain Yegorov ul., Murmansk 183038, Russian Federation

Abstract

Aim. To find a way out of the existing anthropological crisis generated by outstanding scientific discoveries in the field of biology, genetic engineering and anthropogenetics.

Methodology. The methodology of the article is the analysis of the essential features of anthropological crisis, as well as possible religious, philosophical and legal ways to overcome it.

Results. Based on the analysis of the current stage of the world social development, the need to preserve a person as a subject in his spiritual and intellectual essence entirely is revealed. For this purpose it is proposed to organize a broad philosophical and legal discussion about the admissibility and limits of the invasion of biotechnology into a person's privacy.

Research implications. The research contributes to the awareness of the aggravating problem of biotechnology in the context of understanding the essence of man and the prospects for human development.

Keywords: religion, ethics, philosophy, law, medicine, genome, cloning, biotechnology

© CC BY Виноградов А. И., Яшин А. Н., 2021.

Введение

Мощный биотехнологический прогресс в современной исторической ситуации, решая традиционную медицинскую задачу разработки лекарственных средств, обострил проблему установления границ вмешательства биотехнологий в человеческую жизнь. Без определения «запретных зон» для научного вторжения в человека, без религиозно-философского и этико-правового осмысления возникающих в связи с этим рисков заданное природой направление развития человечества подвергается опасности.

«Революция в молекулярной биологии значительно увеличила возможности манипуляций с генетическим конструированием человека. Возможность воздействия непосредственно на генотип создала иллюзию всемогущества» [4, с. 208]. Слияние технологий с механизмами человеческой жизнедеятельности уже ни у кого не вызывает удивления. Технологии как «партнёры» опосредуют межличностные коммуникации, осуществляют социальный контроль, улучшают самого человека, исправляя «ошибки природы», предоставляют ему больше физических и психических возможностей, наконец, создают ему больше комфорта в различных сферах жизни, что, в конечном итоге, повышает уровень его жизни, делает её более счастливой. И в этом нет ничего предосудительного до тех пор, пока технологии не подходят к определённой «границе», обусловленной религиозными, культурно-историческими и этико-правовыми традициями конкретного общества. «В силу этого большое значение приобретает мировоззренческий анализ биоэтической проблематики» [3, с. 19].

Философско-антропологическая тематика проблемы биотехнологий

В настоящее время в разных странах идёт разработка биотехнологических проектов совершенствования или улучшения человека (human bioenhancement). Это, по сути, трансгуманистические проекты конструирования нового человека, «постчеловека», который будет, по замыслу иссле-

дователей, совершенным в физическом и интеллектуальном смыслах. В них как цель подразумевается не столько поддержание или восстановление здоровья человека, сколько улучшение самой его природы, его сущности.

Технологии улучшения человека (Human Enhancement Technologies) направлены на целенаправленную модификацию человека путём размещения в его теле электронно-инженерных систем, способных изменять формы и функции тела, мозга, его ментальность и настроение. Из этого следует, что в результате технологического вмешательства человек, будучи субъектом, может стать объектом технологических новшеств: ведь улучшаться могут не только вещи, но и наши подлинные «Я» [6, с. 286]. На опасность потери человеком статуса субъекта обращает внимание Е. М. Красова [5].

Данная философско-антропологическая тематика актуализирует проблему существования самого Homo sapiens как биологического вида, подвергающегося биотехнологической и генно-инженерной угрозам. Обостряют проблематику и усугубляют угрозу радикальные трансформации взглядов людей на ценности семьи, пола, тела, секса и иных подобных категорий; их дополняют неоднозначные трактовки распространения плюрализма и толерантности в оценке вышеназванных ценностей.

Тенденция утраты «человеческого» в человеке в постиндустриальном обществе порождает у людей тревогу, кризис самоопределения, неуверенность в завтрашнем дне, во многих процессах и начинаниях. Человек всё меньше чувствует себя творцом, созидателем, в том числе, своей жизни, всё больше ощущая себя «товаром», «вещью», «рыночной единицей» или каким-либо объектом психологов, социологов и пр.

«Вряд ли есть что-либо во Вселенной, чего нельзя было бы вывернуть наизнанку, исказить или использовать во зло. И всегда будет существовать опасность злоупотребления наукой», – заявляет Джон Глэд [7, с. 92]. Ему невозможно возразить.

Сами по себе научные достижения – всегда прогресс, победа человеческого разума. Человек всегда мечтал и тосковал по совершенству, старался овладеть секретами бессмертия подобно Гильгамешу и Орфею. Даже сам процесс поиска зачастую оказывается важнее недостижимой цели, поскольку он способствует росту человека как творца, созидателя. Только их всегда должен сопровождать вопрос: какой потенциал несут с собой и, главное, во имя чего совершаются эти достижения? К сожалению, современное общество потребления практически не задаётся подобными родами вопросами, а феномен биотехнологий востребован им лишь по утилитарным основаниям.

Мы сейчас подошли к реальности, когда посредством биологической власти человек становится «смертельно» опасным для самого же себя. И такой результат случился не внезапно – человечество к нему подходило на протяжении веков. Так, в период господства естественнонаучных знаний в Новое время гуманистические ценности в науке стали постепенно вытесняться. А апофеозом дегуманизации науки в XX в. было использование человеком против человека оружия массового поражения (химического, бактериологического, ядерного). К этому добавились циничные опыты на людях, проводимые «во имя высоких научных целей» немецкими и японскими врачами в период Второй мировой войны.

Разнообразные дилеммы, заданные биоэтикой, невозможно разрешить вне философского рефлексирования. Человек, прежде всего, должен ответить на следующий вопрос: изменяя свой природный облик и свою сущность, готов ли он к ответственности за перспективы самоидентификации, экзистенциальный выбор, наконец, за безопасность собственного поведения? В этой связи гуманитарный аспект проблемы биотехнологий следует рассматривать как сферу рациональной рефлексии, в которой будут конструироваться границы его телесности, персонализации и личностной автономии. Как справедливо отмечает Е. В. Брызгалина, «только социогумани-

тарные науки могут выходить в обсуждении за пределы наличных технологических вопросов о самих целевых ориентирах развития технауки, стимулировать коррекцию целевых установок или используемых методов» [2, с. 32]. Здесь, по меньшей мере, биотехнологии представляются как некий импульс для стимулирования религиозно-философского и этико-правового дискурса для определения и обоснования возможных границ биотехнологизации человека.

Проблема биотехнологий в религиозно-философском контексте

Относительно теологического аспекта проблемы биотехнологий, несомненно, следует учитывать неоднозначность подходов в их восприятии у разных религий: католицизме, православии, исламе, иудаизме, буддизме.

Следует признать, что католическая церковь более других проявила внимание к феномену биотехнологий, изложив свою позицию в двух инструкциях по биоэтике *Donum Vitae* (1987) и *Dignitas Personae* (2008). В них биотехнологии рассматриваются на предмет соответствия их идеям супружеского союза и достоинства человека. Акцентируется, что человек – это прежде всего личность, он не сопоставим с животными, следовательно, средства и методы, которые допускаются в отношении животных, не допустимы для человека: пересадка эмбрионов, клонирование воспринимаются католической церковью как противоречащие супружескому союзу и достоинству человека. Применение генной инженерии порицается, так как она производится без оглядки на связь тела живого существа с разумом и духом, без оценки ущерба, который может быть нанесён, не учитывает снижения потенциала к духовному росту и спасению [8, с. 79].

Собственное отношение к вопросу биотехнологий Русская православная церковь отразила в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000). РПЦ однозначно негативно относится к клонированию, указывая на

отсутствие души у клона, насторожено относится к репродуктивным вопросам биотехнологии, предлагая бесплодным парам не биотехнологически «создавать» ребёнка, а смириться с природной данностью или усыновить детей¹.

В исламе также присутствует определённая позиция в отношении биотехнологий. Так, Совет Исламской академии правоведения при Организации "Исламская Конференция" категорически запретил клонирование. Он постановил: «Призвать исламские государства принять необходимые законы и акты, препятствующие местным и зарубежным организациям, научным учреждениям, специалистам и учёным прямо или косвенно использовать территории исламских государств для проведения экспериментов по клонированию человека»².

В христианстве, иудаизме и исламе мы находим единство в том, что человек сотворён по образу и подобию Бога, а значит, принципиально отличается от животного. И, если человеку даны природные законы, их нарушение есть не что иное как богоборчество. Кроме того, вмешательство биотехнологий в природную человеческую сущность указанными религиями трактуется как попытка возвыситься до Создателя, что абсолютно недопустимо. Человеческая природа нуждается в защите от искусственных вторжений, «методы улучшения появляются в качестве результата человеческой гордыни, как недостаток падшей природы, как грех» [10, p. 250].

Анализ научных подходов к биотехнологиям демонстрирует довольно широкий спектр взглядов: от умеренных, как у Дж. Харриса, который считает, что улучшение человека само по себе есть разумный путь, но при условии, если оно не противоречит анализу риска и пользы [9,

с. 242], до демонстрирующих явную враждебность к вопросам этики, морали, философии, как у современного американского социобиолога Эдварда Уилсона, заявившего, что «пришло время забрать этику из рук философов и биологизировать её» [11, p. 562].

Попытки «оторвать» этику от философов и «биологизировать» её, тем более сделать автономным, самодовлеющим, не зависящим от философии сам предмет биоэтики и биотехнологий представляются бесперспективными. Ведь история XX в. показала, что наука, лишённая должных эτικο-правовых регуляторов и ограничений, вырвавшись из под доминирования гуманистических идей и общечеловеческих ценностей, сделала возможным уничтожение десятков миллионов человеческих жизней. Философии в этом процессе должна принадлежать регулятивная роль: «Обоснование границ допустимого является основной темой философского и этического сопровождения биотехнологических проектов» [1, с. 103]. Весь опыт философского осмысления проблемы доказывает: человека недопустимо рассматривать в качестве объекта и средства для достижения научных целей!

Этико-правовой аспект проблемы биотехнологий

Позитивная тенденция состоит в том, что эта идея находит правовое подкрепление. Первым всеобщим правовым актом в области биотехнологий считается Всеобщая декларация о геноме человека (1997), принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО. В этом документе обращается внимание на важность дальнейших исследований генома человека, связанных с ними перспектив для человечества, подчёркивается недопустимость ограничения прав, свобод человека, унижения человеческого достоинства и дискриминации по признакам генетических характеристик. Исходя из принципа защиты человеческого достоинства, Декларация запрещает клонирование человека, призывает все

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 20.11.2020).

² Постановление № 94 (2/10) «О клонировании человека» Совета Исламской академии правоведения (фикха). URL: <http://old.islam.uz/fikh/akademiya-fikha/2274-o-klonirovanii-cheloveka.html> (дата обращения 20.11.2020).

государства к единству в понимании этой проблемы¹.

Несомненно, клонирование человека – важнейшая этико-правовая проблема. В её оценке следует принимать во внимание тот факт, что сам по себе термин «клонирование» не однозначен: он включает в себя как репродуктивное клонирование, имеющее целью создание клона, так и терапевтическое (для медицинских целей)². Хартия Европейского союза об основных правах (2007) в ст. 3 провозглашает целостность личности и запрещает репродуктивное клонирование человека³. Декларация Организации Объединённых Наций о клонировании человека (2005) обращается ко всем государствам с предложением запретить все формы клонирования людей⁴.

Таким образом, репродуктивное клонирование международным сообществом категорически осуждается и отвергается. Однако учёные многократно манипулировали с человеческими клетками, особенно после сенсационного научного прорыва 1997 г. (клон овечки Долли). Технически выполнить клонирование, в том числе человека, генетически идентичного другому, в современных условиях вполне возможно, хотя и с непредсказуемыми последствиями (клонированная Долли прожила около 6 лет). Вся проблема в том, что, с одной стороны, правовая позиция большинства стран по этому вопросу категорична – клонирование человека запрещается. С другой стороны, весьма сомнительными выглядят перспективы манипулирования клетками человека с этической позиции.

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818154> (дата обращения 20.11.2020).

² Лоренс Э. Клонирование с точки зрения врача. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_1705000/1705990.stm (дата обращения 25.11.2020).

³ Хартия Европейского союза об основных правах. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=178141> (дата обращения 19.11.2020).

⁴ Декларация Организации Объединённых Наций о клонировании человека. URL: <http://adilet.libgateway.psu.kz/rus/docs/O0500000002> (дата обращения 18.11.2020).

Не существует ещё технологий, которые могли бы повторить не столько физиологические, сколько психические, индивидуально присущие человеку-донору особенности. И здесь же уместен ещё такой важный вопрос: а стоит ли стремиться к полной, стопроцентной идентичности, обрекая человечество на обезличенность? Ведь человек от Создателя уникален, неповторим, каждый со своими слабостями и достоинствами. Именно этот фактор является движущим в цивилизационном развитии.

Но самое опасное в идее клонирования – это перспектива переосмысления человеческих моральных ценностей, прежде всего, связанных с отношениями между людьми: отношениями дружбы, любви, семьи, материнства, детства. Как в таком случае могут существовать чувства, сострадание, жалость, прощение? Как ребёнку объяснить, что он не просто биологически сложный человек, а личность? Не говоря уже о том, что может исчезнуть потребность в эстетических стремлениях, в искусстве, культуре. Откуда появятся литературные гении, великие художники и композиторы? Их невозможно создать искусственно, каждому из великих природа отводит своё время и место.

Заключение

Таким образом, религиозно-философский и этико-правовой анализ феномена биотехнологий позволяет сделать вывод о неготовности современного общества к принятию и реализации достижений биотехнологической науки по ряду направлений и к контролю над ними. Такую неготовность, выражающуюся в нормативных запретах и общественном осуждении в части, например, клонирования человека, следует приветствовать, поскольку это даёт шанс человечеству остановиться у опасной черты, при переходе которой вполне возможны необратимые процессы.

В то же время научный поиск и эксперименты объективно невозможно остановить или приостановить, что приводит

к осуществлению в ряде стран спорных и небезопасных экспериментов, появлению (не без лоббирования учёных) правовых лазеек для подобного рода экспериментов, поощрению учёных-мигрантов, способных рисковать, невзирая на правовые запреты и этические вопросы.

С другой стороны, проблема заключается в слабой информированности общества о перспективах биотехнологий, их значении для развития медицины и здоровья человека. Зачастую в научной публицистике и в средствах массовой информации научные исследования в данной области демонизируются, искажаются факты, появляются мифы, подогреваются алармистские настроения, что недопустимо. Тем более требует внимания и взвешенной оценки факт присуждения в 2020 г. Нобелевской премии по химии за метод редактирования генома CRISPR/Cas9 (лауреаты – американский биохимик и генетик, исследователь геномики Дженнифер Даудн и французский учёный-микробиолог Эммануэль Мари Шарпантье). Этот метод, как утверждают учёные, позволит изменять гены растений, животных и микроорганизмов, создавать в дальнейшем новые методики лечения тяжёлых заболеваний, например, удалять ВИЧ из заражённых Т-лимфоцитов, лечить диабет, лейкемию, шизофрению и другие болезни.

Доверяя на данном этапе заключению авторитетных учёных, заметим, что требуется немало времени, возможно, смена нескольких поколений, чтобы окончательно утвердиться в правильности и гуманистической ценности данного научного открытия. Только всесторонне, многогранно исследовав феномен биотехнологий, мы сможем понять его истинную сущность и дать ему адекватную оценку. На сегодняшний день у научного сообщества нет должной всесторонней оценки, что объяснимо порождает опасения и сопротивление односторонним заключениям и выводам.

Развивая современные научные направления, мы обязаны учитывать их религиозно-философский и этико-правовой аспекты, особенно это касается феноме-

на биотехнологий, имеющего непосредственное отношение к человеку. На современном этапе научно-теоретическое исследование проблемы человека должно учитывать естествонаучные и философские представления о его сущности, чтобы защитить его уникальную природу от чрезмерной и навязчивой, поспешной и непродуманной научной агрессии. Необходимо исходить из концепции социальной сущности человека, неразрывности диалектической связи биологического и социального в его природе. Это должно предопределять гуманистическую цель и связанные с ней подходы в исследовании проблем человека.

В исследовании, постижении сущности и проблем человека среди различных перспектив, как показывает многовековой опыт философии, исторически наиболее значимой для аутентичности человеческого бытия всегда была этическая перспектива, позволяющая оставлять в человеке человеческое, закреплять в нём сущностное – устремление к высшему благу (совершенству) через преодоление в широком смысле.

Единственным способом на данный момент, позволяющим видеть позитивные и отрицательные моменты в применении биотехнологических методов, считаем, должна быть широкая философская и правовая дискуссия о допустимости и границах вторжения биотехнологий в личную жизнь человека. Это позволит дать адекватную этическую оценку и подготовить должную правовую базу для регулирования данной сферы в интересах защиты прав личности человечества.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белялетдинов Р. Р. В поисках утраченной нормативности биотехнологий: как возникают траектории улучшения человека // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 102–108.
2. Брызгалова Е. В. Технонаука и перспективы улучшения человека: «я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2016. № 2 (48). С. 28–33.
3. Князев В.Н., Федорин В.В. Предпосылки формирования биоэтики и конституирование её предмета: философско-методологический анализ // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 1. С. 19–24.
4. Князев В.Н., Федорин В.В. Развитие генетики и философско-этическое понимание человека // Философия и культура. 2016. № 2. С. 206–213.
5. Красова Е.М. Субъект права техногенной цивилизации в свете философии В. С. Соловьева и И. А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 96–103.
6. Boer Th. A. Reflections on Enhancement and Enchantment: A Concluding Essay // *Human Enhancement Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective* / ed. T. Boer and R. Fisher. 2013. pp. 286.
7. Глэд Дж. Будущая эволюция человека // Евгеника двадцать первого века / пер. с англ. Ф. Б. Сарнова. М.: Захаров, 2005. 176 с.
8. *Donum Vitae. Инструкция об уважении к зарождающейся человеческой жизни и о достоинстве деторождения. Dignitas Personae. Инструкция по некоторым вопросам биоэтики.* М.: Издательство францисканцев, 2009. 96 с.
9. Harris J. *Enhancing Evolution: the Ethical Case for Making Better People.* Princeton University Press, 2007. 242 p.
10. Schardien S. Between Mere Opposition And Dull Allegiance: Enhancement in Theological Ethical Perspective // *Human Enhancement. Scientific Ethical and Theological Aspects from European Perspective*. 2013. P. 250.
11. Wilson E. O. *Sociobiology: The New Synthesis. Twenty-Fifth Anniversary Edition.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2000. 697 p.

REFERENCES

1. Belyaletdinov R. R. [In search of the lost normativity of biotechnology: how trajectories of human improvement arise]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 1, pp. 102–108.
2. Bryzgalina E. V. [Technoscience and the prospects for human improvement: “I can already see our world, which is covered with a web of laboratories”]. In: *Epistemology & Philosophy of Science* [Epistemology & Philosophy of Science], 2016, no. 2 (48), pp. 28–33.
3. Knyazev V. N., Fedorin V. V. [Prerequisites for the formation of bioethics and the constitution of its subject: philosophical and methodological analysis]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Vyatka State Humanitarian University Bulletin], 2016, no. 1, pp. 19–24.
4. Knyazev V. N., Fedorin V. V. [Development of genetics and philosophical and ethical understanding of man]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 2, pp. 206–213.
5. Krasova E. M. [The subject of the law of technogenic civilization through the philosophy of V. S. Solovyov and I. A. Ilyin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2017, no. 1, pp. 96–103.
6. Boer Th. A. Reflections on Enhancement and Enchantment. A Concluding Essay. In: *Human Enhancement Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective*, 2013, pp. 286.
7. Glad J. [Future Human Evolution: Eugenics in the Twenty-First Century]. In: Sarnov F. B., transl. *Budushchaya evolyutsiya cheloveka. Evgenika dvadtsat' pervogo veka* [Future human evolution. Eugenics of the twenty-first century]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 176 p.
8. *Donum Vitae. Instruksiya ob uvazhenii k zarozhdayushcheisya chelovecheskoi zhizni i o dostoinstve detorozhdeniya. Dignitas Personae. Instruksiya po nekotorym voprosam bioetiki* [Donum Vitae. An instruction on respect for nascent human life and the dignity of childbearing. Dignitas Personae. Instruction on Certain Bioethics Issues]. Moscow, Izdatel'stvo frantsiskantsev Publ., 2009. 96 p.
9. Harris J. *Enhancing Evolution: the Ethical Case for Making Better People.* Princeton University Press, 2007. 242 p.

10. Schardien S. Between Mere Opposition And Dull Allegiance: Enhancement in Theological Ethical Perspective. In: *Human Enhancement. Scientific Ethical and Theological Aspects from European Perspective*, 2013, pp. 250.
11. Wilson E. O. *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 2000. 697 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, профессор, директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Яшин Анатолий Николаевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и административного права Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: yashin58@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Director, Social and Humanitarian Institute, Murmansk Arctic State University;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Anatoly N. Yashin – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Departmental Head, Criminal and Administrative Law, Murmansk Arctic State University;
e-mail: yashin58@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Виноградов А.И., Яшин А.Н. Философский анализ феномена биотехнологий в контексте религиозных и этико-правовых ценностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-93-100

FOR CITATION

Vinogradov A. I., Yashin A. N. Philosophical Analysis of the Phenomenon of Biotechnology in the Context of Religious, Ethical and Legal Values. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-93-100

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-101-106

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕБЕДЕВ С. А. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 136 С.

Губанов Н. Н.¹, Губанов Н. И.²

¹Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

²Тюменский государственный медицинский университет
625023, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54, Российская Федерация

SCIENTIFIC ACTIVITY AS CATEGORIAL SYSTEM. REVIEW OF THE BOOK: S.A. LEBEDEV. SCIENTIFIC ACTIVITY: BASIC CONCEPTS. M., PROSPECT PUBL, 2021. 136 P.

N. Gubanov¹, N. Gubanov²

¹Bauman Moscow State Technical University
5, str. 1, 2nd Bauman ul., Moscow 105005, Russian Federation

²Tyumen State Medical University
54, Odesskaya ul., Tyumen 625023, Russian Federation

В рецензируемой книге научная деятельность представлена в трёх ипостасях: 1) как система определённого знания; 2) как особого рода познавательная технология; 3) как специфическая социальная система. Безусловно, все выделенные аспекты науки взаимосвязаны между собой, тем не менее имеют специфическое содержание, требующее для своего описания особого языка и набора категорий. Например, для учёных и философов наука интересна прежде всего как особая система знания, качественно отличающаяся по своим свойствам от всех других видов человеческого познания и знания (проблема демаркации научного знания). Для специалистов же в областях научного менеджмента, экономики науки, правового регулирования научной деятельности, психологии научного творчества, интеллектуальной собственности, научных коммуникаций между учёными и т. д. на первый план выходят уже второй и третий из указанных аспектов научной деятельности. Книга содержит авторское предисловие и анализ в алфавитном порядке всех основных категорий научной деятельности, начинающихся с категории «Абстрагирование» и заканчивающихся понятием «Язык науки». В этом отношении рецензируемая книга представляет собой первый в России, а может быть, и в мире словарь, посвящённый специально категориальному анализу науки как особого вида когнитивной и социальной деятельности.

В предисловии С. А. Лебедев даёт краткое определение смысла современной научной деятельности: «Это социальная деятельность по производству научного знания и его применению» [с. 3]. Разберём это определение. В нём имеются четыре ключевых понятия, требующие специального разъяснения применительно к науке. Это «научное

знание», «социальное», «производство знания», «применение научного знания». Посмотрим, как эти понятия раскрываются в книге. Ключевым, базисным концептом в понимании научной деятельности является категория «научное знание». В словаре эта категория понимается следующим образом: «Научное знание – знание, отвечающее принятым в науке требованиям научной рациональности. В структуре научной рациональности принято выделять общенаучную рациональность и её исторические типы, а также рациональность различных областей и уровней научного знания. Общими (универсальными) требованиями научной рациональности, которым должно соответствовать любое научное знание, независимо от его содержания и формы являются: объектная предметность, однозначность понятий, высказываний и операций, эмпирическая и теоретическая обоснованность, логическая системность, рефлексивность, методологичность, открытость к критике и изменениям, возможность совершенствования, практическая полезность» [с. 62].

Второе ключевое слово в данном выше определении научной деятельности даёт понимание её как деятельности «социальной». С. А. Лебедев поясняет, что это слово фиксирует следующий факт: «главным субъектом современной научной деятельности является уже не отдельный учёный (так сказать «гносеологический Робинзон»). Таким субъектом в современной науке является научный коллектив, представляющий интересы той или иной области науки или научной дисциплины (математики, физики, химии, биологи, историки, социологи, лингвисты, философы, представители технических наук и др.)» [с. 4]. Прочитанное положение совершенно справедливо прежде всего в том плане, что время классической или называемой социологами и экономистами «малой науки», когда главными субъектами научной деятельности были отдельные выдающиеся учёные или их малые группы, закончилось уже во второй половине XIX в. Начиная с этого времени, наука

становится массовым видом социальной деятельности, когда ею уже занимаются десятки тысяч учёных в развитых странах и сотни тысяч и миллионы исследователей во всем мире. К концу XIX в. наука всех развитых стран стала уже не только дисциплинарно организованной системой знания, но и жёстко нацеленной на экономический прогресс общества. Ярким подтверждением этого стало создание новой структурной единицы науки – её промышленного сектора (научных подразделений в рамках промышленных предприятий).

Третьим ключевым понятием в рассматриваемом определении научной деятельности стало «производство знания». Вот что об особенностях производства современного научного знания пишет С. А. Лебедев: «С изменением статуса главного субъекта научного познания появился и ряд новых параметров научной деятельности, которые не играли существенной роли в классической науке. Помещенная в рамки социальных институтов наука стала, по существу, особой формой массового производства такого продукта, как научное знание. Научное знание перестало увеличиваться линейно и стало расти взрывным образом, экспоненциально» [с. 5]. В книге отмечается, что необходимым условием такого роста была диверсификация научной деятельности по отдельным научным специальностям, которые в общей системе научной деятельности должны были дополнять друг друга (теоретики, экспериментаторы, создатели научных приборов и измерительной техники, наладчики, инженеры, руководители научных коллективов, специалисты в области интеллектуальной собственности, её продажи производителям товаров и услуг и т. д.). В современном научном познании по сравнению с классической наукой появился и ряд новых методов исследования (математический эксперимент, математическая гипотеза, системное моделирование, формализация знания, программирование, социальное проектирование и др.). К субъект-объектным познавательным отношениям в структуре научной деятельности добавились

новые, не менее важные для её успешного функционирования отношения, а именно субъект-субъектные, или коммуникационные отношения между учёными.

Четвёртой ключевой категорией в данном выше определении научной деятельности является «применение научного знания». Отметим, что именно применением научного знания заканчивается сегодня цикл любой научной деятельности как структуры особого рода. Применение научного знания – это инновационная (праксиологическая) составляющая научной деятельности. Особенности современного применения научного знания С. А. Лебедевым раскрываются следующим образом: «Современная научная деятельность стала уже не только социально-организованной и управляемой, но и инновационной. Конечной целью научной деятельности уже не является просто получение и легитимация нового научного знания. Такой целью является только создание на его основе множества инновационных продуктов (полезные модели, изобретения, наукоёмкие товары и услуги, новые образцы техники и технологий и др.)» [с. 5–6]. Далее автор указывает, что инновационный продукт, создаваемый наукой, является интеллектуальной собственностью и таким же товаром, как и любой товар, имеющий потребительскую и меновую стоимость. Его потребительская стоимость фиксируется и закрепляется законодательно в ходе описания его полезных свойств в соответствующих лицензиях и договорах купли-продажи. Инновационный аспект научной деятельности требует для своего описания системы понятий, фиксирующих экономический, правовой, праксиологический и этический аспекты научной деятельности. Без этой системы понятий и категорий сегодня уже невозможно полноценное и достаточно полное описание реальной научной деятельности. Основная цель рецензируемой книги состоит в репрезентации и описании её категориальной структуры. Мы разделяем мнение С. А. Лебедева, что такое знание является важнейшей компо-

нентой методологической культуры современного учёного.

Среди обычных, стандартных понятий, используемых в научном дискурсе (обозначающих научные методы, различные течения, позиции и подходы в философии науки и т. д.), в словаре можно встретить понятия, относящиеся к экзистенциальной стороне научной деятельности. Например, такое понятие, как «вера в науку». Приведём выдержку из его определения: «...Вера в науку имеет под собой эмпирическую базу – прежние успехи науки, подтвержденные её историей и взаимодействием с практикой. Однако каждый новый этап в развитии науки никогда полностью не повторяет прошлые и несёт в себе момент неожиданности и уникальности. История науки с её революциями, сменой культурно-исторических типов и фундаментальных теорий говорит о нелинейном характере её развития, полностью не предсказуемом. Новаторам от науки каждый раз приходится делать ставки на победу своих исследовательских программ с надеждой на успех» [с. 12–13]. Или другой пример: концепт «когнитивная ответственность», под которой в книге понимается «ответственность учёного за принимаемые им научные решения в условиях не полной определенности, отсутствия абсолютно полной системы необходимых и достаточных оснований для такого рода решений. Поскольку в подавляющем большинстве познавательных ситуаций в науке отсутствуют возможность абсолютных гарантий верности принимаемых решений, постольку научные риски, когнитивная смелость и когнитивная воля исследователей играют существенную роль в качестве факторов, обеспечивающих динамику и развитие научного знания» [с. 32–33]. И последний, самый показательный, на наш взгляд, пример такого концепта – «когнитивный выбор»: «выбор той или иной из альтернативных гипотез, концепций, теорий, научно-исследовательских программ, научных приоритетов после тщательного критического анализа и обсуждения имеющихся альтернатив в соответствии со

стандартами и критериями оценок, выработанных и принятых в науке на момент обсуждения. Конкретный когнитивный выбор, совершаемый учёным или научным сообществом, имеет своим неизбежным следствием принимаемую ими на себя когнитивную ответственность перед Истиной за совершённый выбор. Груз этой ответственности оказывает существенное влияние на всю последующую деятельность учёного, его самоидентификацию и мнение о нём других учёных и общества в целом. Яркими примерами когнитивного мужества учёных при предпочтении ими новых теорий господствующим ранее в науке теориям были такие значимые события как решительная поддержка Дж. Бруно астрономической теории Н. Коперника как альтернативы господствовавшей прежде в течении более пятнадцати веков концепции Птолемея, безграничная вера Н. Лобачевского в истинность неевклидовой геометрии как альтернативы геометрии Эвклида, несмотря на ее широкое практическое использование, мужество Н. Тимофеева-Ресовского в утверждении генетики в условиях травли и гонений со стороны представителей отечественной «лысенковской» интерпретации дарвинизма, в которой окружающая среда рассматривалась как главный конструктивный фактор эволюции видов» [с. 34].

Особый интерес у нас вызвал концепт, отражающий феномен, размышления о котором не часто можно встретить на страницах учебников по философии науки, – «научный гений». Приведём начало определения автором этого понятия: «Научный гений – учёный, обладающий выдающимися научными способностями, “рождённый для науки”, чувствующий своё предназначение и ответственность перед ней за её развитие, наделённый умением колоссальной концентрации своей когнитивной энергии и самоотдачи, интуитивным даром схватывать сущность вещей и проблем, прорываясь сквозь море частных и отвлекающего внимание многообразия деталей и проявлений этой сущности, которая, как правило, оказывается очень проста и еди-

на» [с. 72]. Отмечая отличительные черты научного гения, С. А. Лебедев справедливо констатирует, что все научные гении отмечали наличие в их сознании не только продуктивного воображения огромной силы (мощных комбинаторных способностей), но и того автоматически действующего «сита», которое отбрасывает всю частную или иррелевантную информацию о предмете исследования, его свойствах и отношениях, и оставляет только самую существенную информацию.

Как известно, одной из постоянно дискутируемых в философии, истории и психологии науки проблем является соотношение в сознании учёного биологического фактора, обусловленного его генетикой, и социального фактора, влияющих на его познавательную деятельность при выборе им целей, приоритетов научной деятельности, а также способов их достижения. По мнению автора, наиболее очевидной подсказкой в решении данной проблемы является следующая идея: научное сообщество, благодаря наличию у него высокой степени самоорганизации и самодетерминации может сформировать («выделить») из своей среды научных авторитетов и даже научных лидеров, но оно принципиально не способно «породить» научных гениев. Их «родителями» являются, скорее всего, сама природа (генотип) и космос.

Как уже было сказано, чёткое выделение автором разных аспектов научной деятельности позволило ему наиболее подробным и специализированным образом осветить ключевые концепты, релевантные тому или иному аспекту. Например, после понятия «гносеология» следуют другие дополняющие его понятия, такие, например, как «гносеологические основания классической науки», «гносеологические основания неклассической науки», «гносеологические основания постнеклассической науки». Отдельно рассматривается также кластер таких взаимосвязанных категорий как «закономерности развития естествознания», «закономерности развития математики», «закономерности развития науки (общие)», «закономерности развития научно-

го знания (общие)», «закономерности развития социально-гуманитарного знания», «закономерности развития технического знания». Аналогично рассматривается семейство таких близких и одновременно различных понятий, как «методология гуманитарных наук», «методология дисциплинарная», «методология естествознания», «методология комплексных и междисциплинарных исследований», «методология математики», «методология науки», «методология научного познания», «методология социальных наук», «методология технаук». Интересно, что С. А. Лебедев разводит понятия «методология науки» и «методология научного познания». По его мнению, «методология науки» шире по объёму, чем «методология научного познания»: «Методология науки – раздел философии науки, исследующий методы научного познания, а также методы управления наукой и методы практической реализации научного знания. Методология науки имеет четыре уровня своего существования: дисциплинарная методология, методология областей наук, общенаучная методология и философская методология» [с. 52].

Хотелось бы отметить, что выбор концептов в книге и подход к их определению

подчинены определённой логике, а именно логике позитивно-диалектической концепции философии науки, разрабатываемой С. А. Лебедевым в последние годы в его многочисленных книгах по философии и методологии науки. Поэтому вполне логично в списке литературы в конце книги автором даётся список его основных работ, в которых более подробно можно познаться со всем богатым контекстом разработанных автором идей в области философии и методологии современной науки и научной деятельности.

В книге содержится более 300 статей. В каждой из них кратко, но глубоко раскрывается сущность денотата, соответствующего определённому концепту. Многие концепты являются оригинальными. В своей совокупности и связях эти концепты создают многосторонний, целостный адекватный образ научной деятельности. Восприятие и усвоение содержания этого образа, несомненно, будет способствовать повышению творческого потенциала читателей, как просто интересующихся, так и профессионально занимающихся научной деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.
2. Лебедев С. А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2014. 272 с.
3. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
4. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
5. Лебедев С. А. Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с.
6. Лебедев С. А. Методология научного познания. М.: Юрайт, 2021. 153 с.
7. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
8. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект. 2021. 448 с.
9. Лебедев С. А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
10. Лебедев С. А., Твердынин Н. М. Гносеологическая специфика технических и технологических наук // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 2. С. 44–70.
11. Лебедев С. А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 6. С. 506.

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* [Philosophy of Science: A Brief Encyclopedia (main directions, concepts, categories)]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 692 p.
2. Lebedev S. A. *Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii* [Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts]. Moscow, Publishing House of the Moscow Psychological and Social University, 2014. 272 p.
3. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Layered Science Methodology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
4. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya kontsepsiya* [Philosophy of Science: Positive-Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
5. Lebedev S. A. *Nauchnaya deyatelnost': osnovnye ponyatiya* [Scientific activity: basic concepts]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 136 p.
6. Lebedev S. A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [The methodology of scientific knowledge]. Moscow, Yurait Publ., 2021. 153 p.
7. Lebedev S. A. [The structure of scientific rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2017, no. 5, pp. 66–79.
8. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
9. Lebedev S. A. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2020, no. 7, pp. 82–92.
10. Lebedev S. A., Tverdnyin N. M. [Epistemological specificity of technical and technological sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Episode 7: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 44–70.
11. Lebedev S. A. [Basic models for the development of scientific knowledge]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 84, no. 6, pp. 506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного медицинского университета;
e-mail: gubanov48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay N. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

Nikolay I. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University;
e-mail: gubanov48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губанов Н. Н. Губанов Н. И. Научная деятельность как система категорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 101–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-101-106

FOR CITATION

Gubanov N. N., Gubanov N. I. Scientific Activity as a System of Categories. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 101–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-101-106

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2021. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик Е. В. Приказчикова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузнов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 6,75, уч.-изд. л. 9,25.

Подписано в печать: 28.06.2021 г. Дата выхода в свет: 08.07.2021 г. Заказ № 2021/06-01.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А